

Социалистический Вестник

Сборник № 3

АПРЕЛЬ 1965 ГОДА

Социалистический Вестник

Сборник № 3

Апрель 1965 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
С. Ш.: После Хрущева	3

Памяти Юрия Петровича Денике

Б. Николаевский: Ю. П. Денике. Опыт политической биографии	12
С. Шварц: Не произнесенная речь	26
С. Бялер: Армия и власть в Советском Союзе	30
В. Александрова: 2-ой съезд писателей РСФСР	39

К еврейскому вопросу в Советском Союзе

С. Шварц: Экономические преступления и евреи	48
Обозреватель: Антисемитский памфлет в Советском Союзе	66
Дрогнула система замалчивания гитлеровской политики истребления евреев	76

Литература и жизнь

Георгий Стукот: Поэт-«тунейдец» — Иосиф Бродский	81
Быт «большой чистки»	88
Начало германско-советской войны	98

Страницы истории

С. Шварц: К истории формирования меньшевизма и большевизма. Статья третья	103
Б. Н-ский: Клара Калнин (Некролог)	112

Manufactured in the United States of America
by Rausen Language Division

С. Ш.

После Хрущева

14-го октября Хрущев сошел с исторической сцены. Существовал ли заговор, в результате которого Хрущев оказался не у дел, остается невыясненным. Представляется вероятным, что если и было что-то приближающееся к заговору, то не о полном отстранении Хрущева от политического руководства, а о давлении на него для достижения некоторого изменения его политики: продолжая политику мирного сосуществования в международных отношениях, стремиться по возможности избежать формального разрыва с китайской компартией и во всяком случае не идти напролом к такому разрыву — и в области внутренней политики, особенно в области экономики, продолжать попытки известного смягчения «догматизма», но без того нервного, поспешного и недостаточно продуманного экспериментирования, которое стало характерной чертой хрущевской политики в последние годы.

Повидимому, Хрущев проявил в заседании Президиума 13-го октября, где обсуждались все эти вопросы, больше упорства, чем от него ожидалось, заседание приняло бурный характер и падение Хрущева стало неизбежным. О том, что решение о снятии Хрущева с поста полу-диктатора было неожиданным и для членов Президиума, с полной ясностью свидетельствует беспомощная формулировка соответственного постановления пленума ЦК от 14-го октября:

«Пленум ЦК удовлетворил просьбу т. Хрущева Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья».

Кто мог этому поверить? Еще утром того же рокового для Хрущева дня 13-го октября, когда состоялось решающее заседание Президиума ЦК, в «Правде» была напечатана происшедшая накануне полная бодрости «беседа» Хрущева (по радио) с экипажем находившегося в полете космического корабля «Восход», закончившаяся веселым: «До свиданья, товарищи. Ждем вас на земле. До свиданья». И в том же номере «Правды» Хрущев, и Хрущев, и Хрущев — и в заявлении командира космического корабля перед полетом, и в докладе космонавтов ЦК-ту во-время полета, и в обращении их к читателям «Прав-

ды», и в восторженных телеграммах из-за границы, и даже трижды цитаты из речей Хрущева в статье о «космических богатырях», участниках космического полета.

Правда, это, повидимому, был какой-то перегиб. В основном в последнее время в официальных выступлениях отчетливо сказывалась тенденция как-то затормозить развитие элементов «культ личности» Хрущева, стихийно выраставших из всей новейшей советской практики, может быть, даже, помимо, а то и вопреки воле самого Хрущева. В последние месяцы перед падением Хрущева начала складываться практика, когда самые закоренелые хрущевцы в своих публичных выступлениях избегали нарочитого подчеркивания исключительной роли Хрущева во всех отраслях государственной и культурной жизни страны, как они это делали еще недавно, и заметно дозировали хвалу Хрущеву, сплошь и рядом ограничивая выражение своей верности Хрущеву почтительным цитированием того или иного из его высказываний. В виде примера можно привести речь Брежнев в Берлине на праздновании 15-летия Германской Демократической Республики («Правда» от 7-го октября) или речь Подгорного в Кишиневе на праздновании 40-летия Молдавской республики («Правда» от 11-го октября). Последняя речь представляет интерес еще и потому, что в ней — совершенно по Хрущеву — резкое осуждение «мелкобуржуазного авантюризма и великодержавного шовинизма» «пекинских раскольников» сочетается с решительной защитой идеи созыва «подготовительного совещания, а затем нового международного совещания представителей коммунистических и рабочих партий», — конечно во имя «высших интересов единства международного коммунистического движения».

Относительно того, чего требуют эти «высшие интересы единства», мнения расходились. Хрущев явно рвался к прямому разрыву с Пекином (конечно, тоже во имя «единства» — без «раскольников»), другие хотели маневрировать — как Тольятти.¹ Спор в заседании Президиума должен был принять очень бурный характер, если он завершился падением Хрущева. Но прямо сказать это коммунистическое руководство не решилось. Отсюда бьющая своей фальшью в глаза формулировка: «в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». А ведь еще в «Правде» от 1-го октября Хрущев показан

¹ Кстати, стоит, может быть, обратить внимание на то, что Тольятти писал свой ставший знаменитым меморандум в Крыму, куда он за два дня до того — 11-го августа — прилетел из Москвы. Представляется вероятным, что меморандум Тольятти в какой-то мере явился отголоском разговоров, которые были у него в Москве с влиятельными членами ЦК КПСС. — О меморандуме Тольятти см. статью «Кризис международного коммунизма» в предыдущем номере нашего сборника.

бодрый и в расцвете сил, беседующий с прилетевшим в Москву президентом Индонезии Сукарно. Да и какой это вообще «преклонный возраст» 70 лет для человека завидного здоровья Хрущева?

Если бы Хрущев ушел с занимавшихся им постов действительно «в связи с ухудшением здоровья», он, может быть, был бы избран председателем Президиума Верховного Совета, т. е. президентом Советского Союза, заняв почетную должность, не требующую большого напряжения сил; или во всяком случае остался бы, по американской терминологии, чем-то в роде «элдер стэйтмэн», окруженным почетом мужем совета «на самом высшем уровне», как это нередко бывает в Соединенных Штатах с бывшими президентами, уходящими от активной политики по окончании срока их избрания. И не могло бы быть такого конфуза, что делегации иностранных коммунистических партий, приезжающие со специальной целью ознакомиться с создавшимся положением и выяснить причины и политическое значение ошеломившего их падения Хрущева, не могли бы добиться разрешения (!) встретиться и поговорить с Хрущевым, — несмотря на свои повторные и настойчивые просьбы!

Внезапная отставка Хрущева после того, как годами в стране постепенно создавался — и создан — подлинный культ личности Хрущева, должна была бы при всех обстоятельствах непосредственно сказаться неблагоприятно на авторитете советского правительства. Ведь только еще совсем недавно — за полгода до его падения, ко дню семидесятилетия Хрущева — Президиум ЦК, Президиум Верховного Совета и Совет Министров СССР писали о нем в самых возвышенных тонах (см. «Правду» от 17-го апреля 1964 г.). Но если бы хоть теперь, запоздало политика Хрущева открыто подверглась серьезной критике и ему дана была бы возможность защищаться, а его аргументам были бы противопоставлены серьезные контр-аргументы, падение Хрущева могло бы стать поворотным моментом в политическом развитии Советского Союза и иметь большие положительные последствия; и могло бы привести к усилению авторитета правительства и укреплению международного авторитета Советского Союза. Но самое это «если бы хоть теперь» звучит какой-то горькой иронией. И то, как снятие Хрущева с постов было проведено, и очевидная грубая фальшь в официальном объявлении его удаления со всех постов явились тяжелым ударом для авторитета «партии и правительства» и сразу сказались падением влияния Советского Союза даже в среде стран «социалистического лагеря».

Чем дальше, тем хуже. Очень скоро началась острая и явно пристрастная полемика против Хрущева, но без упоминания его имени, что вносило во всю эту полемику какую-то нездоровую ноту. В первой ноябрьской книжке (№ 21) жур-

нала «Партийная Жизнь» (органа ЦК главным образом для местных руководящих кадров) в передовой статье «КПСС — партия революционеров» мы читаем:

«...Прожекторство, пустая маниловщина, нежелание считаться с реальными возможностями, принятие необоснованных, надуманных решений противоречат самой природе нашей партии... Партийное руководство ничего общего не имеет с голым администрированием, командованием. В основе его лежат методы убеждения, идейного воздействия, воспитания... Партия решительно освобождается от тех руководителей, которые перестали считаться с мнением партийных масс и руководящих коллективов, подменяют их волю своими единоличными решениями и действиями».

Ни у кого не могло возникнуть сомнений, что это упреки по адресу Хрущева, но во всей статье даже имя его ни разу не упоминается. Это какой-то скверный анекдот.

То же повторилось на декабрьской сессии Верховного Совета СССР. В докладе Косыгина о народнохозяйственном плане на 1965 год и в докладе министра финансов Гарбузова о бюджете о Хрущеве, конечно, прямо не упоминалось, и даже косвенно, без имени, о нем упоминалось лишь очень отдаленно; но в прениях по докладам многие депутаты энергично шельмовали Хрущева по методу «Партийной Жизни», т. е. не упоминая его имени. Только один из выступавших, вероятно, по неосторожности, нарушил этот негласный запрет и, осуждая Хрущева, назвал его. Суслов, сидевший на трибуне для вождей «партии и правительства», резко поднял голову и внимательно посмотрел на говорившего. Больше этой ошибки никто не повторил. В опубликованных в «Правде» отчетах о заседаниях Верховного Совета этот инцидент не нашел своего отражения и о нем стало известно только из сообщения корреспондента «Нью Йорк Таймс» Генри Таннера.

И сейчас же после падения Хрущева начался пересмотр истории Советского Союза и особенно истории компартии. На беду, за две с небольшим недели до падения Хрущева вышел в свет первый том большой (рассчитанной на шесть томов) «Истории Коммунистической Партии Советского Союза». Первый том посвящен периоду до 1903 г. и Хрущева в самой истории, конечно, еще нет. Но в обширном предисловии к этому тому (50 страниц) Хрущев и цитируется и упоминается не раз. Приведу один пример:

«Советские коммунисты могут гордиться высокой оценкой ленинского курса ЦК нашей партии и деятельности товарища Н. С. Хрущева, которую дали марксистско-ленинские братские партии в день его славного 70-летия, отмечая роль Н. С. Хрущева в разоблачении культа личности и творческом развитии марксистско-ленинской теории, в осуществлении великих революционных преобразований» (стр. XLVIII).

Еще до выхода книги в свет это предисловие было полностью напечатано в «Правде» (от 21, 22 и 23-го сентября). После падения Хрущева том этот немедленно был изъят из продажи (а книга вышла в количестве 220.000 экземпляров) и, вероятно, и из библиотек и, как сообщалось, в ближайшем времени должен был появиться в новом виде.

Советские историки, впрочем, закалены в преодолении такого рода трудностей. Подумать только: с падением Хрущева уже все — после Ленина — председатели Совета Министров СССР (или Совета Народных Комиссаров) — Рыков, Молотов, Сталин, Маленков, Булганин и теперь Хрущев — перешли в состояние «безличности» («imp-person») по Орвелловской терминологии, как и все первые секретари коммунистического ЦК (Сталин, Маленков, Хрущев), — конечно, (пока?) кроме Косыгина и Брежнева.

Падение авторитета КПСС в связи с низложением Хрущева, отчетливо сказавшееся во всех коммунистических партиях, особенно резко выразилось в компартиях, и до того настроенных про-китайски.² Японская «Акахата» (от 25-го октября) — относительно мягко — выразила надежду, что «вожди КПСС подвергнут тщательной проверке ревизионистскую линию и в международных и во внутренних вопросах и вернутся к подлинной марксистско-ленинской политике». Другие прямо требовали капитуляции московского коммунистического руководства и публичной реабилитации Сталина. Особенно энергично и на этот раз выступили албанцы: они потребовали осуждения «предательской линии XX и XXII съездов» и «югославского ревизионизма», категорически заявив, что «одним из самых важнейших мероприятий в борьбе за преодоление уклонов от марксизма-ленинизма должно явиться восстановление доброго имени и авторитета Сталина и «осуждение клеветнических обвинений» его Хрущевым («Зери и Популит» от 9-го ноября). А бельгийский про-китайский «Вуа дю Пэпль» (от 13-го ноября) опубликовал декларацию «революционных коммунистов Югославии», призывающую к свержению режима Тито и к созданию новой партии «под знаменем Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина».

В атмосфере растерянности в среде сторонников Москвы сторонники Пекина в индийской компартии выделились 7-го ноября в самостоятельную партию, настаивая на своем преимущественном праве представлять индийский коммунизм и полемизируя против «официальной» и про-московской компартии, как против отщепенцев. И когда в марте 1965 года в одном из

² Большая часть приведенных ниже данных о реакции коммунистических партий на падение Хрущева заимствована из статьи **Леопольда Лабенца** «Конец одной эпохи» в лондонском трехмесячнике «Сорвей» (январь 1965 г.).

14 государств, входящих в состав Индии, в Керале, состоялись парламентские выборы, на выборах боролись две коммунистические партии и одна из них — про-пекинская — завоевала 40 мандатов, другая — про-московская — только три (правда, она не во всех округах выставила своих людей и в ряде округов поддерживала других прогрессивных кандидатов, но даже считая и кандидатов, которых она поддерживала, про-московская компартия имела очень ограниченный успех). (См. об этом ряд корреспонденций из Тривандрума, столицы Кералы, в «Кристиан Сайенс Монитор» за март).

Но и в европейских про-московских и анти-пекинских коммунистических партиях положение для московского коммунистического руководства создалось трудное. Ездившая в Москву после падения Хрущева французская делегация прямо заявила, что новейшие события в Москве неизбежно приведут к потере партией части ее членов и к еще большим потерям голосов на выборах. А Французский Союз Коммунистических Студентов принял резолюцию, в которой требовал опубликования подробного отчета о заседании ЦК КПСС 14-го октября, «включая в частности и речь Хрущева». Глава ездившей в Москву итальянской делегации Берлингер подчеркнул в своем отчете в «Унита» (от 4-го ноября), что делегация осталась неудовлетворенной данными в Москве объяснениями. И ЦК итальянской компартии солидаризовался через два дня со своей делегацией. Такую же позицию заняла и норвежская компартия. Британская, датская, швейцарская, австрийская компартии тоже послали в Москву свои делегации для выяснения всех обстоятельств дела. И даже компартии в европейских «народных демократиях» не скрывали своей тревоги — и осторожно, но настойчиво подчеркивали свою автономию в международном коммунистическом движении.

Конкретно — колебания коммунистических партий и трения между иностранными компартиями и КПСС сосредоточились прежде всего вокруг вопроса о созыве намеченного на 15-ое декабря совещания коммунистических партий, о котором, как отмечено выше, еще почти накануне падения Хрущева с такой настойчивостью говорил Подгорный. Непримиимо отрицательное отношение к созыву этой конференции со стороны китайской компартии и очень резко выраженное и даже усиливавшееся среди про-московских коммунистических партий желание избежать прямого и открытого разрыва с Китаем с неизбежными после такого разрыва взаимными «отлучениями» — сковывали активность в этом вопросе нового коммунистического руководства. Цитированная выше статья «Партийной Жизни», правда, еще твердо декларировала, что «незыблемой основой внешней политики» компартии «была, есть и будет политика мирного сосуществования государств с различным социальным строем», — мысль, вызывающая со стороны китай-

ской компартии обвинения в оппортунизме, в отказе от революционных принципов марксизма-ленинизма. Это подается, конечно, сложнее. Борьба за мир? Конечно! В каком-то высшем смысле даже за мирное сосуществование. Но проблема мира не должна превалировать («незыблемая основа») над проблемой революции, а, напротив, должна быть подчинена ей. И отсюда по всем важнейшим вопросам внешней политики делаются далеко идущие практические выводы, фактически сводящие на нет самую мысль о политике мирного сосуществования и приводящие к обвинениям московского коммунистического руководства во всех смертных грехах.

На декабрьской сессии Верховного Совета Косыгин в своем первом большом докладе в качестве председателя Совета Министров вновь повторил, что советское правительство ставит себе задачей «последовательное проведение принципов мирного сосуществования между государствами с различным социальным строем», и, настаивая на возможности и желательности ослабления международной напряженности, говорил об отношениях СССР с США, Англией, Францией и др., с рядом стран Азии, Африки и Южной Америки, но просто ни одним словом не коснулся отношений с Китаем, не упомянул и о предстоящем (на следующей неделе!) совещании коммунистических партий. Это была попытка спрятать голову в песок. А еще через три дня — в «Правде» от 12-го декабря, за три дня до намеченного открытия совещания — было опубликовано сообщение, что «на основе проведенных взаимных консультаций между братскими партиями, в целях лучшей подготовки заседания Редакционной комиссии и международного совещания коммунистических и рабочих партий, первое заседание Редакционной комиссии назначено на 1 марта 1965 года».

Не помогла и отсрочка. Ко времени открытия совещания организаторы его уже знали, что даже среди коммунистических партий, сохраняющих в основном про-московскую ориентировку, им не удастся добиться прямой и активной организационной поддержки в борьбе против китайской идеологической агрессии. Но и отказаться от совещания было невозможно, это означало бы слишком очевидное поражение московского коммунистического руководства. Чтобы «сохранить лицо», нужно было, чтобы готовящееся совещание состоялось, но по возможности без того, чтобы в общественном сознании ему придавался характер большого политического события. Ко времени открытия совещания оно поэтому уже не именовалось ни совещанием, ни даже «Редакционной комиссией для подготовки международного совещания», а лишь «консультативной встречей». И соответственно и составу участников «встречи» был придан сравнительно скромный характер. Ни одна из сколько-нибудь влиятельных коммунистических партий не послала на «встречу» своего первого человека, кроме

разве индийской партии, которая была представлена своим председателем Данге (но сейчас, после раскола, уже нет уверенности, что Данге сохраняет еще прежний авторитет среди индийских коммунистов). Ни Гомулки, ни Кадара, ни Ульбрихта, ни Лонге, ни Навотного на встрече не было, не было и Брежнева, и во главе делегации КПСС стоял Суслов. И точно, чтобы еще резче подчеркнуть, что это совещание является лишь каким-то ограниченным в своем значении партийным делом, не имеющим большого общественно-политического значения, советский премьер Косыгин оказался ко дню открытия совещания в Восточной Германии, где он с подчеркнутым интересом осматривал Лейпцигскую ярмарку, чтобы только 3-го марта вернуться в Москву. Но участники совещания так и до конца не были приняты председателем Совета Министров и в печати не было сообщено, чтобы они имели «беседу» с 1-ым секретарем ЦК КПСС. Что происходило на совещании, продолжавшемся как ни как пять дней, оставалось тайной и лишь по окончании совещания было сообщено — не без ущерба для русского языка, — что «консультативная встреча» «единогласно» и «в атмосфере искренности и дружбы» «приняла коммюнике» (отнюдь не резолюцию, ведь это не совещание, а только «встреча»!), которое «будет опубликовано 10 марта».

Основная организационная концепция, нашедшая свое выражение в «коммюнике», мирная и практическая — по Тольятти. Сделать все, чтобы избежать раскола. «Даже при наличии разногласий, касающихся политической линии, многих важных проблем теории и тактики, вполне возможно и необходимо добиваться единства действий в борьбе против империализма, в деле всемерной поддержки освободительного движения народов, в борьбе за всеобщий мир и мирное сосуществование государств с различным социальным строем, в борьбе за насущные интересы и исторические цели рабочего класса. Совместные действия в борьбе за эти общие цели — наиболее верный путь преодоления существующих разногласий». И еще «Концентрация внимания и усилий на актуальных задачах, стоящих перед коммунистическим движением, больше всего послужит сближению наших позиций по коренным вопросам современности».

Соответственно и в вопросе о международной конференции, возбуждавшем в течение последнего года, столько страстей, коммюнике ищет мирного и компромиссного решения. Прежде всего не спешить: «Активная и всесторонняя подготовка нового международного совещания и его проведение в **подходящее время**»... А до того, «коллективные усилия для улучшения взаимоотношений между партиями» путем «целесообразного использования» «двухсторонних и многосторонних встреч представителей братских партий», путем «прекра-

щения открытой полемики, носящей недружелюбный, оскорбительный для братских партий характер», и путем решительного отказа от «вмешательства одних партий во внутренние дела других партий».

Все это с организационной точки зрения звучит почти идилично. Но политический смысл «консультативной встречи» совсем в другом. В статье «Кризис международного коммунизма» в предыдущем нашем сборнике уже отмечалось глубокое противоречие у Тольятти между его представлениями о вероятном и желательном развитии коммунистического движения и его же представлениями о западных странах, как о сфере господства хищного, монополистического капитализма. Участники «встречи» пошли в этом вопросе даже дальше Тольятти и в коммунике, и тем более в другом «документе» — в «Заявлении о событиях во Вьетнаме участников консультативной встречи коммунистических и рабочих партий» («Правда» от 4-го марта). И если в концепции Тольятти, как она нашла свое выражение в его меморандуме, эти замечания ощущаются как инородное тело, в «документах» «консультативной встречи» они окрашивают и оттесняют на задний план все остальное. «Попирая элементарные нормы международного права, американская военщина проводит колониалистскую политику в самой грубой и неприкрытой форме». «Империалистическая реакция активизируется, стремится обострить обстановку в различных районах мира, предпринимает агрессивные акции, направленные против стран социализма, государств освободившихся от колониализма, против освободительного движения народов». Оба «документа» написаны так, будто в западных странах и особенно в США политику определяют «бешеные», будто политическое руководство в этих странах является послушным орудием «монополистов» и «империалистов». Если бы это было так, были бы правы китайцы с их аргументацией о политике мирного сосуществования, как о глупой и вредной маниловщине.

Хрущев в последние годы начал понимать, что это совсем не так, что в западных странах ведется упорная и частью успешная борьба за демократическую и прогрессивную внешнюю политику, и хотя до полной победы этой политики еще далеко, о безраздельном господстве империалистической традиции уже не может быть и речи. И что соответственно политика сосуществования должна быть для Советского Союза не хитрым маневром, а его действительной последовательно проводимой политикой. Новому коммунистическому руководству еще нужно доработаться до этого сознания. Пока оно ему, повидимому, чуждо.

ПАМЯТИ Ю. П. ДЕНИКЕ

Б. НИКОЛАЕВСКИЙ

Ю. П. Денике

(7 ноября 1887 — 29 декабря 1964)

ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

29 декабря 1964 г., в Брюсселе, на 78 году жизни, внезапно скончался Юрий Петрович Денике, — русский социал-демократ, многолетний сотрудник, а за последние годы и со-редактор «Соц. Вест.», историк и публицист.

Он умер, как говорили в старые годы, от разрыва сердца. Почти восемь десятилетий последнее работало без отказа, терпеливо неся все тяготы, которые падали на плечи его хозяина, — и только в самые последние годы начало давать перебои. Ю. П. не хотел мириться с этим новым положением, — старался не поддаваться «силе вражьей». Но борьба, конечно, была неравной... В Европе Ю. П. оказался совсем не случайно: после почти четверти века, прожитой в Соед. Штатах, которые за годы войны гостеприимно дали приют русским изгнанникам, — он решил вернуться во Францию, где жил перед войною. В этом был свой большой смысл: Ю. П. очень интересовался Америкой, внимательно следил за ее жизнью, изучал ее историю и экономику, — но за десятилетия эмигрантских скитаний интимно полюбил он именно Францию и именно в ней хотел осесть, чтобы за историко-литературной работой провести там последние годы, которые ему отмерила судьба...

Несмотря на тревожные сигналы, которые время от времени подавало его сердце, он был настроен скорее оптимистически. Всего за два дня до смерти, в телефонном разговоре с одним из американских друзей, он поделился своими планами: им только что в основном закончена большая статья для подготавливаемого теперь к изданию сборника по истории меньшевизма; он был в процессе писания очередной статьи для «Соц. Вест.», — увы, она осталась не написанной!, — а затем он решил вплотную засесть за воспоминания, подбор материалов для которых он заканчивал... Политик и публицист в нем с давних лет соревновался с историком, часто оттесняя последнего на задний план, — теперь историк должен был взять реванш: Ю. П. собирался с головой уйти в подведение итогов пережитому... К сожалению, перо выпало из рук в самом начале!

А подводить итоги было нужно многому.

Он был родом с Волги, из Казанской губернии, — из тех самых мест, где уже с середины 1880-х гг., почти без зарубежных влияний, в порядке можно сказать самопроизвольного зарождения, начинал формироваться своеобразный, самобытнический марксизм, органически выросавший из еще более своеобразного самобытничества позднего лавризма... Роль этого самобытнического марксизма в общем развитии российской социал-демократии была значительно большей, чем об этом можно судить по теперешней официальной историографии. Основной особенностью его было стремление ставить знак равенства между политикой старого строя и политическими настроениями молодой российской буржуазии, которая только-только начинала выходить на большую арену политической жизни, — и выросавшая отсюда недооценка этими доморощенными российскими социал-демократами значения буржуазной оппозиции. Именно отсюда, — из этого самобытнического марксизма, — выросла ранняя оппозиция некоторых из ранних российских марксистов определенно западническому марксизму Группы Освобождения Труда, — ее политическим настроениям периода голода 1891-92 гг. Именно сюда, — к этому самобытническому марксизму ведут и корни самобытнических настроений в первых литературно-политических выступлениях Ленина, в его «Друзьях народа» и в статье против Струве, напечатанной в сборнике Потресова (1895 г.)

Казань была центром, к которому тянулись нити этого самобытнического марксизма (его иногда так и называли «казанским» или «оренбургским», — последний термин был маскировкой для первого), — и именно в Казани эти настроения держались прочнее, чем где бы то ни было, — вплоть до революции 1905 года...

Денике вышел из семьи, которая была прочно связана со всеми специфически казанскими особенностями развития этого своеобразного края. По материнской линии его семья была связана с рядом кондовых дворянских семей, из рядов которых формировались и основные кадры казанской интеллигенции, — отец принадлежал к среднему служилому чиновничеству (он был уездным членом суда). И отец и мать владели иностранными языками, любили музыку, старались следить за литературой. Семья была среднего достатка, но жила культурными интересами, — и дети, — их было семеро (шесть сыновей и одна дочь), — рано попадали в ту же орбиту. Совсем не случайно, что, кажется, все шесть сыновей (дочь рано умерла) окончили университет, а четверо из них стали профессорами.

Ю. П. даже в этой семье выделялся и блестящими способностями, и инициативным умом, и умением формулировать свои мысли на бумаге. Его товарищи по гимназии вспоминают, что

еще в гимназии ему предрекали большую карьеру ученого. Он действительно имел все данные для того, чтобы оправдать эти ожидания, — и его первая же университетская работа, — о Фукидиде и его «пелопонезских войнах», — была напечатана в «Журнале Министерства Народного Просвещения», — честь, которой удостоивалось не больше 1-2 студенческих работ в год на всю страну. За вторую работу, — о Ксенофоне, — он получил золотую медаль...

Профессорская кафедра для него была обеспечена, — но, несмотря на сугубый академизм его тем, Денике никогда не обнаруживал склонности превратиться в сухого академика, — никогда не замыкался в узкий круг интересов избранной им специальности. Круг его интересов был исключительно широк. Он любил и хорошо знал музыку, искусство, литературу, их историю, — не только русскую! А главное — он не только интересовался большой политикой, не только с юных лет за нею следил, но и рвался принимать активное участие в той политической борьбе, которая с особой силой захватила именно его поколение, вынесшее на своих плечах главное бремя революций и 1905, и 1917 гг. И эта политика мешала ему делать карьеру ученого.

Еще на гимназической скамье, в 1904 г., он установил связь с подпольной с.-д. организацией и начал работать в ее рядах, — сначала на чисто технических ролях, но очень скоро перешел на роли агитатора и пропагандиста. Конечно, большое влияние на него оказал тот факт, что главным местным руководителем этой организации был его двоюродный брат Дамперов, лет на 8 старший, имевший широкие связи в Казани и пользовавшийся репутацией «великого конспиратора». Дамперов был лидером казанских большевиков и «хранителем традиций» казанского марксизма, — в этот момент уже окончательно сходявшего со сцены, полностью вливаясь в ленинский большевизм. Может быть, последним рецидивом его был тот оттенок в откликах Казанского Комитета на январские события 1905 г., которые в свое время вызвали много нападок на казанских большевиков. В современной советской исторической литературе мне не пришлось встречать никаких даже намеков на этот эпизод в истории казанского движения, но в начале 1905 г. Вост. Бюро ЦК снарядило в Казань целую карательную экспедицию и провело там небольшую «чистку», определив казанские отклики на события, как крайнее упрощенчество...

Юный Денике естественно примкнул к большевикам. 17-18-летний юноша, он, конечно, не мог играть роли в определении тогдашней позиции казанских большевиков; о конфликте по поводу январских событий он вообще ничего не знал, — но его собственный большевизм тогда складывался под влиянием именно этого упрощенчества... Это нужно знать, чтобы понимать его настроения конца лета 1905 г., когда он уехал в

Петербург, поступил в Политехнический Институт и решил с головою броситься в политику...

Петербург августа-сентября 1905 г. был кипящим котлом, который захватывал не одну только зеленую молодежь. Вся Россия тогда напряженно ждала больших событий, — и в ожидании их все, кто мог, стремился в Петербург. Во всех политических группах наблюдалось то же явление. Конечно, и большевистская, и меньшевистская организации Петербурга были переполнены наиболее талантливыми, наиболее энергичными работниками этих фракций. Выдвинуться в этих условиях политически совсем зеленому 18-летнему юноше было трудно, — тем более, что по случайным обстоятельствам он потерял полученную им в Казани партийную явку на Петербург, а традиция приема в организацию только по явкам питерскими большевиками соблюдалась очень строго. Но его выступления на студенческих собраниях в сентябре 1905 г. были так удачны, что сношения с организацией были быстро установлены на путях, непредусмотренных традициями, и уже в октябре-ноябре он был включен в коллегия агитаторов ПК большевиков с прикомандированием к Путиловскому заводу. Его рассказы о событиях тех дней вносили много интересных дополнений в повесть о том, как шел процесс революционизирования этого завода-гиганта, среди старых рабочих которого монархические настроения так прочно держались до октябрьских дней 1905 г., что большевик Денике должен был просить о присылке на завод для выступления тогдашнего меньшевика Троцкого, которому действительно удалось пробить брешь в настроениях путиловских стариков...

В последующие месяцы Денике знакомится с ведущими лидерами питерских большевиков, — особенно с Базаровым, А. Богдановым и Луначарским, которые выдвигают его, как одного из талантливейших представителей большевистской молодежи. В качестве такового его включают в тот организационно неоформленный руководящий коллектив большевистской фракции, который не был предусмотрен никакими ни обще-партийными, ни даже фракционными большевистскими уставами, но который в 1906-07 гг. был фактически совещательным органом при Большевистском Центре (Ленин, Богданов, Красин). На этих совещаниях Денике имел возможность наблюдать Ленина, с которым в этот период он познакомился лично. Как известно, большевики теперь создали огромную литературу о Ленине, — но эта литература крайне однобока: о целом ряде важнейших пунктов биографии последнего в ней нет ничего, в том числе ничего нет ни о Большевистском Центре, ни о внутренней жизни большевистской фракции вообще, ни о той закулисной борьбе, которая там велась. Рассказы Денике под этим углом зрения давали очень много нового.

Конечно, он быстро подпал под полное политическое вли-

яние Ленина, — хотя из его друзей-покровителей такие, как Базаров, уже тогда не были свободны от критического отношения к ленинским концепциям. В центре всей своей политической кампании периода 1 Государственной Думы Ленин ставил задачу «разоблачения» кадетов: он был уверен, что они «сторгуются» с правительством, и по существу, всеми своими выступлениями бил не по правительству, не по самодержавию, а по кадетам, которые, по его убеждению, не сегодня-завтра придут к власти. Некоторые его выступления были очень сильными, — особенно его знаменитое выступление в Народном Доме Паниной, где он говорил об «измене кадетов» и их соглашении с правительством, как об уже совершившемся факте. Денике тоже был на этом собрании, — и в его жизни оно сыграло значительную роль: Ленин убедил его и, вернувшись с собрания, он быстро написал небольшую брошюру на тему о том, как предают либералы народные интересы. Рукопись он передал Богданову, который дал ей очень высокую оценку и принял к изданию в большевистском издательстве, которым руководил. При этом Богданов рассказал Денике, что брошюру на ту же тему пишет и Ленин, но что издательство ввиду важности темы, решило выпустить обе... В действительности, не вышла ни одна: прогноз Ленина оказался совершенно ошибочным, вместо соглашения кадетов с правительством последнее провело разгон Думы, — и выпускать брошюры, которые в основу всех выводов клали уверенность, что «сделка» состоится было невозможно... Объективно Ленин со своими хлесткими, но глубоко ошибочными прогнозами помогал правительству в его борьбе против Государственной Думы, — вел работу по дискредитации той силы, которая была особенно опасна для царизма.

Но это «предвидение» Ленина было так тесно связано со всей ленинской системой политического «видения» вообще, что оно не могло не произвести огромного впечатления на Денике. Он был очень молод и еще более «зелен» в политике, — но он уже тогда стремился к научному обращению с фактами, и научной же честности обобщающего вывода, — а как раз следующие недели приносили одно за другим доказательства, что именно с научной честностью у Ленина дело обстояло крайне плохо. Дело было не только в том, что его прогнозы один за другим оказывались ошибочными, и даже не только в том, что выводы один за другим приходилось выбрасывать за борт. Больше всего на Денике произвела впечатление та нечестность, с которой Ленин это делал: когда Ленину напоминали его оценки, высказанные только за несколько дней перед тем, он переходил в нападение и обвинял своих обвинителей в сознательной неправде... Один раз Денике произвел проверку, говорил с Базаровым, чтобы установить правду. Тот подтвердил, что Ленин полностью неправ, — что он действитель-

но высказывал мысли, приписываемые ему, что он потом объявлял чуть ли не сознательно клеветой, — и что этот прием для Ленина довольно обычен...

Правда, время для прогнозов было, действительно, очень трудным: первые месяцы после разгона первой Думы. Но дело шло не только о частных ошибках... Денике за это время совершил небольшую поездку в Казань, много видел в пути, со многими виделся в Казани... Вернувшись в Петербург он засел за материалы о хозяйственном положении страны, — и пришел к выводу, что хозяйственный кризис, который лежал в основе революционных событий предшествующих лет, кончается, что, поэтому, следует ждать не крестьянского восстания немедленно же по окончании «полевых работ», как утверждал Ленин, а, наоборот, длительного перерыва между двумя приливами. С докладом на эту тему Денике выступил на большевистском коллективе, — и, конечно, был жесточайшим образом раскритикован. От Большевистского Центра против него выступил Гольденберг-Мешковский, который передал и оценку Ленина, находившего, что Денике и его единомышленники (их было немного, но они имелись) «растеряли все остатки революционного марксизма». А фракционный Большевистский Центр вынес формальное решение, сообщенное Денике в официальном порядке с запрещением выступать с проповедью его взглядов даже на партийных собраниях. Для Денике-большевика это было жестоким ударом, для Денике-социалдемократа очень полезным уроком.

Как раз в это время Денике пришлось уехать на юг, — в Луганск. Там он пытался делать выводы из своих новых взглядов. Арест оборвал его деятельность, — а тюрьма заострила его впечатления: в ней ему пришлось наблюдать примеры гибели молодых рабочих-большевиков, которых ленинская проповедь «партизанской борьбы» толкала на путь мелких экспроприаций... Эти впечатления довершили путь развития: весной 1907 г. он ушел от большевиков...

Первые годы после Луганской тюрьмы Денике находился под надзором полиции, — и это закрывало ему дорогу в университет. Но решение вернуться к науке им было принято сразу же и в 1910 г., как только полицейские трудности были преодолены, он поступил в Московский университет, из которого в 1914 г., по семейным соображениям (смерть отца и болезнь матери) перевелся в Казань. Больше всего его привлекали вопросы русской истории, и уже первая его семинарская работа (у проф. Смирнова) получила весьма высокую оценку; но затем он перешел к древней истории. Упомянутые выше работы о Фукидиде и Ксенофонте им написаны в Казани, уже в годы войны. Дорога к профессорской кафедре для него была расчищена, — но революция 1917 г. спутала все планы.

К началу революции 1917 года Денике был далек от актив-

ного большевизма. Но и к меньшевикам больших симпатий у него не было. Правильнее всего будет сказать, что к этому времени он ошупью пришел к демократическому социализму, — но не принимал многого из того особенного, что меньшевизм внес в русский демократический социализм... Надо добавить, что с большевистским движением его продолжал связывать ряд личных нитей: в рядах большевиков нити такой личной связанности всегда были много крепче, чем в лагере меньшевистском... Отсутствие организационных связей с революционным движением в предреволюционные годы не препятствовало однако ведению им революционной по своему значению общественной работы. За эти годы он стал активным и видным казанским журналистом, — одним из главных публицистов в местной демократической печати, лектором, общественным деятелем. Объективно для Денике это все было подготовкой к той роли, которую он в 1917 г. сыграл в казанской жизни...

Как это было почти повсюду в провинции, первые вести о событиях в Петрограде Казань получила из телеграмм Бубликова, чрезвычайного комиссара Государственной Думы по делам железных дорог. Денике вспомнил, что ему об этом позвонили из редакции, — и он немедленно же туда помчался. В спешном порядке, буквально в несколько часов, были созданы основные ячейки для построения и Совета Рабочих Депутатов, с одной стороны, и Комитета Общественной Безопасности, с другой. Командующий войсками, ген. Сандецкий не признал переворота и хотел оказать сопротивление. В городе был огромный гарнизон, — до 40 тысяч человек, — и при решительности этого генерала (вскоре выяснилось, что он был к тому же психически не вполне нормален) могли произойти кровавые столкновения. Именно Денике проявил в эти решающие часы и нужное хладнокровие, и смелую решительность: он убедил студенческий митинг не устраивать демонстративного шествия к дворцу командующего (такое решение уже было принято), — и в ту же ночь, во главе небольшой группы решительных людей, арестовал Сандецкого...

Роль, которую Денике сыграл в эти первые часы февральской революции определила его положение в аппарате новой власти на весь «февральский» период.

Как и повсюду в России, этот аппарат тогда был построен по принципу «дуализма» власти: с одной стороны, та или иная форма Комитета Общественных Организаций, группировавшихся вокруг губернского комиссара Временного Правительства, и, с другой, Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Местные условия определяли некоторые особенности структуры Комитетов Общественных Организаций, их состава и пр., но в основе они повсюду носили очень случайный характер, ни на кого в организационном отношении не опирались и степень их авто-

ритетности, быстро шла на убыль, — в то время, как авторитет Советов быстро возрастал. Дуализм власти на местах был вообще основным фактором развития революционного процесса в различных районах, — а формы преодоления этого дуализма в их повседневной практике фактически предопределяли многие особенности развития в данном районе. Основной особенностью этого развития, созданной казанской практикой, была личная роль Денике.

Комиссаром Временного Правительства в Казани был Плотников, в предреволюционные годы председатель губернской земской управы, весьма умеренный либерал, но умный и гибкий человек, понимавший новую обстановку и старавшийся влиять на события, договариваясь с лидерами Совета. Председателем Совета был доктор Шергов, старый меньшевик, человек с большим опытом и выдержкой, но не яркий по своим способностям. Денике оказался как нельзя более подходящим именно для этой обстановки: коренной казанец, кончивший здесь гимназию и университет, известный как журналист и лектор, который всё и всех знал, и которого в свою очередь все знали, склонный не заострять конфликты, а искать их разрешения на путях сговора, — он быстро стал необходимейшим человеком для обеих сторон, а затем, избранный товарищем председателя и Совета, и Общественного Комитета, он стал фактически главным практическим возглавителем всего местного аппарата власти. В своем двойном т. ск. подданстве он был особенно удобен для проведения дел, которые были особенно спорны в отношении компетенции.

Конечно, это привело к исключительно большой нагрузке, которая легла на плечи Денике. Надо добавить, что в довершение ко всему, его сделали редактором ежедневной газеты, которая была одновременно органом и Совета, и меньшевистского Комитета, почти ежедневно должен был писать для нее руководящие статьи, выступал докладчиком в Совете и т. д. Позднее Денике вспоминал, что работы у него было так много, что не хватало времени ходить на ночь домой, и ему приходилось спать в помещении Совета. Вопросы решать приходилось самые невозможные. Представления о пределах компетенции новой власти были самые примитивные. Денике вспоминал об одном эпизоде, который, действительно, как нельзя более характерен для сумасшедшей обстановки того безумного года: в Совет как то явилась молодая и красивая женщина, из местного мещанства, с жалобой на мужа, который ее покинул и живет с другой. Денике пытался выяснить, какие же точно претензии она к нему предъявляет: он не дает ей средств на существование? Оказалось, что с этой стороны все в порядке, муж ведет себя безупречно, — она только требует, чтобы его заставили вернуться к ней, его законной жене. А когда Денике заявил, что сделать этого он и не имеет права, и не считает правиль-

ным, покинутая жена с возмущением заявила: «Какая же вы народная власть, если даже этого сделать не можете!»

Эти повседневные назойливые мелочи, конечно, отнимали массу времени, отвлекая от больших вопросов, которые вставали перед новой властью. В провинции проблемы большой политики стояли менее остро, чем в центре, — но они стояли, — и чем дальше, тем острее. И вести политическую работу, оставаясь вне партийно-политических организаций, становилось невозможно. Считая себя вполне определенно принадлежащим к лагерю демократического социализма, Денике в первое время не входил в меньшевистскую организацию: психологически его еще очень многое связывало с большевиками, от которых политически он уже ушел. Итоги он подводил во время своей первой поездки в Петроград, которую ему пришлось совершить около 20 марта. Во время этой поездки он не счел нужным повидаться ни с кем из меньшевиков, — но бывал в «Правде» и имел обстоятельные разговоры со старыми знакомыми из этого лагеря. У него, явно, теплилась надежда, что эволюция, пережитая им, соответствует переменам, которые происходят в настроениях многих большевиков. Как раз в эти дни первая тройка вернувшихся из Сибири «правдивистов», — Каменев, Сталин, Муранов, — правдами и неправдами захватила в свои руки редакцию «Правды» и пыталась проводить свою линию, — близкую к линии «сибирских циммервальдистов». Эта линия больше всего устраивала бы Денике, — но в редакции Денике узнал, что политика Каменева-Сталина в рядах большевиков далеко не пользуется поддержкой, — что Ленин, приезда которого там ждали, все переменит... Денике знал Ленина, — и понимал, что с надеждами на проведение большевиками политики, которая будет для него приемлема, приходилось прощаться. С другой стороны, огромное впечатление на него производил Церетели, — и как человек, и как политик. В этих условиях Денике принял решение, — и после возвращения из Петрограда формально вступил в меньшевистскую организацию, — хотя, как он позднее подчеркивал, — многих меньшевистских особенностей он никогда не принимал. Он пришел не в партию, которой руководил Мартов, не в партию, лидером которой, был Дан, — а в партию, которую возглавлял Церетели...

Основное, в чем он, — по его собственным определениям, — всегда расходился с меньшевиками, был вопрос о власти: Денике никогда не относился к коалиции, как к своего рода грехопадению, а считал, что отношение к ней должно определяться условиями времени и места. В частности, он гордился тем, что он первым, — так он утверждал, — открыто выступил в с.-д. печати на защиту идеи коалиционного правительства из представителей социалистической и не-социалистической демократии. Мысль, что с.-д. в период не-социалистической революции не должны участвовать в органах революционной вла-

сти, — что они должны, как тогда говорили, «делать революцию с улицы» (эту мысль ярче других обосновал Мартов еще весной 1905 г., — с тех пор она стала едва ли не главным стержнем всей меньшевистской концепции революции), — Денике никогда не считал правильной. Именно в этом пункте было его главное расхождение с официальным меньшевизмом. В отличие от последнего, он всегда считал, что нельзя играть положительную роль в революционном строительстве, если заранее связываешь себя решением о невхождении в правительство, т. к. революционный процесс это — борьба за возможность немедленно провести в жизнь те мероприятия, которые данная политическая группировка считает жизненно необходимыми. Конечно, участие в органах революционной власти не является самоцелью. Не всякое участие выгодно, — и необходимо умение ориентироваться в обстановке, ставя диагноз, когда такое участие с точки зрения социализма и демократии бывает полезным. Именно в умении определять эти конкретные условия и состоит подлинное существо проблемы власти, а никак не в абстрактном принципе общей допустимости или недопустимости участия в правительстве.

Эти общие соображения Денике часто дополнял оценкой своего собственного казанского опыта: он считал, что его практика революционных месяцев в Казани была по существу ничем иным, как попыткой приложения к местным условиям правильно понятого принципа организации революционной власти на местах, — и был склонен этот свой опыт рассматривать, как попытку, которая во всяком случае шла в правильном направлении.

Конечно, он понимал всю ограниченность значения этого «казанского опыта». О положительном его значении вообще говорить можно было только для первых пяти-шести месяцев революции, когда на первом плане стояли проблемы, связанные с ликвидацией старого режима. Именно эти проблемы порождали вопросы, которые в провинции требовали своеобразных решений, — и для решения этих проблем пути, которыми в Казани шел Денике, во всяком случае имели свои преимущества. Но хозяйственный развал страны, который явился непосредственной причиной победы большевиков, был вызван не местными особенностями, а факторами обще-российского значения, — и деятельность в местных, краевых масштабах, как бы она ни была удачна, могла оказывать влияние лишь на формы проявления этого кризиса, тормозить или ускорять темпы его нарастания. Устранить развала она не могла, — и действительно в Казани этот развал начался, быть может, несколько позднее, чем в столицах, но зато он сразу же пошел даже более быстрыми темпами, выявился в более острых формах, чем в большинстве других районов. Взрыв колоссального Казанского Порохового завода, значительная доля ответственности за который лежала

на заводском комитете, где руководящую роль играли большевики, дала толчок к обострению борьбы с большевиками, а огромный гарнизон, сплошь переполненный крестьянами-запасными, и весьма значительное количество военнопленных немцев и австрийцев поставляли обильные кадры для всевозможного рода эксцессов...

В итоге — «казанский октябрь» начался даже на несколько дней раньше «октября» петроградского. Весьма вероятно, что, будучи изолированным, он быстро потерпел бы крушение, — но он не был изолирован, и когда большевики в Петрограде выступили, «казанский октябрь» победил. Денике играл активную роль в попытках организации сопротивления «октябрю», — и был вынужден покинуть родную Казань, — теперь уже навсегда...

Вынужденный скрыться, Денике поселился в Петрограде, где он примкнул к той группе меньшевиков, которая была против каких-либо соглашений с большевиками. Вместе со своими друзьями А. Э. Дюбуа и К. М. Ермолаевым он явился одним из инициаторов того движения, которое вошло в историю под именем движения уполномоченных от фабрик и заводов. Их руководящей идеей была организация **рабочего демократического движения** сопротивления большевистской диктатуре.

Надо напомнить, что эта идея тогда буквально носилась в воздухе Петрограда. Еще в первые дни после октября рабочие-печатники выступили с планом создания рабочего союза борьбы за свободу печати (инициатором этого движения был М. С. Каммермахер-Кефали). В конце ноября — начале декабря была сделана попытка создать Рабочий совет уполномоченных для защиты Учредительного Собрания (его подлинным инициатором был Церетели). Разгон Учредительного Собрания и расстрелы демонстраций на его защиту усилили эти настроения. В ближайшие же дни после этого разгона состоялось рабочее собрание на Невском Судостроительном заводе: выяснилось, что два рабочих этого завода были убиты при разгоне одной из демонстраций. На митинг был вызван представитель большевиков. В качестве такового явился Муранов, депутат IV Государственной Думы, который был вынужден признать этот факт, — но когда он пытался защищать поведение диктатуры, его с позором выгнали с завода... Именно на этом собрании по предложению Денике было принято решение о создании Собрания представителей от фабрик и заводов.

В течение ближайших 2-3 месяцев «группа инициаторов», сильно увеличившаяся в своей численности (к ней примкнули Б. О. Богданов, Владимиров и др.), неустанно проводила митинги по крупнейшим заводам столицы, всюду встречая горячее сочувствие рабочих. Настроение рабочих было настолько определенным, что большевики в Смольном как-то ночью были подняты по боевой тревоге сообщением, что идут рабочие Обу-

ховского и Семянниковского заводов, и уже расставляли на боевые посты латышских стрелков, и т. д. (обо всем этом имеется и в советской мемуарной литературе), — когда пришло сообщение, что поход рабочих к Смольному был отложен «на завтра»...

До похода на Смольный дело не дошло, — ни тогда, ни позже. Но настроение рабочих было остро анти-большевистским. На ряде крупнейших заводов ораторов-большевиков проготинги по крупнейшим заводам столицы, всюду встречая горячее сочувствие рабочих. Настроение рабочих было настолько — но в готовность к активной борьбе эта озлобленность не переросла. Наоборот, она часто хорошо уживалась с нарастанием апатии и индифферентизма, с упадком интереса ко всей политической борьбе вообще, со стремлением уйти в свои личные дела.

Надо помнить обстановку тех месяцев, чтобы правильно понять эти настроения. Большевистская агитация 1917 г., полная безудержной демагогии, нигде не имела такого успеха, как в Петрограде. Она не только стремилась дискредитировать представителей всех других политических групп, но и питала крайние максималистские надежды. Победив, большевики их ни в какой мере не выполнили. Симптомы начинающегося разочарования можно было наблюдать и до разгона Учредительного Собрания. Рабочих-красногвардейцев с Выборгской стороны не случайно заменили латышскими стрелками, которым была передана вся охрана Таврического дворца: на настроения выборгских рабочих больше не полагались. Латышские стрелки, расстреливавшие на улицах рабочие и не-рабочие демонстрации, были только началом. О роли этих стрелков было известно и раньше, — но работы и воспоминания, изданные за последние годы в Риге, показывают, что роль эта была много большей. Во все критические моменты начала 1918 г. главною силой, на которую опиралась большевистская диктатура в Петрограде, были именно латыши, — и именно под прикрытием латышских стрелков правительство Ленина смогло успешно переселиться в Москву. Комедия переговоров с немцами, наступление последних, поспешная капитуляция Ленина и подписание «похабного мира», оккупация немцами Украины и т. д., все это дискредитировало большевистскую власть, обостряло озлобление против нее, но не открывало никаких путей для выхода из создавшегося положения.

Озлобление и апатия были разными сторонами одной медали, — и быть может самой характерной для тех месяцев было частое цитирование старого пророчества: быть Петербургу пусту! Он действительно всё более и более пустел. Рабочая молодежь, главная опора большевиков для месяцев их борьбы за власть, вся ушла или в Красную Армию, или в аппарат новой власти. На заводах оставались люди пожилые или среднего

возраста. И из них кто мог уезжал в деревню, — «подкормиться» и «переждать». Кому уезжать было некуда, работали на вольный рынок, изготовляли и продавали всякого рода зажигалки и т. п. мелочи. Петроград быстро пустел, — и в моей личной памяти резко запечатлелась небольшая сценка, как самое характерное, что я видел в столице в июле 1918 г.: на Конюшенной, поблизости от Невского, разбитая мостовая, — с провалами. В щелях между кубиками торца, из земли лезет трава. Рядом вбит колышек, — к нему привязана коза, которая мирно пощипывает травку... И тут же на уступе тротуара, пожилая женщина с книгой: следит за козой и читает...

Конечно, в этой обстановке движение уполномоченных в Петрограде начало быстро терять свою напряженность. Руководящая группа инициаторов, решив, что для успеха движения его необходимо превратить во всероссийское, перебралась в Москву. Их основной базой стала Московская Областная Организация меньшевиков с ее органом «Новая Заря». В работу вошли новые силы, — особенно нужно отметить Любовь Н. Радченко и Г. Д. Кучина. В ряде мест движение находило весьма сочувственный прием, — но и сопротивление большевиков крепло. В Петрограде первые месяцы власть не применяла по отношению к «движению уполномоченных» мер репрессивного характера. Главной причиной было сопротивление рабочих из старых большевиков, которые считали недопустимым подвергать репрессиям за участие в чисто рабочих организациях. Были сведения, что на этой же точке зрения стоял и Урицкий, глава Петроградской ЧК. В Москве и особенно в провинциальных городах положение было иным, влияние рабочих-противников репрессий было меньшим, единомышленников Урицкого там не было, — в результате репрессии против движения начались уже с конца апреля — начала мая. Начало восстания чехо-словаков на Волге и изгнание меньшевиков и с.-р. из ВЦИК дало сигнал к усилению репрессий. Решал, конечно, тот факт, что Ленин, который в апреле хотел привлечь старых промышленников к восстановлению заводов (его переговоры с Мещерским), натолкнувшись на решительное сопротивление «левых», круто повернул руль и взял курс на сплошную национализацию промышленности... Частным выводом из этого общего решения был курс на полное подавление движения уполномоченных: независимые организации рабочих никак не уживались с огосударственной промышленностью. 21 июля 1918 г. в Москве, была арестована всероссийская конференция уполномоченных. Вслед за этим аресты были проведены повсюду по стране. Это было концом не только движения рабочих уполномоченных, но и всяких вообще возможностей строить свободные и открытые рабочие организации в стране советской диктатуры.

Денике был в числе арестованных на этом собрании. В тюрьме он сидел сравнительно недолго, — около четырех

месяцев, — но это были месяцы покушения на Ленина и разгула «красного террора» в стране. Вокруг арестованных уполномоченных шла большая борьба: кроме Денике, в тюрьме сидели Абрамович, Трояновский, Кучин, А. Н. Смирнов и мн. др. Несколько ночей, когда опасность была особенно велика, в тюремной конторе дежурил Д. Б. Рязанов, который позднее наполовину шутя говорил, что он был готов оказать вооруженное сопротивление, если ВЧК попытается взять на расстрел кого-либо из деятелей конференции. До этого не дошло, — но положение было таким, когда о расстреле действительно шли серьезные разговоры. Ни в Москве, ни в Петрограде никого из арестованных по делам о движении уполномоченных не расстреляли, — но в других городах расстрелов было не мало, — в Нижнем, Рыбинске, Сестрорецке, Колпине и др.

Но не только расстрелами тогда была страшна тюрьма: заключенные в них голодали в самом буквальном смысле слова. Жестоко голодал и Денике. Правда, и на воле, после освобождения из тюрьмы, он голодал, может быть, не меньше. Две те зимы в его рассказах были настоящим кошмаром: он потерял половину зубов, на ногах сошли ногти, и т. д., от прежнего человека крепкого здоровья и исключительной работоспособности к концу эпохи «военного коммунизма» остался полуинвалид, который должен был прежде всего лечиться. Тем не менее он делал попытки вернуться к научной работе, получил научную степень, был избран профессором Московского Университета, — едва ли не последним профессором, который был избран университетским советом, действовавшим еще на основе устава, принятого в 1917 г., — и прочел в качестве профессора один курс. Но, конечно, о настоящей научной работе в этих условиях нельзя было и думать.

С 1922 г. начинается его жизнь за границей в качестве научного сотрудника советского полпредства в Берлине. Но вскоре он перешел на положение эмигранта, — писателя и публициста. Исколесить ему пришлось всю Западную Европу и значительную часть Северной Америки. Ему пришлось более или менее подолгу жить в Германии, Австрии, Чехословакии, Франции, Саарской области, Бельгии, Соед. Штатах Сев. Америки. Не только знание иностранных языков, не только хорошее знакомство с социально-политической историей всех этих стран, — но и особые свойства натуры Ю. П. помогали ему прочно входить в социалистическое движение всех этих стран. Он не только с интересом присматривался к этому движению, не только внимательно изучал их своеобразные особенности, но и становился часто большим специалистом, многое знавшим и понимавшим не хуже его коренных участников. Не случайно Руд. Гильфердинг сделал именно его, русского эмигранта, постоянным обозревателем немецкой политической жизни. Его статьи регулярно появлявшиеся в «Гезельшафт» в течение це-

лого десятилетия, являются, быть может, лучшим путеводителем по всем изгибам политической борьбы «Веймарской Германии».

Много писал он и в «Соц. Вест.», в редакцию которого в последние годы он входил. Здесь он писал главным образом по вопросам тактики и практики западного социализма, причем особенно его интересовали проблемы теоретических и программных исканий. Его статьи, — они появлялись за разными подписями, — не только за его подписью и за его основным немецким псевдонимом (Г. Декер), но и за псевдонимом Осокин, и др. Кроме «Соц. Вест.», из русских изданий он работал в «Нов. Журнале» (был членом редакции), «Народной Правде», «На рубеже»... Последнее время он много внимания уделял вопросам историческим и вел широкую подготовительную работу к составлению своих воспоминаний. Многие из черновых набросков для последних им было продиктовано в диктофон, — эти записи (некоторые места из них использованы и в данной статье), даже в необработанном виде, являются ценнейшим материалом для истории эпохи. Надо надеяться, что в той или иной форме они увидят свет...

С. ШВАРЦ

Не произнесенная речь

От редакции: В начале января мы получили из Парижа сообщение, что группа друзей Ю. П. предполагает организовать гражданскую панихиду по покойному. Так как никто из ближайших к редакции лиц не мог выступить во время этой панихиды, эту речь, присланную из Нью Йорка, должен был прочитать один из наших парижских друзей. Но гражданская панихида не состоялась и речь осталась не оглашенной.

Товарищи и друзья!

От имени редакции «Социалистического Вестника» и нью-йоркской группы Российской Социалдемократической Рабочей Партии, последней сохранившейся организации нашей партии, я хочу выразить чувства глубокого горя по поводу постигшей нас со смертью нашего дорогого Юрия Петровича утраты.

Еще в ранней юности, до первой революции, Денике принял деятельное участие в гимназических социал-демократических кружках в Казани. В 1905 году он уже активно участвовал и быстро выдвинулся в местной социалдемократической организации — ему только к концу 1905 года минуло 18 лет

— и затем, уже будучи студентом, работал в нашей партии в Петербурге. Как и большинство выдвинувшихся впоследствии в партии, а тогда еще совсем молодых работников, вошедших в движение непосредственно перед или во время первой революции. Денике принадлежал тогда к большевикам.

Разногласия между большевиками и меньшевиками носили тогда характер споров между двумя фракциями единой социал-демократии, причем большевики привлекали к себе интеллигентную молодежь тем, что казались — и в какой-то мере и были — лишь более радикальным крылом демократического социализма. Только в процессе революции 1905 года и непосредственно после нее разногласия между большевиками и меньшевиками постепенно приняли более отчетливый и принципиальный характер и началось то развитие, которое привело к превращению двух фракций в две принципиально различные друг от друга партии: меньшевиков — в партию демократического социализма в собственном смысле слова; большевиков — в партию авторитарного, антидемократического социализма, впоследствии — после прихода к власти — неотвратимо выродившуюся в партию террористического тоталитаризма.

В годы первой революции это развитие еще только-только намечалось, но уже тогда оно сопровождалось отходом от большевизма значительной части революционной молодежи, боровшейся впоследствии в рядах меньшевизма. В числе этих рано излечившихся от большевизма был и Денике. Он работал в это время в Петербурге, рано обратил на себя внимание идейных руководителей большевизма, знал многих из них лично, не раз встречался с Лениным, но уже в 1906/1907 годах начал отходить от большевизма.

Заслуживает быть при этом отмеченным, что Денике ушел от большевизма иначе, чем отходили другие: не только, — может быть, даже не столько из-за возрастающего антагонизма между большевиками и потребностями развивающегося массового рабочего движения, — хотя, конечно, и из-за этого, — сколько из-за волонтаристических, противоречащих законам истории прогнозов Ленина, его представления летом 1906 года о непосредственно предстоящих массовых крестьянских восстаниях — «после окончания полевых работ», по тогдашней настойчиво повторявшейся формуле Ленина. В уходе Денике от большевизма сказался поэтому не только бунт его социал-демократического сознания против складывающейся антидемократической мутации большевизма, но и бунт будущего историка против анти-историзма всей тогдашней ленинской политической концепции.

В начале 1907 года Денике уехал из Петербурга на партийную работу в Луганск. Здесь довольно скоро он был арестован и в 1908 и часть 1909 года провел в луганской тюрьме, в тяжелых условиях, навсегда подорвавших его здоровье. По вы-

ходе из тюрьмы он в течение нескольких лет учился в Московском и Казанском университетах и написал за студенческие годы две обратившие на себя внимание научные работы — одну о Фукидиде, другую о «Походе десяти тысяч греков» Ксенофонта. Одна была напечатана в «Журнале Министерства Народного Просвещения», серьезном научном журнале, лишь в виде редкого исключения печатавшем работы студентов; вторая работа Денике принесла ему в университете золотую медаль.

Академическая и, вероятно, блестящая академическая карьера была для него открыта и он действительно уже в начале советского периода, но еще в свободном московском университете был избран профессором по кафедре новой истории Запада. Но преподавать ему довелось недолго. И до начала революции Денике не порывал своих связей с социалдемократией; с начала революции он принял очень деятельное участие в партии, вскоре уже в качестве активного меньшевика и с неугасимой энергией продолжал эту работу после прихода к власти большевиков.

Он принимал в частности инициативное участие в так называемом движении уполномоченных от фабрик и заводов, попытке организации широкого, открытого рабочего сопротивления режиму диктатуры, и летом 1918 года он был арестован в Москве на Всероссийской конференции уполномоченных от фабрик и заводов. Расправа с участниками этого движения была суровая, кое-где в провинции она сопровождалась расстрелами. Под угрозой расстрела находились одно время и арестованные в Москве, в том числе и Денике. Революция в Германии привела к некоторому смягчению напряжения и Денике и другие были выпущены на свободу.

Здоровье его очень пошатнулось и в 1922 году ему удалось выехать за границу. В Берлине он принял деятельное участие в жизни тамошней меньшевистской организации и в «Социалистическом Вестнике» и вскоре вошел в работу и германской социалдемократии. Для Денике с его широким кругозором и хорошим знанием иностранных языков вообще было характерно, что он, не порывая близких связей с русским меньшевизмом, быстро вращался в социалистическое и рабочее движение тех стран, куда забрасывала его судьба. В Берлине он особенно сблизился с Рудольфом Гильфердингом и в течение нескольких лет был его правой рукой по редактированию журнала «Гезельшафт», в котором он и сам много писал под псевдонимом Георг Декер. Приход Гитлера к власти привел Денике в тюрьму. Выйдя через несколько месяцев на свободу, Денике уехал не во Францию, естественный тогда приют русской социалдемократической эмиграции, а в Саарскую область, в которой в сложной и очень трудной обстановке еще продолжалась борьба против угрожающего гитлеризма. После саарского плебисцита, решившего судьбу Саарской области и воз-

вращение ее в лоно Германии, Денике уехал в Париж и с тех пор судьба его была неразрывно связана с судьбой центральной группы меньшевиков и «Социалистического Вестника», членом редакции которого он состоял в последние годы.

Юрий Петрович был человеком большого и разностороннего образования, широких интересов в области политики, социологии, истории, философии, но и литературы, музыки и искусства вообще. Он много читал на разных языках, предпочитая чтению газет и журналов чтение книг по важнейшим вопросам современности, которые он прочитывал с поразительной быстротой, никогда не утрачивая способности к самостоятельной оценке рассматриваемых в этих книгах вопросов. Человек плохого здоровья и уже высокого возраста — он сохранял какое-то любопытство, — я не могу найти другое подходящее слово, но я говорю не о какой-то несерьезной, а об очень привлекательной черте его характера, — любопытство к самым разнообразным сторонам человеческой жизни.

Весною 1964 года он переехал в свой любимый Париж, чтобы провести здесь последние годы своей жизни. Он не заблуждался, что их осталось немного. Летом он совершил поездку на автомобиле по Франции. Он писал мне что проехал около 6.000 километров по неизвестной Франции, по местам, куда почти не заглядывают туристы, и временами чувствовал себя в далеком прошлом. Он умер 29 декабря. Но за два дня до смерти он говорил по трансатлантическому телефону с профессором Хаимсоном, с которым совместно работал над книгой по истории социалдемократии в первые годы советского режима. Он сообщил Хаимсону, что закончил свою часть книги и на днях уезжает на несколько дней на отдых. Через два дня он выехал в Бельгию, кажется, чтобы посетить какие-то музеи, в которых еще не был. В дороге он внезапно скончался от разрыва сердца. Смерть его была легкой.

Нам еще трудно полностью осознать, что мы потеряли со смертью Юрия Петровича. Много, очень много. Да будет легка ему земля.

Армия и власть в Советском Союзе

В июне 1957 года, когда политические противники Хрущева в компартии попытались лишить его власти, армия не допустила этого. В октябре 1964 года при новой — и на этот раз успешной — попытке отстранения Хрущева от власти армия поддержала его противников.

Отказ Хрущеву в поддержке со стороны армии был кульминационным пунктом долгого периода трений между военной иерархией и политической властью, как она была представлена Хрущевым. Эти трения унаследованы и новым руководством партии и правительства. Возможно, что политическое руководство снимет с постов ряд теперешних военных вождей и заменит их более послушными ему генералами. Но источники трений едва ли этим будут устранены. Таких источников можно отметить три: использование экономических ресурсов страны для военных и гражданских нужд; формулировка задач политики национальной обороны; и роль коммунистической партии во внутренней жизни и организации вооруженных сил.

(1) Может быть, не случайность, что как раз перед его падением Хрущев сообщил о новом плане сокращения военных расходов. И хотя новый председатель Совета Министров Косыгин на декабрьской сессии Верховного Совета объявил о сокращении военного бюджета на 4 процента, остается неясным, как новые вожди предполагают разрешить вопрос о финансовых ассигновках. Сокращение на 4 процента означает, может быть, в действительности немного, если отдать себе отчет, что значительная часть военных расходов скрывается в других разделах советского бюджета. Во всяком случае намечавшееся Хрущевым сокращение военных расходов было гораздо решительнее, так как оно было связано с передвижением центра тяжести от тяжелой промышленности к промышленности, производящей предметы потребления.

(2) Естественное тяготение высших военных кругов к тому, чтобы их привлекали к участию при решении больших вопросов национальной обороны, значительно усилилось с чрезвычайным возрастанием сложности современной военной техники. Это не значит, что среди современных военных вождей

нет серьезных разногласий по вопросам о политике обороны — прежде всего о роли атомного и традиционного вооружения, — при которых каждая группа в своих спорах с другими группами ищет поддержки на политических верхах. Но в основном военные профессионалы считают, что такие вопросы должны решаться в руководящих военных кругах. Их скептицизм в отношении компетентности политических вождей успешно решать вопросы национальной обороны усилился благодаря многочисленным промахам Хрущева во внутренней и внешней политике и в особенности его неудачной попытке создать атомную базу на Кубе. А легкость, с которой Хрущев был снят со всех постов, едва ли могла усилить в глазах генералитета престиж и авторитет самой должности премьера или первого секретаря ЦК компартии.

(3) Третьей серьезной причиной недовольства военных вождей является постоянное вмешательство партии во внутреннюю жизнь вооруженных сил. С первых же лет советского режима политическое руководство было очень озабочено обеспечением лояльности в рядах армии. Постепенно была создана большая и сложная организация, обеспечивавшая политический контроль повседневной жизни вооруженных сил. И хотя сейчас, как сообщил Малиновский на XXII съезде, 82 процента личного состава вооруженных сил члены партии и комсомола, сохраняется и обширная сеть политических офицеров, ответственных не только перед своим военным начальством, но и непосредственно перед гражданскими политическими органами. На этих политических офицеров ложится задача не только политического воспитания войск, но и наблюдение за идеологической безупречностью офицерского корпуса — вплоть до самых высших ступеней.

Военные профессионалы не только очень чувствительны к подозрениям в нелояльности армии по отношению к советскому государству, выражением которых является существование системы политических офицеров, но и считают, что существование политических офицеров колеблет их авторитет в глазах войск.

Новое политическое руководство должно будет принять немало решений, при проведении которых в жизнь военные и гражданские интересы сталкиваются. И как и Хрущев, как и все политические советские вожди до них, новое руководство попытается навязать свои решения генералитету. Это будет нелегко при том ощущении неустойчивости, которое характерно для всей после-хрущевской обстановки.

Борьба за власть, которая сейчас невидимо протекает за кулисами Кремля, является главным источником этой неустойчивости. И как советская история не раз свидетельствовала: когда усиливаются расхождения в политическом руководстве и разные группы борются за власть в партии, значение военной

верхушки возрастает и в собственно военных делах и во влиянии на политические решения.

Несмотря на внутривоенные соперничества, вооруженные силы остаются наиболее централизованным аппаратом в Советском Союзе и офицерский корпус наиболее спаянным из всех групп советской элиты. Поэтому и поддержка военных кругов представляет исключительную ценность для тех, в чьих руках сосредоточена политическая власть или кто стремится к достижению этой власти. Это ставит советскую армию в благоприятное положение, которое позволяет ей оказывать давление на правительственные круги в пользу удовлетворения ее требований и обеспечения ее влияния на советскую внешнюю политику.

* * *

Высшее военное командование, как социальная группа, включает в себя 40 человек. Это прежде всего министр обороны и его десять заместителей (в том числе два «первых»), из которых один «первый» заместитель стоит во главе Генерального Штаба вооруженных сил Советского Союза, а другой руководит вооруженными силами Варшавского пакта; большинство остальных заместителей министра обороны стоят во главе различных видов вооруженных сил или специальных ветвей военного управления. Последним звеном в высшем оперативном руководстве вооруженными силами являются командующие группами войск в Восточной Германии, Польше и Венгрии, начальники военных округов, командиры военных флотов, командующие воздушными армиями дальнего действия, командиры округов воздушной обороны.

Эти сорок человек руководят единственной значительной организованной физической силой в Советском Союзе (сила войск госбезопасности, не входящих в систему вооруженных сил Советского Союза, относительно невелика). Они руководят строго профессионализированной организацией, в которой сильно развит корпоративный дух (*esprit de corps*), которая охватывает (по западным оценкам) 3,3 миллиона человек или 6,4 процента всего мужского населения страны в возрасте от 15 до 64 лет и поглощает до 20 процентов национального дохода.

Данные, заимствованные из советских источников, позволяют суммарно характеризовать эти сорок человек по их возрасту, социальному происхождению, национальности, политической биографии, образованию, продолжительности и характеру их военной службы и типу их военной специализации.

Средний возраст 40 высших военных вождей — 61 год — необычайно высок, если сравнить его с тем, что было когда бы то ни было в Советском Союзе, или со средним возрастом военных вождей в западных странах. Министру обороны Родиону Малиновскому 66 лет, начальнику наземных сил Василию Чуй-

кову и начальнику воздушных сил Константину Вершинину по 64; начальнику службы тыла Ивану Баграняну 67 лет; даже начальнику недавно созданных стратегических ракетных сил Николаю Крылову 61 год. Родом вооруженных сил с самым молодого маршала Бирюзова, который погиб во время воздушной адмиралу Сергею Горшкову 54 года.

Поразительна настойчивость, с которой старшее поколение военных вождей сопротивляется уходу в отставку. Является обычным, что тот или иной из высшего офицерства, оставляющий свой высокий пост, позже вновь появляется на высоком посту. Недавно назначенному на третью по своему значению в военной иерархии должность начальника Генерального Штаба маршалу Матвею Захарову 66 лет. Он заменил шестидесятилетнего маршала Бирюзова, который погиб во время воздушной катастрофы во второй половине октября.

22 из сорока высших военных вождей занимают посты все-союзного значения и 18 стоят во главе крупных территориальных единиц (военных округов и групп советских вооруженных сил в странах «народной демократии»). В первой группе — военных вождей на всесоюзном уровне — средний возраст 63 года, во второй — 59 лет.

Для сравнения приведу данные по США: возраст пяти объединенных начальников штабов от 53 до 58 лет; гражданскому главе ведомства обороны Роберту МакНамарра 48 лет; его заместителю Сайресу Вансе 47 лет и начальникам армии, флота и воздушных сил по 50 с небольшим.

По сравнению с другими советскими иерархиями (партийным и государственным аппаратами, экономической администрацией, иностранной службой и др.) в высшей иерархии вооруженных сил необычайно высок процент не-великороссов. Почти половину составляют — по официальным источникам — не-русские: 10 украинцев, по 2-3 белоруссов, армян, осетин и 1 еврей.

Оба — военный министр Малиновский и его первый заместитель и начальник вооруженных сил Варшавского пакта Андрей Гречко — украинцы. Украинцами же являются заместитель министра обороны и начальник воздушной обороны маршал Владимир Судец, заместитель министра обороны и начальник инспекции вооруженных сил маршал Кирилл Москаленко и первый заместитель командующего воздушными силами маршал Сергей Руденко.

Такое возвышение украинцев в вооруженных силах сравнительно недавнего происхождения, и оно развивалось параллельно возвышению украинцев при Хрущеве в московском партийном аппарате. Одной из причин этого явления было продвижение Хрущевым людей, которых он знал, когда был политическим комиссаром в армиях, воевавших против наци под Ста-

лингравом и на Украине, и когда он был первым секретарем украинского ЦК компартии.

Большинство советских высших военных вождей крестьянского происхождения. Они родились в деревне, учились в сельской школе и в ранние годы начали работать в сельском хозяйстве. Большинство из них вышли из этой ограниченной сферы лишь при поступлении на военную службу.

Почти все 40 поступили на военную службу очень рано — 14 в возрасте 16 и 17 лет. В среднем каждый из них провел на военной службе 41 год и никто из них никогда не знал другой профессии. Они обязаны армии своим социальным возвышением, своим образованием — всем.

Лишь немногие из них вступили в армию еще при царском режиме и достигли унтер-офицерского звания во время 1-ой мировой войны. Среди последних нужно прежде всего отметить маршалов Малиновского и Конева и генерала Павла Батова. Маршал Баграмян — единственный среди теперешних военных вождей, бывший офицером уже в царской армии.

Все, кроме пяти, получили высшее военное образование, большинство в академии им. Фрунзе или Академии Генерального Штаба. В виде курьеза стоит отметить, что маршал Крылов, стоящий во главе стратегических ракетных войск наиболее современного рода оружия, не получил вообще никакого высшего образования.

Все это говорит о том, что советские военные вожди это в высшей степени профессионализированная группа людей. Но в одном важном вопросе они резко отличаются от аналогичных профессионализированных групп на Западе. Это военные специалисты в армии, в которой политические мотивы, политическая идеология, искусство занять «верную» политическую позицию составляют часть их профессии.

Правда, большинство теперешних военных вождей вступили в партию лишь после того, как они связали свою судьбу с военной профессией. Некоторые, вероятно, вошли в партию и по оппортунистическим соображениям. Верно также, что только немногие из теперешних военных вождей несли в течение сколько-нибудь значительного времени обязанности политических комиссаров. Но тесная связь их с политикой может быть лучше всего иллюстрирована тем фактом, что они дольше, чем какая-нибудь другая группа в среде советских кадров, связаны с революционным прошлым. Заслуживает внимания, что 23 из 40 теперешних высших советских военных вождей участвовали еще на заре советского государства в гражданской войне в качестве солдат, офицеров и политических комиссаров в только что возникшей Красной Армии. Некоторые из них, как маршал Захаров, теперешний начальник Генерального Штаба, принимал непосредственное участие в событиях Октября 1917 года.

В отличие от них значительное большинство теперешних

политических вождей в Советском Союзе о раннем периоде советской истории знают только по учебникам. Для военных вождей эта ранняя история — живая часть ставшей им дорогой традиции. В большом числе воспоминаний, опубликованных в течение последнего десятилетия, они постоянно возвращаются к этому решающему периоду в их жизни.

Высшие военные вожди могут также сказать о себе, что они являются в Советском Союзе самой старшей группой по средней продолжительности партийного стажа. В среднем они вошли в партию в 1927 году. Между тем члены Президиума ЦК компартии в среднем состоят в партии с 1931 года и даже теперешний первый секретарь ЦК Брежнев в партии с этого же года и по партийному стажу оказывается моложе всех, кроме восьми, в руководящей группе военных. В прошлом партийное руководство всегда могло ссылаться на свое превосходство в отношении партийного стажа пред военным руководством. Сейчас верно обратное. И чувствительность военных вождей к вмешательству партии в военные дела, вероятно, в какой-то степени усиливается благодаря сознанию ими их превосходства в этом отношении перед политическими вождями.

Характер формального образования, полученного современными военными вождями, несомненно содействовал их политизированию. Преподавание невоенных предметов в советской высшей военной школе по существу сводится к интенсивной и систематической политической пропаганде.

Военные вожди принимают активное участие в организованной политической жизни. Как правило, начальники военных округов избираются в областные и республиканские комитеты партии. В этих комитетах они часто входят в состав руководящего бюро (президиума), наблюдающего за деятельностью всех партийных и государственных органов на данной территории. Они постоянно втягиваются в обсуждение политических, экономических и идеологических проблем гражданской администрации. Двадцать два из сорока входят в состав ЦК компартии.

Советское военное командование достигло своего теперешнего высокого положения благодаря трем большим событиям в истории советских вооруженных сил.

Первым была большая чистка во второй половине тридцатых годов, когда очень значительная часть советского офицерского корпуса была беспощадно уничтожена. Только немногие на военных верхах тогда уцелели. До половины всего офицерства погибло, среди генералов и полковников подавляющее большинство. После смерти Сталина безосновательность обвинений против этих офицеров была признана официально и, начиная с 1956 года, почти все подвергшиеся чистке военные вожди были «посмертно реабилитированы» и восстановлены в правах — на страницах учебников.

По сравнению с потерями, понесенными советским офицерским корпусом, особенно выше командования полком, потери в той же среде во время 2-ой мировой войны были невелики. Чистка открыла возможность исключительно быстрого подъема для офицеров на низших и средних ступенях военной иерархии, которые сумели выжить, иногда не без содействия падению своих начальников, или которым просто посчастливилось выжить. Современное высшее военное руководство состоит из таких успешно переживших чистку (исключение — маршал Рокоссовский, который и сидел в тюрьме, и подвергался пыткам, но потом был восстановлен). До 1937 года они занимали командные или штабные должности на полковом уровне или ниже. После чистки и накануне германского нападения на Советский Союз они командовали дивизиями и корпусами.

Вторым событием, которое оказало глубокое влияние на их судьбу, была, конечно, война. Первые же столкновения с немецкой современной военной машиной беспощадно вскрыли стратегическую и тактическую неподготовленность советских военных кадров к ведению современной войны. Но они учились быстро, на ходу, и молодые офицеры принимали командование большими военными объединениями в чрезвычайно разросшейся советской военной машине.

Имена Малиновского, Конева, Рокоссовского, Чуйкова, Еременко и других участников теперешнего военного руководства связаны с большими боями во время этой войны. Офицеры, командовавшие дивизиями в начале войны, участвовали в 1945 году в параде победы в Москве в качестве командиров армий и фронтов. Теперешний министр обороны Малиновский незадолго до войны был лектором в военной академии; в конце войны он был командующим фронтом на Дальнем Востоке. Его первый заместитель, маршал Гречко в начале войны был начальником штаба дивизии, в конце войны заместителем командующего первым украинским фронтом.

Новая фаза в военной карьере этих людей связана с подъемом к власти Хрущева. Когда в 1957 году Хрущев успешно справился со своими противниками в политическом руководстве, военные были его наиболее ценными помощниками. Тотчас же после победы Хрущева маршал Жуков, тогдашний министр обороны, был вознагражден назначением его полным членом Президиума ЦК. Еще никогда до того профессиональный военный не занимал в Советском Союзе такого поста. Но уже немного месяцев спустя, в октябре 1957 года, когда Хрущев вновь почувствовал себя прочно, маршал Жуков был снят со всех своих политических, военных и почетных постов и должен был просто уйти в отставку. В течение ближайших лет новые люди заняли высшие посты в министерстве обороны. И хотя очень немногие среди старших офицеров были отстранены от активной службы в связи с падением Жукова, передвижение на

военной верхушке со второстепенных постов на первостепенные и обратно было значительно. (Но министр обороны в Президиум ЦК уже включен не был).

Самая большая и наиболее влиятельная группа среди новых людей была связана в прошлом с одним определенным театром войны; это была так называемая «Сталинградская группа», члены которой участвовали в качестве командиров значительных военных объединений в Сталинградской битве. Министр обороны Малиновский, его первый заместитель Гречко, его начальник штаба Захаров, еще пять его заместителей (Чуйков, Москаленко, Крылов, Баграмян, Судец), заместитель начальника военно-воздушных сил Руденко и многие другие — все они сражались под Сталинградом.

Это едва ли было случайностью, так как и военная карьера Хрущева, как политического комиссара во время 2-ой мировой войны, тесно связана со Сталинградской битвой. Он имел все основания рассчитывать на лояльность Сталинградской группы. Тот факт, что он постоянно должен был искать компромисса с им самим выдвинутыми военными вождями и выдерживать давление с их стороны, подчеркивает принципиальный характер разногласий между военными и гражданскими вождями в Советском Союзе. И те же военные покинули Хрущева, когда политические вожди (в том числе и хрущевские выдвиженцы, как Брежнев) признали, что его личная власть слишком велика.

Очень важным показателем того, каково будет вероятное значение армии в ближайшем будущем, будет судьба генерала Алексея Епишева, 56-летнего хрущевского выдвиженца, с 1962 года являющегося бельмом на глазу для военных вождей. В качестве начальника Главного Политического Управления Армии и Флота Епишев с этого времени держит в своих руках высший политический контроль над вооруженными силами. Его назначение явно имело целью усилить роль партии во внутренней жизни армии.

Служебная карьера Епишева едва ли могла вызывать доверие к нему со стороны высших военных. Если не считать нескольких лет, которые Епишев еще молодым человеком провел в армии и трех лет службы в качестве политического офицера под Хрущевым во время мировой войны, вся карьера Епишева прошла вне армии, в политической работе в гражданских партийных и правительственных органах. И что самое худшее — с 1951 по 1953, в годы, когда Сталин начинал вторую большую чистку, Епишев был вторым в руководстве советской тайной полицией (первым — министром госбезопасности — был Игнатьев).

Судьба Епишева, изменение состава высшего военного руководства, относительные размеры военных ассигновок, избрание военных профессионалов на высокие посты на предстоящем в текущем году съезде партии, различия в публичных заявле-

ниях генералов и политиков — все это будет служить показателями изменений влияния армии в развитии советской политики. Невозможно предсказать в точности, какова будет политика военных вождей, если их авторитет возрастет. Но можно ожидать, что некоторые общие черты, характерные для высших военных кругов, получат более отчетливое выражение.

Во внутренней жизни страны военные вожди стоят — в эвфемической формулировке — за укрепление общественной дисциплины и за такие спартанские добродетели, как чувство долга, послушание и готовность к жертвам. Все это противоречит все отчетливее развивающейся в советском обществе со времени смерти Сталина потребности в расширении личной свободы и уменьшении вмешательства государства в личную жизнь граждан. Что касается экономики, генералы являются врагами всякого экспериментирования и поспешных изменений планирования, которые так любил Хрущев. Они живо заинтересованы в стабильном перспективном экономическом планировании, имеющем серьезное значение для развития новых видов вооружения и для разработки стратегических планов.

Во внешней политике от генералов можно ожидать подчеркивания стратегического значения тех или иных политических событий и соответственных практических выводов. В виде примера можно напомнить, как маршал Жуков в 1956 году, в дни происходившей в Польше бескровной революции, настаивал на военной интервенции в Польшу, исходя из соображений, что Советский Союз не может позволить себе роскошь колебаний на подступах к его немецкой твердыне.

У генералов также имеется высоко развитое чувство национальной гордости и чрезвычайная чувствительность при всяком действительном или мнимом ущербе интересам и достоинству Советского Союза в международных отношениях. В неизбежных и часто случайных кризисах холодной войны генералы менее склонны к компромиссам, чем политики. С другой стороны, военные, более подготовленные к оценке собственной военной силы и военной силы возможного противника, менее склонны, чем политики, к таким в военном отношении неоправданным авантюрам, как создание в 1962 году атомной базы на Кубе, в десяти тысячах километров от Москвы.

В. АЛЕКСАНДРОВА

2-й съезд писателей РСФСР

Состоявшийся в начале марта 2-ой съезд писателей Российской Федерации должен был стать большим событием в литературной жизни страны, должен был содействовать сплочению советской литературы. Должен был, но не стал.

Съезду предшествовала серия «отчетно-выборных» и других собраний в разных городах Российской Федерации. Почти на всех собраниях такого рода много места отводилось проблемам молодежи. Но эта проблема, как и при Хрущеве, остается нерешенной и вызывает плохо скрываемое раздражение: одной части писателей старшего поколения и попытку найти приемлемый компромисс в другой. Георгий Березко на собрании писателей Москвы констатировал: «Мы как-то невольно отгородились от литературной молодежи. Утратили какие-то связи с ней» («Литературная Россия», 29 января). Секретарь Московского городского комитета КПСС Н. Кузнецов на Пленуме правления Союза писателей СССР предостерегал: «Молодежь должна находить в наших книгах героические деяния отцов и матерей, 'построивших социализм своими руками'. Непонимание этого художником, очернительские способы только развивают у молодежи скепсис» (там же).

О царящей внутри литературной общественности напряженности несколько прикровенно рассказал Георгий Марков на собрании писателей Москвы:

«...Кое-где и в Москве, и за ее пределами, на литературных собраниях и даже в прессе появился специальный термин '**московские настроения**', изобретенный для обозначения всякого рода гнилых и просто чуждых советской литературе взглядов. Конечно, при многоликости нашей организации, при разности житейского, литературного, общественного опыта ее членов у нас встречались и встречаются отсталые настроения, и недопонимание, и пережитки старых привязанностей, но ими нельзя измерять всю организацию...» («Литературная Россия» 22 января). Эта острая и пристрастная полемика против пробивающегося неконформизма нашла свое отражение и на съезде, — мы на этом остановимся ниже, но что уже сейчас стоит отметить, она не нашла ответа со стороны критикуемых. «Разговора» не получилось, и это опасный симптом.

Пытаясь внешними приемами создать какую-то видимость

консолидации, организаторы съезда выдвинули мысль об ориентировке писателей в их творческой работе на предстоящее в 1967 году пятидесятилетие октябрьской революции и на празднование в 1970 году 100-летия со дня рождения Ленина. Но как мы увидим ниже, эти даты не сыграли на съезде той роли, какую на них возлагали руководители литературной политики.

Основной доклад на съезде — «Советская литература и воспитание нового человека» — прочитал председатель Союза Леонид Соболев. Это был, как выразился с легким оттенком иронии Вадим Кожевников (автор романа «Знакомьтесь, Балувев!») «традиционный и самоотверженный доклад», в котором его автор хотел охватить все развитие за шесть лет, прошедших со времени основания Союза. Благодаря этому был нанесен «серьезный урон» тем мыслям, которые могли бы быть высказаны Соболевым, если бы он больше считался «с собственным художническим опытом».

Свой доклад Соболев начал с обзора литератур национальных республик. Из доклада Полторацкого, выступившего от мандатной комиссии, известно, что среди 429 делегатов присутствовали и представители от всех 16 автономных республик, входящих в РСФСР, и от 4 автономных областей (от всех, кроме Еврейской Автономной области). Из 144 членов нового Правления больше 20-ти писателей представляют различные национальные литературы.

Большое место в докладе Соболева занимали три вопроса, — во-первых, поиск главного героя современности и в связи с этим вопрос о молодежи; во-вторых, вопрос о литературном языке и, в-третьих, вопрос об основных темах современной литературы. Характерной особенностью новейшего развития является все более заметное место, занимаемое в нем современником. Соболев связывает это с возросшей у писателей потребностью самим понять быстро меняющуюся жизнь, схватить ту «константу», постоянную величину, которая «сквозным смыслом пронизывает летящие во времени события», объединяя их «в характер эпохи». Поиск такой «константы» отвечает и желаниям читателей. В отличие от литературного развития предыдущих лет, когда писатели думали постичь «дух эпохи», всматриваясь в события, сейчас этот поиск связывается ими с более глубоким проникновением в «микромир» человеческой личности. Само собой понятно, что в постижении этого «микромира» большую роль играет «микромир» современного молодого человека. У современности несколько ипостасей — трудовая жизнь человека, сложный облик современной колхозной деревни, «недосказанная страда войны».

Все эти темы «взаимопроникают» друг друга... Но, вдумываясь в новейшие образы современников, — при всей их простоте замечаешь, что объединяет их одна черта, обусловлен-

ная той страшной правдой, которая была раскрыта на XX съезде компартии 1956 г. Именно после этого стал меняться самый показ современников: литературный персонаж научился «думать перед читателем», чего не умели, или не смели, делать его литературные предшественники.

Поиски главного героя привели к появлению «молодой литературы». Термин этот не совсем ясный, так как охватывает и молодых героев и молодых авторов. В этом смысле характерна повесть «Продолжение легенды» Анатолия Кузнецова. Вслед за ней вскоре появился целый ряд рассказов, повестей, романов, в которых разрабатывался, как и у Кузнецова, один основной конфликт: юноша, начинающий самостоятельную жизнь, вступил в конфликт со своим представлением об этой жизни. Но этим не исчерпывалась сложность: молодые писатели сочувствовали не той молодежи, которая в труде изживала свои конфликты, а отдавала предпочтение «беспокойным, недовольным жизненными порядками, как говорится 'ищущим' — а чего — неизвестно».

«Динамичные свойства их характера, свобода мышления, безудержный критицизм вызывают авторское восхищение...». Но Соболев думает, что «все эти громыхающие 'беспокойства' — на холостом ходу». Он упрекает молодых героев за то, что «решать сложные проблемы, выдвигаемые жизнью, конкретизировать свою фронду, протест, искания, наконец, просто объяснить — чего же ты, собственно, добиваешься? — персонажи этих книг не желают. Но декларируют они это с охотой и в полный голос». В качестве иллюстрации такого молодого «говоруна» Соболев приводит молодого Феликса Алехина из повести Ан. Гладилина «Первый день Нового года». Феликс заявляет «мы не хотим быть маленькими винтиками...» Тут Соболев прямо взрывается: «Личность, которая не желает быть винтиком и чувствует себя хозяином, ничем не доказала своих прав на самостоятельность. Она просто ничего еще не сделала в жизни, в лучшем случае отработала съеденный государственный хлеб». В пылу раздражения Соболев как-то пропускает мимо ушей дальнейшие слова Феликса: «Мы хотим, чтобы нам доверяли, чтобы у нас было **право на поиск**».

Может быть отдавая себе отчет в слабости своих аргументов, Соболев спешит противопоставить «беспокойным» «звездным мальчикам» «правильных» юношей и девушек; он их называет «работягами» и упрекает писателей в том, что к таким работягам они относятся чуточку иронически. В виде примеров он приводит Тосю Кислицину из повести «Девчата» Бориса Бедного, Николая Бабушкина из повести «Молодо-зелено» Рекемчука и др. Но и «работяги», полагает Соболев, пока не принесли решения поставленной задачи — найти «героя нашего времени». Ново только, что в произведениях самого последнего времени появились «кандидаты» на такого героя... Несколь-

ко таких кандидатов и называет Соболев. Это Костя Барбин в повести С. Сартакова «Не отдавай королеву» (кстати, вовсе не Костя, обрисованный только в общих чертах, а девятнадцатилетний рабочий Николай Кошич, критикующий низкопоклонство и выступающий за независимость мысли, — подлинный кандидат в герои послесталинской эпохи!). Называет Соболев еще и Андрея Колокшина из романа Владимира Орлова «Соленый арбуз» (1963 г.) Колокшин действительно привлекательный образ, только зря Соболев клеветает на писателя: никакой иронии в обрисовке Андрея нет в романе, наоборот, Андрей, по прозвищу Букварь, и девушка Ольга выведены с большой симпатией. Но и Андрей, и особенно Ольга — вовсе не только «работяги», у них, как и у «звездных мальчиков», есть свои мечты.

В рассуждениях Соболева любопытно одно наблюдение: «Молодая литература избегает вводить в действие умного взрослого человека, коммуниста со сложившимся мировоззрением». Соболев затрудняется объяснить причины этого само по себе верного наблюдения. Он склонен думать, что это происходит оттого, что молодые авторы считают, что «в своих делах молодежь должна разбираться сама, без надзора старших». В этом объяснении много верного, но оно бьет по Соболеву и по всем тем, кто думает, что никакой проблемы «отцов и детей» нет в советском обществе. Докладчик сожалеет о том, что писатели избегают «встречи» представителей двух поколений; а между тем такая встреча могла бы быть очень значительна по своим результатам: она либо сожгла бы «литературщину», т. е. «случайность» образа молодого героя, либо, наоборот, подтвердила его жизненность. Со своей стороны Соболев склонен думать, что такая встреча доказала бы, что «перед нами никакой не суперман, а обыкновенный советский юноша, поднабравшийся то ли импортного, то ли отечественного идейного барахла или поверивший в собственную исключительность под одурением фимиама своего литературного отца...»

Выводы Соболева довольно пессимистичны: Молодые, но успевшие как будто «повзрослеть» авторы молодежной беллетристики «отрывают современную молодежь от великих традиций старшего поколения. В кое-каких опусах даже внушается молодежи мысль, что отцы ее были тупыми рабами культа личности и потому, мол, психика у них попорчена настолько, что словам их придавать значения нельзя. Отсюда возникает льстивый совет: действовать самим, своим умом — и все будет отлично, ибо греха культа личности молодежь не знала».

В адрес писателей, которых он упрекает в том, что они подлаживают к молодежи Соболев цитирует Евангелие: «Нет более греха, чем если кто соблазнит одного из малых сих». Такой грех берут на себя все те, кто внушает молодежи идею «мессианства». Логикой истории молодежь всегда выдвигается

в качестве новой, свежей силы; но эта новая сила только в том случае сможет справиться со стоящими перед ней и всем обществом задачами, если будет это делать «плечом к плечу со старшими поколениями»...

Среди новых тем последнего времени Соболев остановился «на недосказанной страде войны». На каждом «новом перевале» писатели возвращаются к войне. Нынешнее возвращение к этой теме характеризуется тремя особенностями: в военных новинках замечается стремление пристальнее взглянуть «в пядь войны», в одну или две солдатские судьбы, чтобы иметь при этом возможность более тщательно проникнуть в душу человека; во-вторых, война показывается теперь в своих «буднях» — с кровью, грязью, с ужасом смерти и «бессмысленностью разрушений»; в-третьих, писателей привлекают сейчас рядовые участники войны. Соболев иллюстрирует эти особенности, бегло перечисляя произведения последних лет, как «Пядь земли» Г. Бакланова, «Батальоны просят огня» Ю. Бондарева, «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются» — К. Симонова.

В связи с новым подходом к «недосказанной страде войны» встал вопрос о «дегеронизации литературы». Теория эта родилась из протеста против «культа личности». Соболеву это не по душе и он пытается всякими каучуковыми формулировками доказать, что герой должен быть восстановлен. Ведь за героем войны в действительности скрывается сам народ, новый герой — «не одиночка». Нынешние произведения о войне построены «на трудной правде неудачных сражений, тыловых и военных трагедий». Литература о войне находится сейчас на новом этапе: она приобрела «спокойную мудрость знания». Соболев ставит ударение на спокойном, созерцательном характере новых произведений о войне. В действительности новые произведения о военных годах не менее волнуют, чем их литературные предшественники. Достаточно назвать только два романа К. Симонова «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются» и повесть молодого писателя, бывшего на войне летчиком Александра Силакова («Пока не утихли грозы»), чтобы отвергнуть «спокойное» равнодушие Соболева...

Из множества вопросов, затронутых докладчиком, наибольшее внимание съезда привлекли две темы — о возрождении военной тематики и о молодежи; на них и сосредоточились прения. В прениях по докладу приняло участие около пятидесяти писателей. Политически наиболее знаменательны были два выступления — Михаила Алексеева (автора повести «Хлеб — имя существительное») и первого секретаря Московского городского комитета КПСС Николая Егорычева. В вопросе о герое Алексеев согласен с Соболевым: участники войны хотят, чтобы читатели знали, как советским бойцам удалось от Волги дойти до Берлина. Сейчас, после разоблачения культа личности, перед художниками «открылись более широкие и глубоко-

кие дали». Беда только в том, что некоторые критики на основании разоблачения культа личности попытались оспорить произведения, созданные во время войны:

«С легкостью необыкновенной критики эти при нашем всеобщем попустительстве готовы были отбросить и первую книгу шолоховского романа 'Они сражались за родину', и 'Повесть о настоящем человеке' Б. Полевого и 'Народ бессмертен' В. Гроссмана и ленинградские блокадные стихи Н. Тихонова и О. Берггольц, и 'Белую березу' М. Бубеннова и 'Звезду' Э. Казакевича...»

Не по душе Алексееву и «дегероизация». Не только старшее, но и среднее писательское поколение выросли на таких книгах как «Чапаев» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Как закалялась сталь» Н. Островского. А сейчас наряду с произведениями, продолжающими романтическую линию, появляются такие книги, как «До свидания, мальчики!» Б. Балтера или «Будь здоров, школяр» Булата Окуджавы. Алексеев думает, что «антигерой» и теория о нем пришли в советскую литературу с Запада и писателю кажется, что «будет совсем плохо», если Александра Матросова и Олега Кошевого (из «Молодой гвардии» Фадеева) «заслонят своими зыбкими мечущимися тенями некие рефлектирующие, мудрствующие лукаво в минуту, когда надо вести огонь по врагу или подниматься в атаку, этакие сомневающиеся решительно во всем людшки...» — Сознательно или бессознательно Алексеев здесь просто «передергивает», подменяя одни явления другими: все произведения о «звездных мальчиках» посвящены не пассивно «рефлектирующей», а очень активной молодежи, которая в жизни и труде сплошь и рядом идет впереди политически вполне «благополучных» молодых людей.

Еще более агрессивно против молодежи было выступление Егорычева. В первой части своей речи он бегло коснулся тех «московских настроений», о которых рассказал в своем докладе на собрании писателей-москвичей Георгий Марков: «Отвечая нашим идеологическим противникам, которые, выдавая желаемое за действительное, усиленно болтают о так называемых 'московских настроениях'. — Московские писатели твердо стоят на позициях ленинской партийности и народности в своем творчестве». Перечислив с десятков произведений, заслуживших одобрительный отзыв, как романы К. Симонова «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются», «Отец и сын» Г. Маркова, «На диком берегу» Б. Полевого и т. д., Егорычев подробно остановился на книгах, спорных «в идейном и художественном отношении». К таковым он прежде всего отнес повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». При этом Егорычев с осуждением отозвался и о «некоторых других произведениях, помещаемых в последнее время в журнале 'Новый мир'».

Егорычев перешел затем к обстрелу ряда произведений, те-

атральных постановок, и кинофильмов, страдающих «однобоким взглядом на наше прошлое». «Недостатки и ошибки прошлого выставляются при этом на первый план и заслоняют великие, подлинно героические дела нашего народа». «Нельзя допускать, чтобы молодые видели историю нашей страны только через недостатки и ошибки прошлого, представляли путь отцов как сплошную цепь ошибок и недостатков». В качестве отрицательного примера Егорычев назвал поэта Владимира Гнеушева: его произведения «чернят чуть ли не все старшее поколение». Гнеушев очень молодой поэт и несколько его стихотворений, напечатанных в «Юности», отнюдь не свидетельствуют о его желании «чернить» представителей старшего поколения. Гнеушев просто поглощен переживаниями своих сверстников.

Во всех этих выпадах против молодежи и против сделанных ею выводов из разоблачения «культа личности» постоянно прорывается боязнь, что молодежь начнет критически относиться ко всему прошлому партии периода властвования Сталина, к тем представителям старшего поколения, которые сумели благополучно пережить эту эпоху, и тем более к тем, кто именно в тот период сумел не только уцелеть, но и сделать в партии карьеру. Представители этого поколения больше всего боятся новых настроений молодежи. В речи Егорычева это сказалось особенно отчетливо:

«Долг писателей — воспитать у молодежи гордость за нашу замечательную историю, гордость за старшее поколение. Но едва ли способствует этому чрезвычайное увлечение части нашей творческой интеллигенции изображением жестокостей и произвола периода культа личности. Ведь в последнее время на страницы нашей литературы, особенно журналов, на киноэкран, на сцены театров широким потоком хлынули произведения именно такого рода».

Нынешнее молодое поколение не пережило культа личности, «оно не пережило и радость победы. Для молодежи сознательная жизнь началась с XX съезда партии, и историю своей страны, которой она может и должна гордиться, она узнает только из литературы да со слов старших. Читая же один за другим романы, повести и рассказы о репрессиях, лагерях и страданиях, новое поколение не только получает неправильное представление об основном содержании нашего прошлого, но и начинает скептически относиться к настоящему».

В виде иллюстрации к мыслям Егорычева хочется вспомнить статью Георгия Радова «‘Правдоха’ и модерн» («Литературная газета», 16 ноября 1961). Как-то Радов разговорился со знакомым инженером Иваном Владимировичем. Тот выписал для своего сына журнал «Юность» и сам стал его почитать. Прочитал в нем и «Звездный билет» В. Аксенова и — «спря-

тал» журнал от сына. Радов сначала подумал, что Иван Владимирович шутит. Но инженер горячо возразил: «Какие шутки! Литература должна воспитывать или нет? А этот 'билет', он куда приведет моего парня?» Радов пытался убедить своего собеседника, что литература все-таки «не устав караульной службы». Но инженер оставался непреклонен. Он доказывал Радову: «Мы с тобой на чем росли? На Корчагине (Н. Островского)». С этим не спорил Радов, но ведь и у них, кроме Корчагина, были свои «мечты», т. е. «звездные билеты». Тем не менее инженер остался при своем: дело не только в «Звездном билете». Всё направление журнала «Юность» ему не по душе: «Одна повесть про неустроенных, другая про расстроенных, третья про заблудившихся, четвертая про таких, что все не по ним, родители не по ним. И про них книжка за книжкой... Цепочка! Только про них...»

Хотя вопрос о молодежи занял много места в выступлениях делегатов, редко когда дискуссия вокруг молодой смены была так внутренне бесплодна, как на этом съезде. Несколько обстоятельств усиливало это впечатление. Прежде всего — отсутствие среди выступавших представителей той писательской молодежи, на которую велась атака. Почему не был привлечен к работам съезда ни Анатолий Кузнецов, ни Василий Аксенов, ни Анатолий Гладилин, не говоря уже о поэтах, в творческий огород которых было брошено немало камней, как Булат Окуджава (его имя упомянул в своей речи Евг. Поповкин, главный редактор журнала «Москва»).

Еще тягостнее были выступления на съезде двух других «первых секретарей» — Ленинградского обкома В. С. Толстикова, и ЦК ВЛКСМ Сергея Павлова. Павлов между прочим сказал: «Как можно мириться с тем, что в жизни место Корчагинных и молодогвардейцев занимают миллионы их духовных преемников, а в литературе всё выше поднимают головы трусливые школяры (намек на повесть Булата Окуджавы «Будь здоров, школяр») и 'честные пленяги'?»

Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы заметить, что на 2-ом съезде писателей РСФСР основной тон был «консервативный». В числе присутствовавших на съезде было немало так называемых «либералов», но никто из них на съезде не выступил. Странное впечатление производил вообще подбор выступавших ораторов: бросалось в глаза молчание пользующихся известностью писателей (кроме Шолохова, выступившего в каком-то особом порядке до доклада Соболева) и не только «метров» и полу-«метров», но и всей шеренги писателей, склонных или подозреваемых в склонности к «либерализму», как не выступил и ни один из представителей беспокойной молодежи. Особенно поразило молчание А. Твардовского, главного редактора «Нового мира», против которого выступал не только Соболев в своем докладе, но и Егорычев и

Софронов. В то время, как и Соболев и Егорычев не назвали Твардовского по имени, Софронов раскритиковал статью Твардовского в № 1 «Нового мира», в которой Твардовский сравнивает двух героев — Шолоховского Давыдова из «Поднятой целины» и Кирилла Ждаркина из эпопеи покойного Панферова «Бруски». Софронову не по душе внимание к обоим героям и попытка Твардовского рекомендовать писателям рассказывать «о средних, заметных людях». Этот вопрос имеет по мнению Софронова «огромное значение» для всей литературы в целом; «нельзя же ее свести только к маленьким трагедиям, к маленьким судьбам».

Правда, среди выступавших по докладу Соболева не было и Кочетова, Чаковского, Прокофьева, Маркова (последний, правда, выступил в качестве докладчика мандатной комиссии) и других, заметных представителей «консерватизма», но за них по крайней мере полным языком говорили «первые секретари» и достаточно ясно и докладчик Соболев.

Соболев, правда, пытался хотя бы внешне взять на себя роль «примирителя» и попутно сказал несколько одобрительных слов об Овечкине, Дороше, Медынском и других. Неискренность этой примирительной попытки резала глаза.

Своей основной задачей 2-ой съезд поставил — усилить ослабевшую спайку внутри литературной общественности. Средством для усиления такой спайки должны были послужить две даты — исполняющееся в 1967 году 50-летие Октябрьской революции и 100-летие в 1970 году со дня рождения Ленина. Об этих датах говорили многие ораторы, но в работах самого съезда этим датам не удалось сыграть ту роль, на которую рассчитывали организаторы съезда. В постановлении съезда имеется, правда, специальный абзац о значении, какое приобретают книги, пьесы и сценарии «о вдохновенных делах коммунистической партии, о героических свершениях советского народа». Но эти благочестивые формулировки остались висеть в воздухе.

Второй съезд писателей РСФСР останется свидетельством какого-то промежуточного положения в развитии советской литературной общественности, отражающим ту неопределенность, которая сейчас характерна для всего внутреннего состояния Советского Союза.

К ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ

С. ШВАРЦ

Экономические преступления в СССР и еврей*

«Я глубоко обеспокоен смертными казнями, которым подвергаются евреи в Советском Союзе, и тем официальным поощрением анти-семитизма, которое, повидимому, имеет место».

Бертран Россел Н. С. Хрущеву
2-го февраля 1963 года.

«Со всей ответственностью должен заявить: это грубый вымысел, злобная клевета на советских людей, на нашу страну... Меры наказания каждому из совершивших то или иное преступление, конечно, никакого отношения не имеют к национальной принадлежности преступников».

Н. С. Хрущев Бертрану Росселу
21-го февраля 1963 года.

Ко времени смерти Сталина развитие системы терроризма в Советском Союзе достигло своего апогея. Уход Сталина с исторической сцены явился поворотным пунктом в этом развитии. Вторая половина пятидесятых годов особенно в связи с разоблачением на XX съезде компартии «культ личности» была периодом смягчения в Советском Союзе правового режима, что в частности нашло свое отражение в новом уголовном законодательстве: в новых Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик от 25-го декабря 1958 года и в новом Уголовном Кодексе РСФСР от 27-го октября 1960 года (и в изданных вслед затем новых уголовных кодексах прочих

* Из подготовляемой к печати книги «Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939—1965 гг.)».

союзных республик). Но в 1961 году это развитие было оборвано; может быть, лучше сказать: в наметившееся было развитие советского уголовного законодательства в сторону известной его гуманизации в соответствии с началами, вырабатывавшимися европейской прогрессивной юридической мыслью еще с конца прошлого века, была внесена резко диссонирующая нота путем возвращения к террористическим традициям в области борьбы с экономическими преступлениями. С начала 1961 года был издан ряд указов Президиума Верховного Совета СССР с резким усилением репрессии по экономическим преступлениям и, что особенно бросалось в глаза в новых указах, с очень широким применением смертной казни.

Первым в серии этих указов был указ Президиума Верховного Совета СССР от 25-го марта 1961 года об усилении уголовной ответственности за спекуляцию валютными ценностями и ценными бумагами, но в нем еще не было речи о смертной казни. Но уже второй и важнейший во всей серии этих новых законодательных актов — указ Президиума Верховного Совета СССР от 5-го мая 1961 года «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» широко распахнул двери для применения смертной казни. Дополнением к нему в смысле применения смертной казни был указ Президиума ВС СССР от 1-го июля всё того же года «Об усилении ответственности за нарушение правил о валютных операциях» и, наконец, третьим «смертоносным» актом был указ Президиума ВС СССР от 20-го февраля 1962 года «Об усилении уголовной ответственности за взяточничество».

Излагать их здесь нет необходимости, но необходимо отметить их значение в противоречивой и сложной истории применения смертной казни в Советском Союзе.

Смертная казнь в Советском Союзе уже не раз отменялась и затем вновь получала права гражданства. В последний раз закон «Об отмене смертной казни» был издан 26-го мая 1947 года и отменил смертную казнь в мирное время. Но уже указом Президиума ВС СССР от 12-го января 1950 года смертная казнь была вновь восстановлена для «изменников родины, шпионов, подрывников-диверсантов» и указом 30-го апреля 1954 года — для «лиц, совершивших умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах». В соответствии с этими указами был формулирован и новый Уголовный Кодекс. Применение смертной казни, согласно этим постановлениям, носило сравнительно ограниченный характер. Но декреты 1961-1962 гг. словно прорвали плотину. Гарвардский профессор Гарольд Берман, как раз в этот период проводивший (в порядке «культурного обмена») более года в Советском Союзе, отнюдь не склонный сгущать краски при анализе советской правовой системы, писал в 1963 году:¹

«Судя по сообщениям советской печати об отдельных процессах, вероятно, более 250 советских граждан были казнены за экономические и другие преступления за год с мая 1961 по май 1962 года и, вероятно, столько же или больше с июня по декабрь 1962 года. Приходится говорить 'вероятно', так как советская уголовная статистика является государственной тайной».

Приведенный здесь суммарный подсчет — более 500 смертных казней за полтора с небольшим года (правда, не только за экономические, но и за другие преступления, но всё же в значительном большинстве за первые) — много выше, чем показывают доступные нам данные, которые будут приведены ниже. Если бы автором цитированных только что строк не был профессор Берман, я бы просто не решился привести этих данных. Но относительно Бермана невозможно допустить, что он привел бы такие страшные данные, не имея для этого серьезных оснований. Я счел поэтому необходимым по крайней мере довести их до сведения читателей.

В практике применения новых декретов проявилась и еще одна черта, глубоко враждебная современному правосознанию: указы эти начали применяться сейчас же после их опубликования и по отношению к преступным деяниям, совершенным до их опубликования; т. е. новым декретам была придана обратная сила, вопреки твердо установленному во всех культурных странах правилу, давно нашедшему себе — правда, с оговорками — признание и в советском праве. «Основы уголовного законодательства» 1958 года уже безоговорочно формулировали в ст. 6: «Преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния... Закон, устанавливающий наказуемость деяния или усиливающий наказание обратной силы не имеет». (Так же дословно это формулировано и в ст. 6 Уголовного Кодекса 1960 г.). Правда, полуофициальный комментарий к «Основам уголовного законодательства» смягчает категоричность этого правила:²

«Из этого правила делается исключение, когда деятельность представляет особую опасность или имеет широкую распространенность. В этих случаях новому, более суровому уголовному закону придается обратная сила, т. е. он распространяется и на те деяния, которые были совершены до его издания. Однако в качестве обязательного условия требуется, чтобы в тексте закона было специальное указание, что он имеет обратную силу».

И та же мысль с такой же категоричностью выражена в университетском учебнике уголовного права, изданном Московским университетом уже в 1962 году.

Но в указах 1961-1962 годов об экономических преступлениях никаких указаний на применение их с обратной силой нет. А между тем применение их началось немедленно и смертные приговоры по экономическим преступлениям начали выноситься уже с июля 1961 года, хотя обвиняемые по этим про-

цессам ко времени издания новых указов уже давно сидели в тюрьме. Можно считать, что по всем экономическим процессам, разбиравшимся во второй половине 1961 и в первой половине 1962 года, кроме разве немногих мелких, суровые приговоры, вынесенные на основании новых указов, были вынесены с приданием этим указам обратной силы.

Гарольд Берман проливает свет на эту и с точки зрения советского права явно противозаконную практику:³

«В процессе, разбиравшемся в июле 1961 г., указ, устанавливающий применение смертной казни, был применен с обратной силой на основании специального эдикта Президиума Верховного Совета СССР, разрешившего в этом специальном случае применение указа с обратной силой 'в виде исключения'. Этот эдикт никогда не был опубликован, так как считалось, что он не имел 'общего значения'. Мне он, однако, был показан одним из членов Верховного Суда СССР. Есть основания думать, что были и другие случаи, когда указы, допускающие смертную казнь, были применены с обратной силой на основании аналогичных специальных эдиктов».

* * *

Вскоре после опубликования указов Президиума Верховного Совета об усилении наказания за экономические преступления со введением по этим преступлениям смертной казни начались процессы. Первым таким процессом, по которому был вынесен смертный приговор, — по крайней мере первым, по которому сведения проникли в печать, — был процесс Рокотова и Файбишевича в Москве («Правда» от 21-го июля 1961 г.). До конца года, по доступным нам сведениям, еще о 8 таких процессах было сообщено в советских газетах с общим числом осужденных к смертной казни по всем 9 процессам 11; в том числе, судя по фамилиям и именам, было 5, может быть, 6 евреев. В 1962 году число таких процессов значительно возросло.

Редакция выходящего в Лондоне полупериодического издания «Евреи в Восточной Европе» («Jews in Eastern Europe») опубликовала большой список осужденных по экономическим преступлениям к смертной казни с июля 1961 до начала января 1963 года с указанием каждый раз советских изданий, из которых взяты эти сведения. В большом числе случаев я проверил эти данные по первоисточникам и убедился в их надежности. Конечно, нет уверенности, что лондонская редакция сумела отметить **все** такого рода случаи, сведения о которых проникли в советскую печать, и тем более нет уверенности, что сведения о всех процессах проникли в печать. Даже больше: можно быть уверенным, что по многим процессам сведения в печать не проникли и кажется вероятным, что от внимания лондонской редакции ускользнул ряд сообщений о процессах в провинциальной

печати. Поэтому приведенные в указанном издании данные о числе процессов и о числе вынесенных по этим процессам смертных приговоров можно считать минимальными. Менее убедительны подсчеты по этим данным числа евреев среди осужденных к смертной казни. На всем этом мы еще остановимся ниже.

Чрезвычайная сложность и бюрократический характер советского централизованного планирования и системы советского хозяйственного управления часто делают ведение хозяйства в строгом соответствии с законом и инструкциями просто невозможным, что ведет к попыткам хозяйственников искать выхода из трудностей путем обхода законов и разного рода незаконных и внезаконных операций. К этому сплошь и рядом прибегают — вынуждены прибегать — и безупречные хозяйственники, действующие отнюдь не во имя своих корыстных интересов. Но эта обстановка создает питательный бульон для расцвета всякого рода злоупотреблений, актов мошенничества, взяточничества и проч. Сознание своего бессилия успешно бороться с этой растущей опасностью и толкнуло коммунистическое руководство на путь чрезвычайного усиления репрессии за хозяйственные преступления. Нет никаких оснований думать, что эта новая политика задумана была, как система антиеврейских мероприятий. Но с самого начала применения нового законодательства ему был придан антиеврейский характер, может быть, для маскировки трудностей, имманентных всей современной системе советского хозяйства.

Чтобы читатель мог составить себе более ясное представление об этих процессах остановлюсь на трех из них, которые — с полным основанием — привлекли к себе наибольшее внимание и в Советском Союзе, и за границей. Это большой Фрунзенский процесс в марте-июле 1962 года, процесс Резницких, Каминера и др. в Вильне в январе-феврале 1962 года и процесс Шакермана, Ройфмана и др. в Москве в марте 1964 года.

Большой Фрунзенский процесс 1962 года

Это был гигантский процесс. Уже первое сообщение о готовящемся процессе говорило о 54 обвиняемых («Известия» от 11-го ноября 1961 г.). В позднейших сообщениях и в статьях в «Советской Киргизии» полное число обвиняемых (и осужденных) никогда не указывалось. Наиболее подробные сведения были даны в статье в «Советской Киргизии» от 9-го января 1962 г., где были поименно перечислены 46 обвиняемых, но тут же было отмечено: «и другие». И даже когда после четырехмесячного процесса (правда, с перерывом) в июле был вынесен приговор, в пространном отчете в «Советской Киргизии» (от 24-го июля) были названы поименно 9 человек, которым был вынесен смертный приговор, и 8 человек, приговоренных к 15 годам лишения свободы, и в обоих случаях добавлено: «и

другие», и кроме того: «остальные подсудимые приговорены к разным срокам лишения свободы» (никто не был оправдан!). То, что при этом не было сообщено даже число приговоренных к смертной казни, является исключительной особенностью этого процесса: этого, кажется, еще никогда не было.

Особенный характер этого процесса сказался и в другом. Дело разбиралось непосредственно Верховным Судом СССР, для чего суд выехал во Фрунзе. За десять «слишком лет, прошедших со смерти Сталина, это, кажется, всего третий случай непосредственного рассмотрения уголовного дела Верховным Судом; первые два были — дело Берии и дело американского летчика Поулса со сбитого американского разведочного аэроплана Ю-2.

Это дело отличалось и еще одной поразительной особенностью. На скамье подсудимых сидели не «частники» вперемежку с работниками государственных учреждений и предприятий, как это обычно бывает в больших процессах по хозяйственным преступлениям. **Все** обвиняемые были работниками государственных предприятий и учреждений: всё дело было поставлено, как процесс о превращении **внутри государственного хозяйства** двух фабрик в предприятия, хотя и работающие формально, как государственные предприятия, но фактически исключительно для личного обогащения значительного числа связанных с этим делом лиц и с созданием внутри государственной системы тайной частной организации управления двумя фабриками и распределения дохода от преступных операций («черная касса»). И, конечно, с широким использованием государственных органов для материально-технического снабжения фабрик и для сбыта их продукции.

Эта организация успешно развивалась по крайней мере в течение шести лет в тесном сотрудничестве работников двух трикотажных фабрик с работниками плановых, промышленных, снабженческих, торговых государственных органов. Но во всем судебном процессе чувствовалась какая-то внутренняя фальшь — стремление, во-первых, замазать роль в этом деле лиц из центральной администрации и, во-вторых, выпятить роль в этом деле евреев.

С этой точки зрения представляет большой интерес уже самая группировка обвиняемых в статье «Советской Киргизии» от 9-го января. Всего, как отмечено выше, здесь были перечислены поименно 46 обвиняемых; среди них, судя по фамилиям, было 19 евреев. Делятся они на три группы. На первом месте группа работников двух трикотажных фабрик: 2 директора (1 еврей), 2 начальника цехов (оба евреи), 11 мастеров цеха (8 евреев), 3 бухгалтера (1 еврей), 2 начальника снабжения (1 еврей), 1 начальник планового отдела, 2 заведующих складом готовой продукции и 1 заведующий складом сырья (среди последних четырех ни одного еврея); всего 24 человека,

из них 13 евреев.⁴ Вторую группу составляют «работники торговли, заведующие магазинами и ларьками», без более точного указания их места во всей системе; всего здесь названо 10 человек, среди которых 4 еврея. Наконец, третью группу составляют лица, принадлежащие к руководящему, главным образом, центральному административному персоналу. Всего в этой группе 12 человек (2 еврея), из них 8 (2 еврея) в центральном аппарате.

Стоит присмотреться к тому, как представлен центральный (республиканский) правительственный аппарат в этом списке. Прежде всего бросается в глаза относительная немногочисленность этой группы, особенно если принять во внимание многочисленность органов, с которыми фабрики должны были годы и годы сотрудничать. Но и самый состав привлеченных к ответственности из среды центрального государственного аппарата производит впечатление какого-то почти случайного отбора. Только один из обвиняемых — член правительства; это председатель Госплана; Госплан представлен кроме того на скамье подсудимых заместителем начальника балансов и материально-технического обеспечения; Министерство Торговли — лишь заместителем министра, правда, анонимно «и несколькими должностными лицами»; Министерство Местной Промышленности, которому были подчинены обе фабрики, о которых на процессе шла речь — двумя начальниками управлений; Госконтроль — одним заведующим отдела; кроме того отдел промышленности Совета Министров своим заведующим и Совнархоз начальником планово-экономического отдела. Вся эта группа отнесена в конец списка обвиняемых, в котором последним назван председатель Госплана. Всё это невольно наводит на мысль, что здесь пред нами попытка по возможности не привлекать общественного внимания к участию в этой преступной организации центральной администрации.

Необходимо также отметить **полное отсутствие среди обвиняемых представителей партийного аппарата**. Ни из центрального (республиканского), ни из местного, ни из низового аппарата здесь не было никого. Точно дело не происходило в стране, где «партия решает всё».

С другой стороны, во всех статьях и отчетах советской прессы о процессе постоянно как-то выпирали еврейские фамилии, и «Советская Киргизия», всё в той же статье от 9-го января, несколько загадочно писала: «Невольно напрашивается вопрос: почему стало возможным существование такой большой группы расхитителей социалистической собственности? На этот вопрос дает ответ сам состав преступников. Они занимали разные посты, но тесно «были связаны между собой». Но чем они «были связаны», что характеризовало «состав преступников» — этого газета не касается ни одним словом, предоставляя читателю догадываться и прямо толкая его к мысли, что

основное ядро преступной организации составляли люди «тесно связанные между собой» — чем? еврейством. Вся трактовка процесса в печати оставляла читателей под впечатлением, что это был в основном еврейский процесс.⁵ И из девяти перечисленных в «Советской Киргизии», как приговоренные к смертной казни, судя по фамилиям, трое несомненно, возможно, что даже четверо были евреи.

Дело Резницких, Каминера и др.

Процесс Арона и Баси Резницких, братьев Каминер и других — всего 8 человек — начался 30 января 1962 года в Вильне и закончился там же 10-го февраля смертными приговорами четверем обвиняемым и менее суровыми приговорами четверем остальным. На первый взгляд это было типичное дело о спекуляции валютой. Что его выделяло это тот факт, что на скамье подсудимых сидели только евреи, хотя в деле часто мелькали и не-еврейские фамилии, и что дело было поставлено, как показательный процесс — с ежедневными отчетами в местной печати (литовской, русской и польской) с организованным массовым вызовом в качестве публики рабочих и служащих предприятий и учреждений, с уличными манифестациями, требующими беспощадной кары, с опубликованием негодующих писем (против обвиняемых) в местных газетах — и с осторожным, но упорным подчеркиванием на процессе не только еврейства обвиняемых, но и связи их с еврейством вообще (сделки заключались в синагоге, споры разрешались раввином). В широких слоях вильенского населения о процессе так и говорили, как о еврейском процессе.

Советская печать пыталась чрезвычайно раздуть масштабы деятельности «шайки валютчиков», посаженной на скамью подсудимых. И не без успеха. В одном серьезном западном периодическом издании я натолкнулся на сообщение, будто обороты «шайки» достигли — за все годы, конечно — 13 миллионов долларов. Между тем из судебного отчета о первом дне суда мы узнали, что «Бася Резницкая (т. е. супруги Резницкие) в результате различных противозаконных сделок получила свыше 150 тысяч барыша в старом масштабе цен» («Советская Литва» от 31-го января), т. е. в современных деньгах свыше 15 тысяч рублей. Конечно, для женщины, которая еще не так давно вынуждена была, чтобы заработать на жизнь, ходить по домам мыть полы и стирать белье, это — тем более в советских условиях — громадная сумма, но в мире валютчиков это скромная величина. Федор Каминер, главный валютчик, «хапанул куш в 450 тысяч рублей» (там же), т. е. 45 тысяч в современных деньгах. Из остальных обвиняемых разве лишь Рабинович мог «хапануть» скольконибудь приближающуюся к этим цифрам сумму. Остальные — второстепенные помощники — долж-

ны были довольствоваться значительно меньшими доходами и доход всех участников «шайки» за несколько лет достиг не больше 150 тысяч рублей (в современной валюте). От **доходов «валютчиков»**, правда, еще нельзя непосредственно заключать к их **оборотам**. Но при общем доходе всех участников «шайки» за всё время не больше 150 тысяч современных рублей, не может вызывать сомнений, что названная выше цифра их вероятного оборота преувеличена по крайней мере в двадцать раз, вероятно, больше.

Процесс привлек к себе общественное внимание также и из-за значительной роли — и это было в таких процессах необычно — которую играла в этом процессе женщина, Бася Резницкая, повидимому, по своему характеру действительно человек незаурядный и даже на этом суде выделившийся в какой-то степени своей независимостью. И хотя бесспорным главарем среди обвиняемых был Федор Каминер, в судебном приговоре на первом месте среди четырех приговоренных к смертной казни была названа Резницкая.⁶ Кстати, это первый известный случай в послесталинские годы, когда женщина была приговорена к смертной казни.

Для характеристики этого процесса стоит остановиться на личности Баси Резницкой.⁷ Ко времени процесса ей уже перевалило за пятьдесят лет. Она родилась и выросла в Мариамполе (в Литве), в семье сапожника, заработка которого едва хватало на скудную жизнь. Детей была куча: сначала четыре девочки (Бася была третьей), потом три мальчика, наконец, еще одна девочка. Несмотря на большую нужду, родители старались дать детям какое-то образование. После Виленского процесса сотрудник нью-йоркского «Форвертса», Шмулевич, разыскал в Нью-Джерси младшую сестру Баси, которая рассказала ему подробно о семье и показала письма Баси (по-еврейски); фотографический снимок одного из них был напечатан в «Форвертсе». Бася хорошо писала и почерк ее — почерк культурного человека.⁸

Это была трудовая и очень дружная семья, но нужда рано разбросала ее по свету. Две старшие сестры Баси еще молодыми девушками уехали в Америку, где сразу поступили на работу, позже вышли замуж и живут в Америке и поныне. Два брата юношами уехали в Палестину, вступили в кибуц (сельскохозяйственную коммуну), в котором работают и сейчас. Две сестры с семьями были застигнуты войной в Литве, одна сумела вырваться из Литвы сейчас же и с большими трудностями добралась до Америки; другая прошла гетто и гитлеровский лагерь, но как-то уцелела, позже прошла и дипийский лагерь и тоже, в конце концов, добралась до Америки. Отец умер перед войной, но мать и младший сын попали в гетто, были здесь захвачены очередной «акцией» и полуживыми были закопаны в массовой могиле.

Бася в свое время вышла замуж за Арона Резницкого, сына мелкого деревенского арендатора и продавца молока — этот образ хорошо знаком читателям Шолом-Алейхема («Тевье Молочник»). Арон Резницкий был любознательным молодым человеком, отдававшим почти все свое свободное время самообразованию. Жил он службой и к началу войны был разъездным агентом торговой фирмы. Молодые Резницкие поселились в Шавлях, где вскоре после начала войны попали вместе с двумя девочками, которым к этому времени было уже 4 и 8 лет, в гетто. В конце 1942 года в шавельском гетто была проведена специальная «детская акция» и обе девочки были убиты. Летом 1943 года дошла очередь и до взрослых. Некоторым из них, кто в день, когда началась «акция», работали вне гетто, в том числе и Резницким, удалось бежать. Резницких спрятал литовский крестьянин, который увел их в лес, вместе с ними вырыл большую яму, сверху прикрытую досками, ветками и травой и ставшую для Резницких убежищем до лета 1944 года, когда с приходом советских войск они могли выйти на свет Божий. Их спаситель всё время доставлял им в их убежище пищу.

После освобождения они вернулись в опустошенные и разоренные Шавли. Не столько даже нужда, сколько гнет воспоминаний обо всем здесь пережитом заставили их пытаться вырваться к родным за границу — к братьям Баси в Палестину. В 1946 году Резницкие с большой группой евреев пытались пробраться в Польшу (нелегально, конечно), но были захвачены советскими пограничниками, отвезены в Вильну и преданы здесь суду. Резницкий был приговорен к пяти, Бася к трем годам принудительных работ. Оба отбыли свой срок в Сибири (врозь). Бася вернулась по отбытии своего срока в Вильну, чтобы здесь дожидаться возвращения из ссылки мужа. Жила она очень трудно, работала в качестве уборщицы и прачки.

Как жили Резницкие после возвращения Арона из Сибири, неизвестно. Известно только, что когда Резницкие пытались добиться разрешения выехать в Израиль (в это время в администрации Литовской ССР происходили какие-то колебания и прошел слух, что лицам, имеющим родных в Израиле и желающим туда уехать, будут выданы визы), но разрешения на выезд они не получили. Суд совершенно не интересовался их прошлым и не пытался выяснить, как это случилось, что эти честно и достойно прожившие уже большую часть своей жизни люди попали в валютчики. И суд не проявил даже и проблеска элементарной человечности, совершенно игнорируя при вынесении приговора, какую муку прошли эти люди.

Дело Шакермана, Ройфмана и др.

Дело Шакермана, Ройфмана и других, разбиравшееся в Москве в январе-феврале 1964 года в Судебной Коллегии по

уголовным делам Верховного Суда РСФСР, началось статей в «Известиях» от 20-го октября 1963 года. Дело это в известной степени явилось поворотным моментом в развитии процессов по экономическим преступлениям в Советском Союзе. Начиная с этого дела, в такого рода процессах всё чаще звучит новая нота: сложные и большие экономические преступления, это, как формулировали «Известия» в названной выше статье, «экономическая диверсия против социалистического государства и идеологическая против нашего общества». Диверсант — это страшное обвинение, сразу накалившее общественную атмосферу. Но «Известия» этим не ограничились и **прямо подчеркнули**, что главные обвиняемые, в сущности творцы всего дела — евреи. Этого до сих пор еще никогда не делалось, но «Известия» нашли даже для своего новшества странное обоснование: «Мы упоминаем еврейские фамилии людей, состоявших в этой шайке, потому, что не устаиваем внимания злобную клевету, которую время от времени поднимает западная пресса».

По существу дело Шакермана-Ройфмана чем-то напоминает большой Фрунзенский процесс: и здесь внутри системы государственного хозяйства создано по существу частное предприятие, даже в большей степени частное, чем во Фрунзе. При психоневрологическом диспансере в Краснопресненском районе Москвы существуют лечебнопроизводственные мастерские, в которых работают больные. Один из обвиняемых — Ройфман — «купил» должность заведующего мастерскими («купил», повидимому, должно означать, что Ройфман за взятку добился назначения его заведующим мастерскими), решив превратить мастерские в трикотажную фабрику (создать в мастерских «трикотажный цех»). Он назначил своего родственника Шакермана («в прошлом врача») начальником цеха, подобрал персонал и — уже вместе с Шакерманом — развил кипучую деятельность:

«На предприятиях Полтавы, Ленинграда (завод ‘Станкоинструмент’), Московской области (Загорская фабрика им. Розы Люксембург) за взятки жулики приобрели 58 трикотажных машин и другое производственное оборудование... 52 фабрики, артели и колхозы так или иначе оказались связанными с шайкой грабителей... ‘Торговые точки’ главным образом на рынках и вокзалах реализуют продукцию. Есть, правда, инспектора Мосгалантерейторга. Двое из них, Чулков и Жарвенков, получают постоянную ‘зарплату’ от Ройфмана. Есть, наконец, органы ОБХСС (т. е. фактически милиции). Увы, даже сюда удалось пролезть Шакерману. Работники ОБХСС Дворядкин, Галкин и Гавриков продались тем, с кем они призваны бороться и стали покрывать крупных воров».

О размахе деятельности Шакермана и Ройфмана красноречиво говорят и следующие строки: «При обыске у Шакерма-

на нашли 316 тысяч новых рублей, несколько десятков килограммов золота и много других ценностей. Примерно столько же было изъято у его коллеги по преступной деятельности».

Всё это продолжалось четыре года и продолжалось бы и дольше, если бы компаньоны не поссорились на романтической почве и Ройфман не пошел в «органы» и не рассказал о Шакермане (!). Конечно, теперь открылось всё.

(В статье «Известий» следует панегирик «нашим славным чекистам», верным «заветам Ильича»).

В статье «Известий» названо было много имен лиц, с которыми «работали» главные обвиняемые, но — и это бросалось в глаза — ни одной еврейской фамилии. И когда Кренкшау в «Обсервере» (от 3-го ноября) отметил, что предстоящий процесс, повидимому, задуман, как новый антиеврейский процесс, Лондонский корреспондент «Известий», письмом в редакцию «Обсервера» (№ от 10-го ноября) поспешил это предположение отвергнуть: ведь в статье «Известий» названо, кроме имен Шакермана и Ройфмана, 14 имен, из них 11 звучат, как русские, одно, как украинское и два как татарские. И на суде, гордо заявляли «Известия», предстанут не русские, евреи, украинцы или татары, а — преступники. «И пусть процесс над преступниками будет общественным, показательным, широко гласным. Пусть гневно прозвучит речь, быть может, даже генерального прокурора СССР в зале судебного заседания».

Из всех этих предсказаний осуществилось только последнее: обвинителем на суде действительно выступил генеральный прокурор СССР Руденко. Но обещание об открытом и гласном суде, когда дело дошло до суда, было просто забыто. Сначала корреспонденты из западных стран, которым уже было сообщено, что они будут допущены на процесс, были уведомлены, что от этого решено отказаться. Затем, почти накануне процесса, та же судьба постигла и корреспондентов из стран «социалистического лагеря». В самый день начала процесса выяснилось, что двери закрыты и для корреспондентов советской прессы. Процесс продолжался более месяца, но в периодической печати ничего не сообщалось о том, что происходило в зале суда, и только после окончания процесса о приговоре очень кратко было сообщено в «Известиях» от 28-го февраля. Пространнее — по статье «Известий» от 20-го октября предыдущего года — было сообщено о процессе в «Труде» от 27-го февраля, но о приговоре читатель узнал здесь лишь, что «преступники получили по заслугам»: «смертная казнь организаторам преступной шайки; другие преступники осуждены на различные сроки лишения свободы». И уже просто не обмолвилась ни словом об окончании процесса «Правда». Да и состав обвиняемых (и осужденных) оказался не отвечающим первоначальным наметкам. Правда, точных сведений об этом не было и даже число обвиняемых и осужденных осталось неизвестным. Иностранцы

корреспонденты в Москве определяли его от 21 до 28 и по общему мнению, большинство среди них составляли евреи.

Невероятная статистика

Выше уже отмечалось, что редакция лондонского полупериодического издания «Евреи в Восточной Европе» систематически собирает данные о процессах об экономических преступлениях в Советском Союзе, заканчивающихся смертными приговорами и о числе евреев среди смертников. В мае 1963 г. редакция опубликовала список таких процессов по 25-ое января 1963 года (с обозначением каждый раз источника, из которого заимствованы данные о процессе), перечислив поименно всех присужденных к смертной казни. Подчеркиваю, здесь идет речь не о всех процессах по экономическим преступлениям, а лишь о тех, которые закончились смертными приговорами. Процессов по экономическим преступлениям, по которым были вынесены менее суровые приговоры, конечно, гораздо больше, да и приведенный список процессов, по которым вынесены смертные приговоры, еще не носит исчерпывающего характера: во-первых, не о всех такого рода процессах сведения проникают в печать (могла же даже «Правда» просто замолчать окончание такого исключительного процесса, каким был процесс Шакермана-Ройфмана) и, во-вторых, немыслимо за границей — тем более частными усилиями — собрать исчерпывающие сведения по **всей** советской печати. Нужно удивляться и тому, что редакция сумела сделать, собрав сведения по большому числу московских периодических изданий, газет на русском языке и частью на языках коренных национальностей, выходящих в столицах всех союзных республик, и по значительному числу областных газет.

Всего в списке, опубликованном в майском выпуске 1963 г. «Евреев в Восточной Европе», перечислены 8 процессов, разбившихся во второй половине 1961 года, 41 процесс в 1962 году и 7 процессов с 1-го по 25-ое января 1963 года, всего 56 процессов со 111 смертными приговорами. Данные по 5-ое января (по 51 процессу со 104 смертными приговорами) разработаны редакцией статистически (очевидно, сведения о 5 процессах с 7 смертными приговорами поступили в редакцию, когда статистическая работа уже была закончена). На этих данных стоит остановиться.

(См. таблицу на стр. 61).

По двум союзным республикам (Латвии и Таджикистану), по этим данным, вовсе не было за указанный период процессов об экономических преступлениях, закончившихся смертными приговорами; еще по пяти (Азербайджану, Армении, Туркменистану, Узбекистану, Эстонии) хотя и было 10 таких процессов с 16 смертными приговорами, но евреев среди приговоренных к смерти не оказалось; но по остальным 9 республикам про-

Процессы по экономическим преступлениям, закончившиеся смертными приговорами (с июля 1961 г. по 5-е января 1963 г.)

	Число процессов	Число смертных приговоров	В т. ч. евреям	Процент евреев	Процент евреев в стране
СССР	51	104	60	58	1,08
В т. ч.					
РСФСР	14	24	16	67	0,7
Украина	12	30	25	83	2,0
Белоруссия	2	6	4	67	1,9
Молдавия	2	5	4	80	3,3
Литва	3	7	5	71	0,9
Эстония	1	1	—	—	0,5
Азербайджан	5	9	—	—	1,1
Грузия	2	2	2	100	1,3
Армения	1	2	—	—	0,1
Казахстан	5	5	1	20	0,3
Киргизия	1	9	3	33	0,4
Узбекистан	2	3	—	—	1,2
Туркменистан	1	1	—	—	0,3

цент евреев среди приговоренных к смертной казни был чрезвычайно высок и по Советскому Союзу в целом общее число смертных приговоров по этим преступлениям достигло за указанный период 104, в том числе было 60 евреев, приговоренных к смертной казни, т. е. 57,7 процента смертников.

В приговорах, правда, национальность приговоренных не показывалась и она определялась при этом подсчете по фамилиям или именам и фамилиям осужденных и иногда по другим, проникшим в печать, сведениям. Внимательно просмотрев весь список, как он приведен в «Евреях в Восточной Европе», я вычеркнул из подсчета евреев 15 человек, в еврействе которых на основании только данных, имеющихся в списке, нельзя быть вполне уверенным.⁹ Остаются 45 евреев среди 104 осужденных к смертной казни, т. е. 43,3 процента общего числа смертников. Нужно, однако, принять во внимание, что среди 104 смертников могли быть евреи, которых по одним только данным о фамилии или даже об имени, отчестве и фамилии нельзя распознать, как евреев. Словом, по данным об этих процессах, от 43 до 50 процентов это минимальный процент евреев среди приговоренных к смертной казни за период с июля 1961 года по 5-е января 1963 года.

Позже в том же издании (в выпуске от февраля 1964 года) были приведены и более поздние данные, правда, менее полно разработанные и без приведения списка процессов и данных о каждом процессе. По этим данным, за период с июля 1961 года по август 1963 года общее количество процессов об экономических преступлениях, по которым были вынесены смертные приговоры, достигло 81, число осужденных к смертной казни 163, в том числе евреев 88, т. е. 54 процента, возможно даже 96 приговоренных к смертной казни евреев, т. е. 59 про-

центов. Приведены здесь и данные расчетов по четырем республикам: РСФСР — евреи составляли 64 процента среди смертников, Украина — 90 процентов, Белоруссия — 57 процентов, Молдавия — 83 процента. На этот раз были приведены и подсчеты по нескольким большим городам: в Москве было вынесено 10 смертных приговоров за экономические преступления из них 7 евреям, в Ленинграде тоже 10 из них 9 евреям, в Вильне 5 смертных приговоров из них 4 евреям, в Одессе, Харькове и Черновицах было вынесено по шесть смертных приговоров, все приговоренные евреи.

Всё это чрезвычайно высокие цифры, а при сопоставлении их с незначительным процентом евреев в составе всего населения Советского Союза они не могут не казаться совершенно невероятными, — **если** они в какой-то мере должны отвечать нормальному отправлению правосудия.

Приведенные цифры кажутся совершенно невероятными. Но процессы об экономических преступлениях, на основании данных, по которым они исчислены, ведь несомненная реальность. Как могли получиться эти фантастические цифры?

Хрущев в письме Бертрану Росселу от 21-го февраля 1963 г. писал, что вопрос о том, принадлежащих к какой национальности оказывается больше или меньше среди осужденных за экономические преступления, «это вопрос не национальный, а социальный». В какой-то мере это верно. И в частности в применении к евреям этим, может быть, и можно было бы объяснить несколько больший, чем это отвечает численности евреев в составе всего населения, процент их среди привлекаемых за экономические преступления. Очень значительная часть экономических преступлений совершается в управлении торговлей и в организации снабжения. Процент евреев в этих отраслях хозяйства больше, чем процент их в составе всего населения,¹⁰ в значительной мере вследствие трудностей, на которые евреи наталкиваются при попытках найти работу во многих (далеко не всех) других отраслях труда. Евреев также много среди бухгалтеров. Это тоже отрасль труда, в которой процент привлекаемых за экономические преступления выше среднего. Не должно было бы поэтому вызывать удивления, если бы при одном с небольшим проценте евреев в составе всего населения Советского Союза евреи составляли бы несколько больший процент — если много, от 2-х до 3-х процентов — среди привлекаемых за экономические преступления. Но не пятьдесят процентов! «Социальный» аргумент Хрущева оказывается совершенно несостоятельным.

Одним из факторов, резко повышающим процент евреев, осуждаемых к смертной казни, является несомненно факт своеобразного **отбора** евреев среди привлекаемых к судебной ответственности. Когда к суду привлекается большая группа лиц со смешанным составом (евреев и не-евреев), очень часто

наблюдается такая картина: не-евреи, которые по ходу дела должны были бы нести бóльшую ответственность, отодвигаются на задний план, а то и вовсе не попадают на процесс, а евреи, напротив, выдвигаются на первый план в гораздо большей степени, чем это отвечает обстоятельствам дела. Выше мы могли наблюдать это на большом Фрунзенском процессе.

Но даже и этим невозможно объяснить громадную диспропорцию между процентом евреев в составе населения страны и процентом их среди приговариваемых к смертной казни по экономическим преступлениям. К приведенным выше факторам присоединяется еще один, может быть, решающий: наши сведения о масштабах судебной репрессии по экономическим преступлениям очень неполны и, повидимому, в очень большом числе случаев обнаруженных экономических преступлений дело то ли не доходит до суда, то ли, если и доходит, сведения о суде не проникают в печать. Здесь также действует своеобразный **отбор** — отбор дел, к которым признается желательным привлечь общественное внимание. И тут как раз и отбираются дела, в которых видную роль играют евреи или, может быть, можно даже формулировать резче: в которых видную роль можно, худо ли, хорошо ли, приписать евреям.

Что картина, которая встает при анализе опубликованных данных о процессах по экономическим преступлениям, находится в глубоком противоречии с действительностью, иногда находит себе подтверждение в неосторожных полуофициальных заявлениях.

В октябре 1963 года в редакции «Советиш Хаймланд» состоялась беседа читателей и сотрудников журнала по вопросу об антисемитизме и расизме на Западе и о лжеобвинениях в антисемитизме, которые выдвигаются против Советского Союза в западной печати. Беседа эта не заслуживала бы того, чтобы на ней останавливаться, если бы не выступление во время этой беседы старшего помощника генерального прокурора СССР, государственного советника 2-го класса Геннадия Терехова. Терехов вырос в еврейском местечке в Белоруссии, товарищами его детских игр были еврейские мальчики, еврейский язык для него, как он сам заявил, «не книга за семью печатями». Но не это было важно в речи Терехова. Важно было другое:

«Я хочу сказать несколько слов о судебных процессах по так называемым экономическим преступлениям, так как в прокуратуре я занимаюсь этими делами. Я заявляю с полной ответственностью (мит дер фулер ахрайэс), что у нас в стране не только абсолютное число евреев, привлекаемых к уголовной ответственности, меньше, чем у других национальностей, но и что процентное отношение евреев-подсудимых ко всему еврейскому населению страны меньше, чем у других национальностей» («Советиш Хаймланд», ноябрь-декабрь 1963 года, стр. 83).

Заявление это имело тем большее значение, что Терехов выступал в качестве обвинителя в первом же после опубликования новых декретов процессе об экономических преступлениях, закончившемся смертным приговором (процессе Рокотова и Файбишенко, «Правда» от 21-го июля 1961 г.), и он же был главным обвинителем в большом Фрунзенском процессе 1962 года (см. «Советскую Киргизию» от 24-го июля 1962 г.).

Через полгода, при приезде в Израиль первой группы православных паломников из Советского Союза, стоявший во главе группы архимандрит Ювеналий вложил персты в рану. В беседе с журналистами он заявил: «Что касается экономических преступлений — их совершают не только евреи, но газеты не сообщают о нееврейских преступлениях» («Jerusalem Post» от 20-го мая 1964 г., цитировано в «Jews in Eastern Europe», ноябрь 1964 г., стр. 30).

Московский корреспондент коммунистической «Морген Фрайхайт» телеграфировал о визите в редакцию «Советиш Хаймланд» известного американского писателя-драматурга Артура Миллера. Во время беседы Миллера с главным редактором журнала Вергелисом, последний огласил заранее заготовленное заявление, которое содержало следующий интересующий нас пункт:

«Абсолютное число евреев, осужденных за преступления против социалистической собственности, меньше, чем у других национальностей. Кроме того процентное отношение осужденных евреев к общему числу евреев в стране меньше, чем соответственное процентное отношение у других национальностей». («Морген Фрайхайт» от 16-го февраля 1965 г.).

Эти заявления делаются, вероятно, для того, чтобы ослабить ошеломляющее впечатление, которое производят на Западе сообщения о множестве процессов по экономическим преступлениям в Советском Союзе, заканчивающихся смертными приговорами и об огромном проценте евреев среди смертников, совершенно очевидно несоответствующем действительной вине обвиняемых. Полного доверия эти заявления не внушают, но они не оставляют сомнения в том, что данные советской печати о процессах дают совершенно искаженную картину действительности; что они превращают евреев в козлов отпущения за внутренние пороки советской системы и — хотя ли этого руководители советской политики или нет — питают ростки антисемитизма в стране.

¹ *Harold J. Berman*, "The Dilemma of Soviet Law Reform" in "Harvard Law Review," Vol. 76, No. 5, March 1963, p. 949.

² «Научно-практический комментарий к Основам уголовного законодательства СССР и союзных республик» (2-е издание). Ответственные редакторы проф. В. Д. Меньшагин и проф. П. С. Ромашкин, Госюризд, Московский Государственный Университет, Юридический факультет, Госюриздат, Москва, 1961 г., стр. 25-26.

³ Berman, *Ib.*, p. 948.

⁴ Для Киргизии в особенности, где евреев почти нет, это чрезвычайно высокий процент. Во всей Киргизии, по переписи 1959 года, оказалось лишь 8.610 евреев, т. е. 0,38 процента населения республики, и даже во Фрунзе, где сосредоточено две трети киргизского еврейства, евреи составляют лишь 2,65 процента населения.

Впрочем, коренное население, может быть, воспринимает это иначе: для него евреи лишь одна из инациональных групп, в целом господствующих в администрации и в хозяйстве. Достаточно сказать, что среди перечисленных поименно 46 обвиняемых по процессу, судя по фамилиям, было только шесть тюрков.

⁵ Наглядной иллюстрацией стремления устроителей процесса минимизировать роль в этом деле представителей центральной администрации и подчеркнуть роль евреев может служить следующий почти анекдотический случай: «Еще в июле 1958 года Дюшалиев пошел на сговор с одним из опаснейших преступников Газенфрацем и пообещал ему за крупную взятку добиться через Госплан СССР выделения для Аламединской фабрики вне фондов искусственного шелка». («Советская Киргизия» от 24-го июля). Дюшалиев — председатель Госплана, Газенфрац — мастер цеха Аламединской фабрики. Неужели кто-либо может всерьез поверить, что так велись дела в этой организации.

⁶ Остальные трое приговоренных к смертной казни — Арон Резницкий, Каминер и Рабинович — подали в Президиум Верховного Совета СССР прошение о помиловании и смягчении наказания. В этом им было отказано и приговор был приведен в исполнение. («Советская Литва» от 4-го апреля). Бася Резницкая прошения о смягчении участи не подписала, но и не была непосредственно после осуждения расстреляна. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

⁷ Дальнейшее изложение основано главным образом на трех статьях И. Шмулевича в «Форвертсе» от 28-го февраля, 1-го и 2-го марта 1962 года и на статье Моше Дектера, «Profile of a Soviet Prisoner,» «The New Leader» от 1-го апреля 1963 г.

⁸ В статье Шмулевича напечатан и фотографический снимок семьи Баси в Мариамполе: родителей и всех восьми, частью еще маленьких детей; снимок производит очень благоприятное впечатление.

⁹ Возможно, что при статистической обработке данных о процессах сотрудник «Евреев в Восточной Европе» имел в своем распоряжении данные (из отчетов о процессах и статей в периодической печати), позволившие ему отнести к числу евреев ряд лиц, еврейство которых установить на основании только сведений об их фамилии или имени, отчестве и фамилии невозможно.

¹⁰ За последнее десятилетие и это, повидимому, начало заметно меняться. Читатель, вероятно, обратил внимание на то, что среди обвиняемых по большому Фрунзенскому процессу особенно много евреев оказалось в промышленном секторе, особенно в среднем техническом аппарате, гораздо меньше в распределительном секторе и совсем мало в государственном в тесном смысле.

Антисемитский памфлет в Советском Союзе

Борьба с религией уже давно ведется в Советском Союзе с большой настойчивостью. Интегральной частью ее была всегда и борьба с еврейской религией. Но с конца сороковых годов борьба с еврейской религией постепенно приобрела в Советском Союзе самостоятельное значение и диктуется не только, даже часто не столько общими антирелигиозными мотивами, сколько мотивами, связанными с внешне-политическими расчетами Советского Союза на Ближнем Востоке — и инерцией антисемитизма, как это ни неожиданно, становящейся в какой-то мере самостоятельным фактором развития в Советском Союзе.

Когда вскоре после смерти Сталина в общественно-политической жизни страны появились признаки известной «оттепели», это нашло свое выражение и в области борьбы с религией. 10-го ноября 1954 года ЦК компартии было принято обширное постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» («Правда» от 11-го ноября 1954 г.). В этом постановлении очень решительно указывалось на необходимость «систематической научно-атеистической пропаганды», но при этом многократно подчеркивалась «недопустимость оскорбления религиозных чувств верующих, а также служащих культа». Постановление с осуждением отмечало «грубые ошибки», которые допускаются в научно-атеистической пропаганде «в ряде мест»:

«Вместо развешивания систематической кропотливой работы по пропаганде естественных научных знаний и идейной борьбы с религией в отдельных центральных и местных газетах, а также в выступлениях некоторых лекторов и докладчиков допускаются оскорбительные выпады против духовенства и верующих, отправляющих религиозные обряды. Имеют место случаи, когда на страницах печати и в устных выступлениях пропагандистов некоторые служители религиозных культов и верующие без всякого к тому основания изображаются людьми, не заслуживающими политического доверия. В ряде районов со стороны местных организаций и отдельных групп до-

пущены случаи административного вмешательства в деятельность религиозных объединений и групп, а также грубого отношения к духовенству».

ЦК предписал всем партийным организациям «впредь ни в коем случае не допускать каких-либо оскорблений чувств верующих и церковнослужителей, а также административного вмешательства в деятельность церкви» и напоминал, что эта порочная практика «противоречит конституции СССР, предоставляющей советским гражданам свободу совести».

Постановление это никогда строго не соблюдалось, но оно всё же привело к заметному смягчению крайностей в антирелигиозной пропаганде. Это смягчение с самого начала гораздо слабее сказывалось в антирелигиозной пропаганде против еврейской религии. Всё же в течение некоторого времени оно сказывалось и здесь. Этому вскоре был положен конец. На состоявшейся в мае 1957 года в Москве антирелигиозной конференции («Всесоюзном совещании-семинаре по научно-атеистическим вопросам») два докладчика — оба еврея: член Академии Наук СССР, редактор «Вопросов философии» и член ЦК компартии Марк Митин и заместитель директора Музея религии и атеизма в Ленинграде Михаил Шахнович — выступили в пользу решительного усиления борьбы с иудаизмом.¹ Эта конференция явилась как бы поворотным пунктом в развитии борьбы с еврейской религией. С этого времени эта борьба окончательно отрывается от религиозной борьбы вообще, воспринимает в заостренной форме все те черты, которые были осуждены в цитированном выше постановлении ЦК компартии «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды», и всё отчетливее приобретает характер борьбы не только против еврейской религии, но против еврейства вообще. Всё это в какой-то мере нашло свое выражение, — я по крайней мере это так ощущаю, — и в изменении терминологии: «научно-атеистическая пропаганда против еврейской религии» превратилась в «борьбу с иудаизмом».

Борьба эта велась и ведется и по пропагандной и по практической линиям. По пропагандной линии она привела к изданию большого числа книг и брошюр, в которых антирелигиозная пропаганда против еврейской религии всё теснее переплетается с борьбой против Израиля и сионизма и против еврейства вообще, расчищая почву для усиления антисемитизма, а то и открыто скатывается в антисемитское болото. По практической линии борьба с иудаизмом с 1958 года нашла свое выражение в широкой кампании по закрытию синагог, вскоре принявшей очень грубый характер.

В литературе по борьбе с иудаизмом особенно активную роль играют в последние годы четыре автора: Моисей Беленький, Михаил Шахнович, Ф. Маяцкий и Трофим Кичко.² Беленький и в меньшей мере Шахнович еще пытаются оставаться в

рамках исторической науки и критической теологии. Это — борьба с религией в тесном смысле, лишь изредка переплетающаяся с современной политикой. Маяцкий и особенно Кичко поглощены совсем другой борьбой с иудаизмом. Исторические и критико-теологические аргументы в их писаниях, если и играют, то совершенно ничтожную роль. Они борются не с еврейской религией, а со стремлением советского еврейства сохраниться, как национальность, и сохранить связи с еврейством за границей, и особенно с симпатиями советских евреев к Израилю. Еврейская религиозная община является сейчас в Советском Союзе последней и единственной общественной организацией евреев, и если Маяцкий еще в основном ограничивается ожесточенной борьбой с еврейскими симпатиями к Израилю, Кичко идет дальше и всеми силами пытается дискредитировать еврейскую религиозную общину и ее центр — синагогу, прибегая при этом к подлинно гитлеровским приемам антисемитской пропаганды.

В статье «Чему учит еврейская мораль» (1962 г.) Кичко писал о существовании еврейской этики:

«Всё вероучение иудаизма проникнуто не идеей труда, а узким практицизмом, заботой о наживе, любовью к деньгам, духом эгоизма. Весь иудейский культ — это переведенная на язык религии торговля. Продажа мацы или аукцион по сбыту глав торы ('ализ'), похороны или обрезание, свадьба или развод — всюду на первое место вылезает деньги, презрение к производительному труду».

Следует в таком же духе толкование десяти заповедей. В своей последней книге «Иудаизм без прикрас» (1963 г.) Кичко возвращается к своей излюбленной мысли, будто десять заповедей запрещают совершение преступлений только против евреев, но отнюдь не против не-евреев. Он подкрепляет эту мысль карикатурой «Бен-Гурион за работой»: изображены скрижали завета, на них начертаны десять заповедей, но Бен-Гурион всюду перечеркивает «не». «Не убий» превращается в «убий», «не крадь» в «крадь» и т. д.

В книге Кичко три основные идеи: 1) еврейская религия сложилась, как религия рабовладельческого государства и превратилась позже в торгашескую религию; 2) синагога это центр, в котором жулики обделывают свои темные делишки, и администрация синагог сплошь и рядом состоит из жуликов, которые используют для себя доходы синагоги и ссорятся и дерутся при дележе добычи; 3) еврейская религия и Израиль это орудия империалистической политики капиталистических держав и прежде всего США, обращенной своим острием против стран социализма и прежде всего против СССР. Коротко (как это сформулировано на обороте заглавной страницы книги): еврейская религия «вобрала в себя и концентрировала всё

наиболее реакционное и античеловеческое, что имеется в писаниях современных религий».

Книга Кичко — и даже не столько своим циничным текстом, сколько своими многочисленными карикатурами, совершенно в духе гитлеровского журнала «Дер Штюермер» и его редактора Юлиуса Штрайхера — вызвала множество протестов за границей. На этот раз возмущение широко захватило и круги западных коммунистов и им сочувствующих. В американском ежемесячнике «Джуиш Коррентс», определенно прокоммунистическом, но в еврейском вопросе сохраняющем независимость, редактор его писал, после того как он впервые увидел книгу Кичко (еще не познакомившись с ее текстом): книга эта по тому, как в ее иллюстрациях показаны евреи, «бесспорно и очевидно носит антисемитский характер» («Джуиш Коррентс», апрель 1964 г., стр. 9). Через месяц тот же орган поместил сводную хронику откликов «в левых и коммунистических кругах» на «Иудаизм без прикрас»:

«Морги Фрайхайд» еще 1-го марта запросила своего корреспондента в Москве об этой книге, а 11-го марта сообщила, что «Кол Гаам», коммунистический орган в Израиле, критиковал 6-го марта оскорбительные карикатуры. В Комиссии о правах человека в Объединенных Нациях представитель Украины, Петр Недбайло, подтвердил опубликование этой книги Украинской Академией Наук и защищал одну из карикатур. В Париже 17-го марта левая еврейская газета «Найе Прессе» в передовой статье «Мы осуждаем», помещенной на первой странице газеты, выразила свое «негодование». В Канаде «Вохенблат», еврейский левый еженедельник, поместил 19-го марта передовую «Мы потрясены». В Нью Йорке 19-го марта «Морги Фрайхайд» вышла с обширной передовой под названием «Антисемитские карикатуры должны быть осуждены и виновные наказаны».

В пятницу 20-го марта особенно важное заявление было опубликовано лидером компартии Гусом Халлом: «Для меня несомненен антисемитский характер того, что я видел... Это серьезное нарушение политики и борьбы, которая много лет ведется в Советском Союзе против идеологии антисемитизма». 24-го марта «Юманите», коммунистический орган, перепечатал передовую «Найе Прессе» от 17-го марта и солидаризовался с нею.

В Риме 25-го марта левая газета «Пацца Сера» апеллировала к советским властям и просила изъять книгу из обращения. 26-го марта было получено уклончивое заявление советского агентства «Новости», подписанное Шимоном Кацом. В этот же день британский коммунистический лидер Джон Голлан выступил против этой книги, а шведские комсомольцы писали советским комсомольцам и просили объяснений. 27-го марта, мы, наконец, получили экземпляр книги и убедились, что не

только карикатуры, но и многое в тексте книги вызывает возмущение. 27-го марта в Киеве орган украинского Союза писателей 'Ряданська Культура' напечатал критический отзыв о книге, но уклонился от критики содержащихся в ней элементов антисемитизма (still failed to come to grips with the anti-Semitism in the book). 29-го марта в Риме коммунистический орган 'Унита' поместил превосходную статью Джузеппе Боффа по вопросу об антисемитизме в СССР. 4-го апреля 'Правда' опубликовала краткое сообщение Коммунистической идеологической комиссии, заявляющее, что 'ошибочные высказывания... и иллюстрации... могут быть истолкованы в духе антисемитизма...' («Джуиш Коррентс», май 1964 г., стр. 15).

В этих последних строках реакция «Правды» на появление книги Кичко представлена еще в очень смягченном виде. Об этом еще будет речь ниже. Книга Кичко вышла в свет 12-го октября 1963 года, появилась с крикливой антисемитской иллюстрацией (в красках) на обложке, была выпущена значительным тиражом (12 тысяч) и продавалась по очень низкой цене (24 коп.; в книге 192 страницы). Не заметить ее было невозможно (тем более, что книга была выпущена авторитетным издательством — Академии Наук УССР). Но в течение пяти с половиной месяцев в советской печати не было о ней ни одного слова критики. Только после того, как книга проникла за границу и вызвала здесь взрыв возмущения, захватившего и широкие коммунистические круги, компартия решила от нее осторожно отгородиться. Да и то не сразу. Сначала московское коммунистическое руководство просто пыталось отомолчаться. Встревоженная редакция нью-йоркской еврейской прокоммунистической газеты «Моргн Фрайхайд» еще 1 марта сообщила, что она запросила своего московского корреспондента по поводу дошедших до нее слухов о книге Кичко. «Ответ еще не получен», писала газета через три недели. Между тем 12-го марта представитель Израиля в Объединенных Нациях, Комэй, выступая в Комиссии о правах человека по вопросу о проекте международной конвенции «об устранении всех форм расовой дискриминации», очень резко охарактеризовал книгу Кичко. Говорившие после него представители СССР (Морозов) и Украинской ССР (Недбайло) от ответа уклонились — Морозов, просто как если бы о Кичко даже и речи не было;³ Недбайло пытался защитить Кичко, заметив, что карикатура, изображающая еврея, пресмыкающегося перед гитлеровцами, относится лишь к тем евреям, кто сотрудничал с наци.⁴ Но волна протестов подымалась всё выше, и 25-го марта советское бюро печати (для заграницы) «Новости» разослало статью Симона Каца «О брошюре 'Иудаизм без прикрас' и ее комментаторах». Опубликование брошюры Кичко, пишет Кац, вызвало на Западе и особенно в США поток новых фальсификаций об «антисемитизме» в Советском Союзе. Но «Кичко только вос-

пользовался своим правом на обеспеченную конституцией СССР свободу антирелигиозной пропаганды». Он «несомненно руководился благими намерениями, стремясь ввести своих читателей в круг научных взглядов на религию, в этом случае иудейскую. Он это сделал не наилучшим способом». Здесь кончается критика Кичко и начинается опять резкая критика «врагов».

Наконец, 27-го марта появилась в советской печати первая «критическая» статья о книге Кичко, на которую с тех пор стало признаком хорошего коммунистического тона ссылаться, как на решительную критику Кичко. Но что это за критика! Характерно уже само название статьи Б. Лобовика и К. Ямпольского в «Радянської Культуре» от 27-го марта: «Книга о реакционной природе иудаизма». Авторы совершенно солидарны с общей характеристикой иудаизма и его развития у Кичко: «как автор правильно показывает»,... «как в книге правильно подчеркивается»... и т. д., и т. д. Правда, во второй части этой обширной статьи авторы ее замечают, что «давая труду Т. К. Кичко в целом положительную оценку, мы в то же время отметим ее существенные недочеты». Но в чем осторожные критики видят «недочеты» книги Кичко? Только в недостаточной связи с современностью, в недостаточном анализе причин живучести иудаизма в наше время, в упрощенной критике сионизма и Израиля. Ни слова об антисемитизме, которым пронизана книга, и только очень осторожно о ее иллюстрациях (это, вероятно, робкая уступка встревожившей руководящие советские круги критике Кичко в западной коммунистической печати): «Художественная часть книги, ее обложка, дают основание для серьезных возражений. Многие рисунки в книге, как и ее обложка, выполнены претенциозно, неряшливо, на низком художественном уровне и могут только оскорбить верующих».

И авторы статьи заканчивают: «Всё это, несомненно, понижает ценность этой книги, которая, повторяем, заслуживает в целом положительной оценки, как тщательный анализ реакционной природы еврейской религии». И авторы выражают уверенность, что «устранение указанных недочетов повысит научный уровень и практическое значение этой книги и она в еще большей степени будет содействовать углублению атеистической пропаганды среди верующих, поможет им освободиться от пережитков религии и войти в ряды активных и сознательных строителей коммунизма».

Нужно было решение «на самом высоком уровне», чтобы книга Кичко перестала быть предметом похвал и хоть приблизительно предстала перед советским общественным мнением в своем реальном виде — как тенденциозный и частью просто вульгарный антисемитский памфлет. До этого было еще далеко. Но давление со стороны прокоммунистических кругов Запада нарастало. 25-го марта президиум Всемирной Еврейской

Культурной Ассоциации (ИКУФ), влиятельной в американско-еврейских прокоммунистических кругах организации, опубликовал заявление, в котором настаивал на предании суду Кичко и его карикатуриста и требовал от Украинской Академии Наук объяснений, «как такая книга оказалась «возможной». 25-го же марта секретарь Европейского Союза Писателей Джанкарло Вигорелли телеграфировал Советскому Союзу Писателей (который входит в Европейский Союз) о тяжелом впечатлении, которое произвело опубликование книги Кичко в европейских писательских кругах: «Европейские писатели ждут объяснений. Особенно просим вашего вмешательства для исправления морального, культурного и политического вреда, принесенного опубликованием этой книги». Всё того же 25 марта парижская «Найе Прессе» требовала «немедленного изъятия книги Кичко из обращения, как вредной для самого Советского Союза, расследования, как вообще возможно было появление такой книги и принятия необходимых мер, гарантирующих, что такого рода брошюры никогда более в Советском Союзе выходить не будут». 27-го марта брюссельская левокоммунистическая (т. е. прокитайская) газета «Вуа дю Пэплъ» потребовала «изъятия этой порочной брошюры из обращения и уничтожения ее и выяснения действительных виновных — не только простого исполнителя Кичко, но тех по чьему распоряжению брошюра была издана — и примерного наказания их». 29-го марта римская «Унита» писала:

«Такие вредные явления, как книга, опубликованная недавно в Киеве, не следует рассматривать, как изолированные события, не затрагивающие общественной совести большинства советских граждан. Нет, против них необходимо энергично бороться. Отказ от такой борьбы или только нерешительная борьба могут лишь принести вред Советскому Союзу и вызвать сомнения относительно Советского Союза перед совестью международного пролетариата и демократических масс всего мира».

Выше далеко не исчерпаны такого рода высказывания. Да в этом и нет необходимости.⁵ Приведенные высказывания достаточно убедительно показывают, какое тяжелое впечатление произвело появление книги Кичко в кругах, привыкших с доверием относиться к Советскому Союзу и готовых во всякой критике Советского Союза видеть козни сторонников «холодной войны». Руководителям коммунистической политики в Москве становилось всё труднее отмалчиваться и в начале апреля было принято, наконец, решение дезавуировать книгу Кичко. Но сделать это решено было в максимально сдержанной форме: в хроникальном отчете о заседании идеологической комиссии при ЦК компартии, посвященном обсуждению общего вопроса «Об издании научно-атеистической литературы». В этом отчете — в «Правде» от 4-го апреля — сообщается о ряде

«полезных изданий» и отмечается, что «в то же время выпущены и некоторые плохо подготовленные книги и брошюры, которые наносят вред нашей идейно-воспитательной работе». После этого отчет переходит к «брошюре» Кичко (никакие другие «плохо подготовленные» издания уже не упоминаются) и замечания об этой «брошюре» занимают более половины всего отчета. У внимательного читателя не может не сложиться впечатление, что всё сообщение написано ради книги Кичко, критике которой решено было придать наименее демонстративный характер, для чего критика Кичко и была запрятана в сообщении о заседании идеологической комиссии. Характерно, что полного текста постановления идеологической комиссии ни в этом сообщении, ни позже опубликовано не было и что, кроме этого сообщения, «Правда» ни в этот день, ни позже о книге Кичко не проронила ни слова.⁶ Приведем всё наиболее существенное о книге Кичко в этом сообщении «Правды»:

«...Участники заседания подвергли критике серьезные ошибки, допущенные в брошюре Т. Кичко 'Иудаизм без прикрас', опубликованной в конце 1963 года издательством Академии Наук Украинской ССР. Автор брошюры, а также авторы предисловия к ней, стремясь вскрыть реакционную сущность религии иудаизма, неправильно освещают некоторые вопросы, связанные с возникновением и развитием этой религии. Ряд ошибочных высказываний, имеющих в брошюре, и иллюстрации могут оскорбить чувства верующих и быть истолкованы в духе антисемитизма.

Но, как известно, такого вопроса в нашей стране нет и быть не может. 'Со дня Октябрьской революции — говорил Н. С. Хрущев — в нашей стране евреи во всех отношениях находятся в равном положении со всеми другими народами СССР. У нас не существует еврейского вопроса, а те, кто выдумывают его, поют с чужого голоса'».

Во всем этом сообщении отчетливо чувствуется стремление минимализировать значение опубликования явно антисемитской книги Кичко. Еще резче та же тенденция сказалась в опубликованной на следующий день небольшой статье «Известий». Уже самое заглавие ее показательное: «Об одной непонятной шумихе»:

«В последние дни в некоторых газетах западных стран необыкновенный урожай на антисоветские статьи... Оказывается, буржуазную прессу переполошила маленькая книжка, вышедшая недавно в одном из украинских издательств».

Что «маленькая книжка» (несколькими строками дальше это уже только «брошюра») «переполошила» отнюдь не только «буржуазную прессу», но и значительные коммунистические круги, «Известия» пытаются не заметить и уж, конечно, не скажут об этом своим читателям. Конечно, в «брошюре» Кичко есть и «недостатки». «Некоторые из недостатков, содержащихся в

брошюре, уже подвергнуты критике в газете 'Радянська Култура'. Но «сам по себе замысел его (Кичко) брошюры не может вызывать никаких сомнений» и автор сумел даже «использовать некоторые новые материалы». Словом, протесты «буржуазной прессы» это просто «шумиха» и притом «непонятная». Во всей статье даже и слова «антисемитизм» или «антисемитский» не встретить ни разу.

Запоздалый и нерешительный характер этой критики открыто антисемитской «брошюры» Кичко не располагает к оптимизму. Возмущение, вызванное на Западе этим наглядным проявлением антисемитизма, вынудило руководителей советской идеологической политики к отступлению, но в реакции их на эту книжку нет и следа действительного возмущения. Явный «перегиб», допущенный с опубликованием антисемитского памфлета, вызвал на время замешательство в рядах «борцов с иудаизмом» и антисемитский характер этой «идеологической» кампании сейчас несколько завуалирован. Надолго ли? «Пережитки прошлого» действительно еще сильны в стране — но не столько дореволюционного прошлого периода «проклятого царского самодержавия», сколько недавнего прошлого периода сталинского всевластия. И не столько в социальных низах, сколько в какой-то влиятельной части средних и верхних слоев советского общества. Возмущение прогрессивных элементов Запада заставляет их иногда маневрировать. К действительному отступлению может принудить их только рост пока еще слабых элементов возмущения и протеста в самой стране.

¹ *Walter Kolarz, "Religion in the Soviet Union", New York, St. Martin Press, 1961, p. 391.* Отчет о конференции вышел в виде книги «Наука и религия. Сборник стенограмм лекций, прочитанных на Всесоюзном совещании-семинаре по научно-атеистическим вопросам». Москва, 1957 г., 432 стр.

² Важнейшие книги и статьи этих четырех писателей за последние годы:

Беленький: «Что такое Талмуд». Изд. Академии Наук СССР, Москва, 1963 г., 143 стр. (Под ред. Беленького) «Критика иудейской религии». Сборник статей. Изд. А. Н. СССР, Москва, 1962 г., 436 стр.

Шахнович: «О происхождении и классовой сущности иудейской религии» в сборнике «Наука и религия» (см. прим. 1), стр. 352-370. «Реакционная сущность иудаизма. Краткий очерк происхождения и классовой сущности иудейской религии». Изд. А. Н. СССР, Москва-Ленинград, 1960 г., 243 стр. «Современная иудейская философия в капиталистических странах», «Научные доклады Высшей школы. Философские науки», 1959 г., № 4.

Маяцкий «Иудаизм, его сущность и происхождение». Кишинев, Госиздат Молдавии, 1958 г., 60 стр. «Правда о торе и Талмуде». Ки-

шинев, Госиздат, 1960 г., 71 стр. «Современный иудаизм и сионизм». Кишинев, Госиздат, 1964 г., 95 стр.

Кичко (по-украински): «Иудейская религия, ее происхождение и сущность». Изд. Укр. общества по распространению политических и научных знаний. Киев, 1957 г., 48 стр. «Чему учит иудейская мораль», «Войводничий атеист», декабрь 1962 г., «Иудаизм без прикрас». Изд. Академии Наук УССР, Киев, 1963 г., 192 стр.

³ В коммунистической печати Запада в это время еще высказывались сомнения, не просто ли это антисоветская фальшивка, имеющая целью скомпрометировать советское правительство. Парижская прокоммунистическая газета «Найе Прессе» писала 12-го марта: «Если эта книжка действительно была выпущена в Киеве» и т. д. Парижская «Юманите» еще даже 24-го марта писала: «Если это не подделка...»

⁴ В суммарном официальном отчете о заседании Комиссии в речи Недбайло просто нет упоминания о книге Кичко, но присутствовавший в этом заседании корреспондент «Моргн Фрайхайд» сообщил о попытке Недбайло возражать на обвинения против Кичко («Моргн Фрайхайд» от 22-го марта) и это было потом отмечено и в «Дшуиш Коррентс» (см. выше в тексте).

⁵ Многие из приведенных выше высказываний заимствованы из собрания статей и заявлений по поводу книги Кичко, напечатанного в трехмесячнике «Мидстрим» (июнь 1964 г.) в виде приложения к статье *Моше Дектора* «Советская книга, которая потрясла коммунистический мир». Но и здесь этот материал еще не исчерпан.

⁶ Стоит, может быть, отметить, как напечатано было в «Правде» сообщение о заседании Идеологической Комиссии: на 4-ой странице, между фотоснимком нескольких передовиков ташкентского завода сельскохозяйственного машиностроения и корреспонденцией «На хлопковых полях Туркмении».

Дрогнула система замалчивания гитлеровской политики истребления евреев

В «Социалистическом Вестнике» не раз отмечалось, как «правительство и партия» годами замалчивали гитлеровскую программу **«окончательного решения еврейского вопроса»** путем повального истребления евреев. И во время войны и в течение почти всего послевоенного периода — и при Сталине, и при Хрущеве — этой теме для советской печати просто не должно было существовать. Гитлер жестоко истреблял «советских людей»; массовое убийство «русских, украинцев, белорусов и других» — иногда в числе этих других упоминались и евреи — стало повседневным явлением во всех оккупированных наци областях. Но что по отношению к евреям — и только по отношению к ним, — Гитлер поставил себе специальную задачу полного уничтожения еврейского народа, полного геноцида в буквальном смысле слова, и что среди жертв гитлеровских зверств на огромной оккупированной части территории Советского Союза подавляющее большинство составляли евреи, — этого советским людям знать не полагалось.

Когда после начала освобождения советской территории от немецкой оккупации всюду в освобожденных областях были образованы комиссии по установлению и расследованию гитлеровских злодеяний (под руководством Чрезвычайной Государственной Комиссии в Москве) и позже был опубликован ряд обширных сообщений этих комиссий по областям и крупным городам (иногда по целым республикам) об итогах их работы, во многих из этих сообщений — и как раз для областей и городов со значительным еврейским населением (до войны) — слова еврей даже не упоминалось. Это может показаться невероятным. Ограничусь только одним примером. Комиссия по г. Киеву (в комиссию, кстати, и здесь, как везде — за одним исключением, — не было включено ни одного еврея) опубликовала обширное сообщение об итогах своего расследования («Правда» от 1-го марта 1944 года), но слова «еврей» в словаре авторов сообщения так и не оказалось, а о Бабьем Яре сказано было следующее:

«Гитлеровские бандиты сожгли 29 сентября 1941 года на углу улицы Мельника и Дегтеревской тысячи мирных советских

граждан. Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а потом расстреляли. Проживавшие вблизи Бабьего Яра П. Ф. Петренко и Н. Т. Горбачева рассказывали, как немцы бросали в овраг грудных детей и закапывали их живыми вместе с их убитыми и ранеными родителями. 'Было заметно, как слой земли шевелится от движения еще живых людей'».

После освобождения Бабий Яр стал каким-то заклятым местом, куда евреи приходили крадучись накануне Судного Дня для молитвы по покойникам, но куда «Интурист» не допускал приезжавших в Киев иностранцев. И когда в конце 1959 г. заговорили, наконец, о необходимости установления в Бабьем Яру хотя бы мемориальной доски памяти погибших, речь шла лишь о «замученных гитлеровцами советских гражданах», и «жертвах фашизма», о «советских людях» и никто не решился упомянуть о евреях (из этих разговоров так ничего и не вышло).

Этот заговор молчания был нарушен Евтушенко и его сразу ставшем знаменитым «Бабьим Яром», опубликованном в «Литературной Газете» от 19-го сентября 1961 года. Правда, поэма Евтушенко сейчас же встретила решительный протест на страницах органа Союза писателей РСФСР «Литература и Жизнь» со стороны поэта Алексея Маркова («Мой ответ»); и публициста Д. Старикова («Об одном стихотворении»); у обоих очень резко звучала нота примитивного и реакционного русского национализма. Но это не помешало тому, что поэма Евтушенко сразу приобрела чрезвычайно широкую популярность, особенно среди студенческой молодежи. Впоследствии (в своей «Автобиографии» в феврале 1963 года) Евтушенко сообщил, что в связи с опубликованием «Бабьего Яра» он получил около тридцати тысяч писем, из них только тридцать (одно на тысячу!) от антисемитов.

Трудно представить себе, чтобы опубликование «Бабьего Яра» в «Литературной Газете» было возможно без ведома Хрущева (если не прямого одобрения, то по крайней мере полусогласия: «не возражаю, попробуйте»). Но во влиятельных кругах партии оно, очевидно, обострило отношения, и когда зимой 1962/63 года начался новый регрессивный поворот в литературной политике, Хрущев решил ударить и по «Бабьему Яру». В своей большой речи на происходившем 7-8-го марта 1963 года совещании руководителей партии и правительства с большой группой творческой интеллигенции Хрущев неожиданно заговорил о еврейском вопросе: «В Центральный Комитет поступают письма, в которых выражается беспокойство по поводу того, что в иных произведениях в извращенном виде изображается положение евреев в нашей стране». Из дальнейшего выяснилось, что «иные произведения», вызывающие «беспокойство» в каких-то оставшихся анонимными кругах, это прежде всего «Бабий Яр»: «В стихотворении дело изображено так, что жерт-

вами фашистских злодеяний было только еврейское население, в то время как от рук гитлеровских палачей там погибло немало русских, украинских и советских людей других национальностей». — Но «там», т. е. в Бабьем Яре, погибли только евреи, и Хрущев не мог этого не знать. Но и еще хуже: «Ведь широко знают, что стихотворение товарища Евтушенко критиковали коммунисты. Как можно забывать об этом и не делать для себя выводов?». Здесь Хрущев уже прямо солидаризируется с критикой Маркова и Старикова (кроме них, насколько известно, никто до того **публично** с критикой «Бабьего Яра» не выступал). После этого выступления Хрущева старый фронт оказался восстановленным: показ подлинной гитлеровской политики в оккупированных областях в ее анти-еврейской заостренности опять оказался под запретом.

В последние месяцы как будто происходит какой-то сдвиг. В декабрьской книжке «Нового Мира» напечатан небольшой роман Анатолия Рыбакова «Лето в Сосняках». В нем приводится поразительное по своей реалистичности описание истребления евреев в Гомеле, не всего истребления, а его самого драматического эпизода, своеобразного гомельского Бабьего Яра. Рассказ этот никак не связан с темой романа. Дело происходит в наши дни, беседуют двое друзей, бывшие фронтовики, и беседуют они не о прошлом, а о сегодняшнем дне. Изложение прерывается неожиданной вставкой, не находящейся ни в какой связи с тканью романа, но тем более потрясающей:

Когда дивизия, в которой служили Миронов и Чернин, наступала на Гомель, они оба, Миронов и Чернин, остановились у противотанкового рва, где были закопаны расстрелянные немцами евреи и среди них жена, мать и двое детей Чернина. Невысокий бугор извивался по полю, упираясь одним концом в лес, другим в берег реки. Длина его была двести сорок четыре метра — ровно столько, сколько нужно, чтобы закопать одну тысячу восемьсот семьдесят два человека, уложенных один на другого в шесть рядов. На дно лег первый ряд людей — их расстреляли из автоматов. На первый ряд лег второй, их тоже расстреляли из автоматов. Потом расстреляли из автоматов третий ряд. После третьего — четвертый, после четвертого — пятый. Так расстреляли шесть рядов по триста двенадцать человек в каждом. Ровно одна тысяча восемьсот семьдесят два человека, полученных под расписку начальником зондеркоманды от коменданта гетто.

Дожидаюсь своей очереди лечь в ров, люди сидели на корточках. Женщины кормили детей, старики молились — согласно инструкции это не запрещалось. Запрещалось кричать и нарушать порядок. И еще немцы следили, чтобы люди ложились во рву плотно, иначе не хватит места, придется копать новую яму, и это нарушит график операции.

Не всех убивали наповал, люди шевелились, дергались, пы-

тались подняться. И чем плотнее ложился верхний ряд на нижний, тем меньше люди шевелились, ворочались, дергались. И, как это было указано в инструкции, два верхних ряда были расстреляны особенно тщательно, добиты из пистолетов и поэтому плотно и тяжело придавили нижних».

Рассказ этот включен в текст романа искусно и не нарушает его стройности, но всё же производит впечатление вставки, точно описание этого страшного гомельского эпизода имело у автора независимо от его работы над романом и, может быть, было включено в текст уже принятой редакцией рукописи.

Одна ласточка весны не делает. И если бы этот случай стоял совершенно изолированно, его хоть и стоило бы зарегистрировать, никаких выводов из него делать нельзя было бы. Но вот через два месяца произошел второй не столь значительный, но всё же аналогичный случай.

В февральской книжке журнала «Звезда» за текущий год напечатана первая часть дневника Маши Рольник (Марии Рольникайте) «Я должна рассказать». Написан «Дневник» в явное подражание «Дневнику Анны Франк». К последнему в Советском Союзе всегда было настороженное отношение. «Дневник Анны Франк» вышел по-голландски в 1947 году, в ближайшие годы вышел большими тиражами в Германии, Англии, Соединенных Штатах, Франции, до конца пятидесятых годов появился на 22 языках в 20 странах, но не в Советском Союзе. Только в 1960 году «Дневник» был выпущен по-русски Издательством иностранной литературы, но как-то загадочно: в «Ежегоднике книги СССР» за 1960 год не показано даже — вопреки тому, что делается всегда, — каким тиражом была выпущена книга, и по крайней мере за границей ее, кажется, никто не видел.¹ За истекшие годы за границей «Дневник» был переработан в пьесу и в фильм и оба имели очень большой успех и появились на сцене и на экране в большом числе стран. И опять не по-русски в Советском Союзе, где, правда, Латвийский Государственный Театр поставил в 1963 году пьесу по-латышски. И когда весной 1963 года в Советский Союз приехал, в порядке культурного обмена, известный итальянский Театр Молодых, театр получил разрешение только два раза поставить «Дневник», хотя все прочие привезенные итальянцами пьесы ставились по пять раз.

«Дневник» Маши Рольник подан, как дневник еврейской девочки в Вильне, которой в первый месяц советско-германской войны минуло четырнадцать лет. Она очень скоро попала в виленское гетто, позже в концентрационный лагерь и каким-то чудом уцелела, пока через три с лишним года с приходом со-

¹ В 1962 году «Дневник» вышел в Советском Союзе по-армянски (15 тысяч экземпляров) и по-казахски (7 тысяч), в 1963 году по-латышски (30.000).

ветских войск не очутилась на свободе. Формально ее книга несомненно не дневник, а лишь очень неискusstная имитация дневника.² Это книга, написанная взрослой женщиной о пережитом ею почти двадцать лет назад (книга вышла по-литовски в Вильнюсе в феврале 1964 года). Но страшная действительность тех лет показана здесь реалистически и правдиво. Это подлинный рассказ о беспримерном еврейском бедствии. И то, что рассказ этот появился теперь на страницах советского журнала, при всех формальных недостатках этой работы, сохраняет свое общественное значение.

² Воспоминания Марии Рольникайте напечатаны в «Звезде» с предисловием, подписанным Эдуардас Межелайтис. О том, как девочка Маша писала свой дневник, автор сообщает: «Сначала она писала в тетради. Потом тетрадней не стало. Гетто было разрушено. Девочку увезли на каторжные работы в концентрационный лагерь. Она продолжала свои записи на обрывках мешков из-под цемента. Когда и их не стало, она вела свои 'записи' мысленно. Смертельный туман заволакивал глаза, а Маша, лежа на нарах, всё еще в воображении конструировала фразы, шлифовала каждое выражение». — Неловко даже читать этот выспренный вздор.

Но и в самом описании событий Марией Рольникайте есть явно нездоровые наслоения. Приведу только один пример. Машина семья еще у себя дома, ждет с часу на час, что придут гитлеровцы, сделают обыск и арестуют. Надо спрятать или уничтожить всё, что может быть уликой против них (отец Маши адвокат, выступавший защитником на процессах коммунистов, и член МОПР'а). Маша — пионерка. В дневнике запись:

«...Пионерский галстук надо куда-то деть. Может вымазать в саже? Ни за что! Мне его в школе так торжественно подвязали, я дала клятву, и вдруг — в саже! Нет! Нет! Договорились (с мамой) вшить его в папин пиджак...

Папин мопровский значок мама спрятала на чердаке. Нам (Маше с сестрой) велела просмотреть все папины дела. Там есть дела его подзащитных коммунистов. Если эти папки найдут, нас расстреляют.

Между тем эти дела очень разные, иные даже интереснее книг. Такие откладываю в сторону, тщательно прячу — прочту еще раз».

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

ГЕОРГИЙ СТУКОВ

Поэт-«тунеядец» — Иосиф Бродский¹

Судья Савельева: Где вы работали?

Бродский: На производстве, в геологических экспедициях...

Судья: Как долго вы работали на производстве?

Бродский: Год.

Судья: В каком качестве?

Бродский: Как фрезеровщик.

Судья: А какая вообще ваша профессия?

Бродский: Поэт. Поэт-переводчик.

Судья: А кто установил, что вы поэт? Кто вас зачислил в ряды поэтов.

Бродский: Никто. А кто зачислил меня в ряды людей?

Судья: А вы учились этому?

Бродский: Чему?

Судья: Быть поэтом. Вы не пробовали посещать университет, где дают образование... где учат...

Бродский: Я не думал... Я не думал, что этого можно достичь образованием.

Судья: А чем же?

Бродский: Я думаю, что это... от Бога...

Этот примечательный диалог произошел в заседании районного суда в Ленинграде 18 февраля 1964 г. между судьей, тов. Савельевой, и обвиняемым, молодым поэтом Иосифом Бродским.

Бродский обвинялся в «тунеядстве», и притом не столько даже в нежелании работать, сколько в неумении... достаточно зарабатывать и тем самым невыполнении «важнейшей конституционной обязанности честно трудиться на благо Родины и

¹ Это — в несколько сокращенном виде — вводная статья к только что вышедшей в свет книге *Иосифа Бродского «Стихотворения и поэмы»*, изд. Inter-Language Literary Association, Вашингтон, 1965 г.

обеспечение личного благосостояния» — так буквально говорилось в приговоре суда по делу Бродского.²

Дело Бродского возникло в результате статьи, напечатанной в газете «Вечерний Ленинград» от 29 ноября 1963 г. под заглавием «Окололитературный трутень». Статья была подписана тремя фамилиями: Лернер, Медведев и Ионин. Но главным застрельщиком в деле Бродского оказался первый из выше-названных. Бывший капитан госбезопасности, он по увольнении стал активно работать в «народной дружине». Против Бродского им был выдвинут ряд клеветнических обвинений. Согласно уже упомянутой «справке», в статье Лернера и Ко. Бродскому «приписывались стихи, которых он никогда не писал (о чем тогда же заявил... настоящий автор приведенных в фельетоне строк), две цитаты из собственных стихов Бродского были искажены до неузнаваемости... даже возраст его был увеличен на три года»; он изображался распущенным, циничным тунеядцем, тогда как в действительности он «в отличие от многих своих сверстников, не пьет, не курит, не терпит сквернословия, очень умерен в быту и целиком поглощен своими литературными занятиями». В справке указывалось, что статья Лернера и Ко. вызвала возмущение у всех знавших Бродского. В редакцию газеты посыпались письма в защиту Бродского. Но Лернер не только запугивал авторов писем, донося на них, как на защитников «политического преступника», но и во-первых, сумел убедить в своей полезности некоторых работников Дзержинского райкома партии и сотрудников Ленинградского

² В «большой» советской печати, насколько нам известно, ни о суде над Бродским, ни о приговоре по его делу ничего не было напечатано. Заметки об этом появились только в газетах «Вечерний Ленинград» и «Смена» (см. об этом ниже). Цитируемая нами фраза заимствована из «справки» по делу Бродского, составленной группой ленинградских литераторов в защиту его и направленной ими в ЦК КПСС и в правление Союза Советских Писателей. Справка эта была напечатана в газете «Русская Мысль» (Париж) от 5 мая 1964 г. Отчет о деле Бродского, составленный Ф. Вигдоровой, известной как педагог и писательница для детей, и основанный на записях, сделанных в заседании суда и проверенных некоторыми другими из присутствовавших, проник позднее на Запад и был впервые напечатан в немецкой еженедельной газете «Ди Цейт» в №№ от 26 июня и 3 июля. В несколько сокращенной версии и в явном переводе с немецкого он был воспроизведен по-русски в той же «Русской Мысли» (в №№ от 11 и 13 августа). Несколько более полная версия того же отчета появилась в американском еженедельном журнале «Нью Лидер» в № от 31 августа (возможно, что эта версия восходит к другому русскому оригиналу). Приведенный нами в начале диалог между судьей и Бродским основан на сличении немецкого и английского текстов; подлинный русский текст не был нам доступен.

КГБ, а во-вторых, внушить секретарю Ленинградского отделения Союза Советских Писателей, известному поэту Александру Прокофьеву, мысль о необходимости добиться выселения Бродского из Ленинграда. В справке рассказывалось, что 13 декабря 1963 г. Лернер доложил свои заключения о Бродском в заседании секретариата и партбюро Ленинградского отделения Союза Писателей. На этом заседании, на которое не был приглашен ни один писатель из лично знавших Бродского или знакомых с его литературной работой, было принято решение о предании Бродского суду как тунеядца. Пособником Лернера в этом деле стал секретарь комиссии по работе с молодыми Е. Воеводин. Он составил лживую справку, якобы исходившую от комиссии, хотя даже председатель последней, Д. Гранин, не был о ней осведомлен. В этой справке Воеводин осыпал Бродского грубой бранью, утверждая, что он «не имеет никакого отношения к литературе», пишет «антисоветские и порнографические стишки» и т. п.

13 февраля 1964 г. Бродский, незадолго до того вернувшийся из Москвы, где он находился на излечении в лечебнице им. Кашенко (он с детства страдает хроническим нервным заболеванием, которое обострилось под влиянием начатой Лернером травли), был арестован на улице в Ленинграде, как «тунеядец, уклоняющийся от суда», хотя никакого вызова в суд он до этого не получал.

Первое слушание дела состоялось 18 февраля. После короткого допроса самого Бродского (часть которого приведена нами выше) дальнейшее слушание было отложено по просьбе защитника (З. Н. Топоровой), ходатайствовавшего о том, чтобы Бродский был подвергнут врачебному осмотру на предмет выяснения, не препятствует ли состояние его здоровья постоянной работе. Суд постановил послать Бродского на судебно-психиатрическое исследование. В просьбе защитника об освобождении Бродского из заключения впредь до возобновления слушания дела было отказано.

В результате медицинского освидетельствования было признано, что, несмотря на наличие некоторых признаков неуравновешенности, Бродский трудоспособен и поэтому нет препятствий к применению к нему мер наказания, предусмотряемых указом 4 мая 1961 г. о тунеядцах. В заседании суда 13 марта выступило несколько свидетелей как обвинения, так и защиты. Свидетели обвинения говорили о «совращении» Бродским молодежи, о его «антисоветских» и «порнографических» стихах. Свидетелями защиты выступали писатели, лично знавшие Бродского по работе с молодыми при Союзе Советских Писателей, напр., Н. Грудинина, а также ученые-литературоведы, знакомые с работой Бродского как переводчика. В их числе были преподаватели Института имени Герцена Е. Г. Эткинд, автор труда о французской стилистике и книги «Перевод и по-

эзия», и проф. В. Адмони, автор большой работы об Ибсене. Оба они с большой похвалой отзывались о переводах Бродского. В ответах писателей и ученых было подчеркнуто, что, хотя Бродский оставил школу в 15 лет, он самостоятельно изучил языки польский и английский, а также переводил с других языков (например, сербского и испанского), пользуясь подстрочными переводами (ссылка на подстрочные переводы вызвала насмешливые замечания и вопросы одного из заседателей суда). К делу были приобщены телеграммы таких специалистов по переводу как К. И. Чуковский и скончавшийся с тех пор С. И. Маршак, которые пристально следили за литературной работой Бродского и высоко ценили его переводы, и телеграмма Д. И. Шостаковича, но ни одна из этих телеграмм не была оглашена на суде. Заграницей стало также известно о высоком мнении о Бродском, как поэте, А. А. Ахматовой.

Как указывается в писательской справке по делу Бродского, общественный обвинитель (прокурор) Ф. Сорокин «построил свою речь частью на цитатах из давних ребяческих дневников Бродского, не объяснив ни того, как они стали ему известны, ни почему какие бы то ни было цитаты из старых дневников могут подтвердить обвинение в «тунеядстве». При этом Сорокин грубо оскорблял не только обвиняемого, но и всех тех, кто выступал в его защиту, называя всех заступников Бродского «подонками», «навозными жуками», «мокрицами» и т. п. В писательской справке отмечается, что «так как аудитория этого **показательного** суда воспринимала только явные, а не скрытые мотивы судебного разбирательства, то суд над Бродским был воспринят, как осуждение литературной профессии вообще». Когда слушание закончилось, в зале суда слышались среди публики такие возгласы как «Все писатели — тунеядцы!», «Всех бы их вон из Ленинграда!» и т. п. Односторонность обвинительной речи прокурора, недопустимость его выпадов против и самого обвиняемого и свидетелей защиты, привлечение не имеющего отношения к делу материала — все это было отмечено в речи защитника.³ Тем не менее суд не только признал Бродского виновным в «тунеядстве» и приговорил его к пяти годам принудительных работ, но и выразил в «частном определении» политическое порицание свидетелям защиты, в результате чего А. Прокофьев «начал официальную

³ В записи судебного разбирательства отсутствует подробное изложение речи защитника, так как к этому времени судьей было запрещено Ф. Вигдоровой продолжать вести свою запись. Краткое резюме речи защитника дано, однако, в наиболее пространным отчете о процессе, появившемся на Западе — в нью-йоркском журнале «Нью Лидер». В вопросах судьбы свидетелям Эткинду и Адмони по поводу их имен и фамилий прозвучали явные антисемитские нотки, но было ли это отмечено защитником, мы не знаем.

‘проработку’ тт. Адмони, Грудининой, Эткинда, причем пытался использовать фальсифицированные записи их выступлений».

После процесса в газетах «Вечерний Ленинград» (14 марта) и «Смена» (15 марта) появились сообщения, в которых грубо поносились и свидетели защиты, и адвокат — факт (как говорится в справке) «едва ли не беспрецедентный в истории нашей печати; даже в 1937-38 гг. не шельмовали адвокатов, защищавших ‘врагов народа’».

Бродского после суда содержали под стражей в милиции, а затем в Крестах до 22 марта, после чего он был сослан в Архангельскую область (Коношский район), где его назначили возить навоз в местном совхозе.

Вскоре после опубликования в немецкой газете отчета о процессе Бродского из Москвы было получено в частном порядке известие о том, что Бродский освобожден. Известие это было напечатано в некоторых западных органах печати. Но довольно скоро известие это было изобличено как ложное. По некоторым сведениям, Бродскому разрешено было на короткое время вернуться в Ленинград — не то для свидания с родителями, не то для нового врачебного осмотра. Видимо, на этом основании распространился (или был сознательно распространен) слух об его освобождении. В начале октября известие об освобождении Бродского вновь обошло всю западную печать (очевидно, на основании официальной информации, полученной иностранными корреспондентами в Москве). В последних числах ноября стало известно, что и это сообщение было лишено основания; возможно, что оно было результатом нарочитой дезинформации. В тот момент, когда пишутся эти строки, «тунейдец» или «литературный трутень» Бродский все еще находится в Архангельской ссылке, даже если он больше и не возит навоз и — по некоторым полученным сведениям — живет в более благоприятных внешних условиях.

* * *

Мы мало знаем об Иосифе Бродском. Он еще совсем молод: родился в 1940 году. Еврей. Жил в семье (на суде выяснилось, что свои заработки — и литературные, и другие — он отдавал семье). Бросил учиться в школе в 15 лет. Принадлежал к секции переводчиков Ленинградского отделения Союза Советских Писателей. Еще в 1958 г. хотел работать в группе молодых, которой руководила Н. Грудина. Она тогда не приняла его, потому что слышала, что он «истерический парень». На суде она заявила: «Это было ошибкой, и я очень о ней сожалею. Теперь я охотно приму его в свою группу и буду работать с ним, если он хочет». Та же Грудина сказала, что она считает Бродского, как поэта, очень талантливым, а как переводчика ставит его на голову выше многих профессио-

нальных переводчиков. Такого же высокого мнения о Бродском, как о переводчике, Е. Г. Эткинд, в семинаре которого работал Бродский. В 1963 г. Бродский дал ряд переводов для сборника «Заря над Кубой», для антологии югославских поэтов, переводил стихи К. Галчинского, стихи испанских, английских и польских поэтов. О собственных стихах Бродского защитники его не говорили. Нам неизвестно, появлялись ли его оригинальные стихи в советской печати. На суде упоминались стихи его в «Костре» (журнал?) — может быть, в данном случае шла речь именно об оригинальных стихах. Несколько стихотворений Бродского появилось в третьем выпуске **подпольного** гектографированного журнала «Синтаксис», выходившего в Москве в 1958-1960 гг. Проникли стихи Бродского и за границу, и кой-какие из них были напечатаны в газетах «Русская Мысль» и «Новое Русское Слово» и в журнале «Грани».

Печатаемые нами в настоящем томе стихотворения в большинстве во всяком случае написаны не позже 1962 г., т. е. когда Бродскому было не больше 22 лет. Эти стихи заимствованы нами из машинописи в 80 страниц большого формата, с пометой на заглавной странице «Ленинград 1962».⁴ С другой стороны, в наше издание включены более крупные вещи, не входившие в машинописный сборник, а именно «Большая элегия», «Исаак и Авраам» и «Шествие».

Бродский не похож на других известных нам молодых советских поэтов — ни на тех, которые открыто печатаются **там**, ни на тех, произведения которых ходят по рукам и проникают за границу. В стихах Бродского нет ничего ни от «эстрадности» и молодого задора и наскока Евтушенко, ни от нарочитых формальных поисков и «изысков» Вознесенского, как нет в них и ярко выраженной «антисоветскости», что бы ни говорили об этом прокурор Сорокин, заседатель Тяглый и свидетели обвинения. В огромном большинстве стихотворений и поэмы Иосифа Бродского читатель не может не заметить и их «аполитичности», и их известной «старомодности». Но старомодность эта кажущаяся. Бродский не гоняется ни за корневыми рифмами, которыми щеголяют и злоупотребляют Евтушенко и его последователи (хотя он и употребляет нередко рифмы очень неточные, а иногда и корневые), ни за сносшибательными ритмическими новшествами à la Вознесенский. (Правда, мы находим зато у Бродского весьма неортодоксальные сонеты без рифм). Стихи Бродского могут показаться медлительно-тягучими. Но в этой медлительности и тягучести, сочетаемой с некоторыми оригинальными приемами (например, очень своеоб-

⁴ Два из вошедших в машинописный сборник стихотворений («Еврейское кладбище...» и «Мимо ристалищ, капищ...») написаны не позже 1960 г., так как они вошли в помеченный этим годом выпуск «Синтаксиса».

разными и разнообразными формами повторов) оригинальность Бродского, то «необщее выражение» лица его музыки, о котором писал Баратынский. Вместе с тем удаются ему часто и стихи совсем другого рода — в традиционных размерах, в романтическом духе, с большой напевностью.

Поэтическую генеалогию Бродского нелегко установить. Он мало на кого похож. Иногда, может быть, проскальзывают нотки, напоминающие позднего Мандельштама или Заболоцкого, но он и не их ученик. Скажем прямо: он — ничей ученик, и для молодого поэта этим уже многое сказано. В некоторых его вещах чувствуется, пожалуй, влияние Библии. Предсказывать, что выйдет из него дальше — особенно в советских условиях, уже отразившихся неблагоприятно на таких поэтах как Евтушенко и Вознесенский, — нельзя. Но уже сейчас, в стихах, написанных в возрасте 21-23 лет, в нем виден незаурядный и в некоторых отношениях неожиданно зрелый поэт. Есть, конечно, и у него срывы, вещи более слабые, но о них не хочется сейчас говорить. От таких поэтов, как Евтушенко и Вознесенский, очень уж часто скользящих по поверхности и к тому же, в силу своей погони за успехом и популярностью, вынужденных всё время приспосабливаться, Бродского отличает и наличие в его стихах внутренней значительности, глубокого подводного течения. В его поэзии налицо сильная религиозная струя. Недаром в советском суде он посмел сказать, что поэзия и призвание поэта — «от Бога». Эта внутренняя значительность особенно чувствуется в его «поэмах», в вещах, в которых заметно *longue haleine* (длинное дыхание).

В стихах Бродского поражает и почти полное отсутствие обычной советской тематики — будь то с положительным или с отрицательным знаком. «Несозвучность» их — в другой плоскости. И несомненна его связь и с общеевропейским и русским символизмом, и с сюрреализмом, отчасти, может быть, через Заболоцкого.

Все, кому дорога русская поэзия, будут надеяться на освобождение талантливого молодого поэта, столь жестоко и несправедливо заклеенного кличкой тунейдца. Будем вместе с тем надеяться, что, обретя физическую свободу, Бродский сумеет сохранить за собой и в себе и ту тайную творческую свободу, которую воспел Пушкин, а вслед за ним Александр Блок.

Быт «большой чистки»

Тема о концлагерях и о годах предвоенного террора прочно вошла в советскую литературу (К теме о послевоенном терроре еще до сих пор подходят с опаской). Тема эта в редких случаях трактуется, как основная тема, которой посвящено литературное произведение. Обычно она как бы врывается в рассказ о более поздних событиях, как тяжелое воспоминание, гнетом лежащее на душе писателя и ищущее себе выхода. («Один день Ивана Денисовича» в этом отношении исключение, но это повесть как раз о послевоенных годах). Михайло Михайлов, молодой югославский профессор русской литературы в своем нашумевшем очерке «Московское лето 1964 года» передает, что Леонов сказал ему: тема о концлагерях и о терроре тридцатых-сороковых годов будет широко привлекать к себе внимание писателей еще лет восемь-десять. Видимо, до тех пор, пока не освободятся от гнета своих воспоминаний (пока не успеют отреагировать их) писатели, которые были детьми или подростками в эти черные годы, оставившие у них душевную травму.

О черных годах сейчас пишут много. Что ново и заслуживает внимания — это изображение **быта чистки**. Возможно, что кое-что при этом сгущено, но в основном тягостные картины, которые встают перед глазами читателей, несомненно отвечают действительности; выдумывать и сознательно сгущать краски и сейчас небезопасно, и едва или кто-либо на это решится.

В романе **Аркадия Васильева** «Вопросов больше нет» («Москва», июнь 1964 г.) показан посвященный чистке пленум обкома в 1937 года, как он встает в памяти с тех пор долго преуспевавшего партийного бюрократа. Карьеру он сделал после 1937 г., а в 1937 году, — ему было тогда 32 года, — он работал главным инженером на небольшой ткацкой фабрике. За хорошую работу фабрики его выбрали в обком, но фабрика находилась вне города и о партийных делах он знал немного. Однажды его вызвали на пленум обкома. Когда он приехал, его еще до открытия пленума поразило, что среди собравшихся царит какая-то угнетенность, все больше молчат, жмутся к стенке. Заседание пленума сразу приняло тревожный характер:

«Первым на сцену вышел человек с бородой. Я до этого видел его только на портретах. Он тогда в большой силе был — и нарком, и секретарь Центрального Комитета, один чуть ли не в семи лицах. В зале тишина. Нарком нахмурился, видно, не понравилось, как его встретили, привык к триумфу. Кто-то догадливый спохватился, захлопал. Поддержали, и всё пошло, как надо.

Нарком сел с краю, возле трибуны. Первый секретарь приглашал его в середину рядом с собой — не пошел...

По поводу агитационно-пропагандистской работы на селе доклад делать полагалось бы секретарю по пропаганде, а на трибуну выпустили заведующего областным земельным управлением Костюкова. Он говорить был мастак. Особенно о планах, гектарах, вывозе удобрений. А тут он губами двигает, а его не слышно. Кто-то посмелее из зала крикнул:

— Громче!

Костюков поднял глаза от тезисов, и мне жутко стало — такие они были стеклянные, как у мертвеца...

Костюков собрался с силами, и мы услышали:

— Два дня назад мы с председателем облисполкома товарищем Казаковым посетили колхоз имени Буденного...

Нарком избоченился весь и странно как-то, не то с удивлением, не то с насмешкой спросил докладчика:

— С кем? С кем вы посетили колхоз?

— С товарищем Казаковым...

Тут только я обратил внимание, что Казакова в президиуме нет. «Как же так? — думаю. — Он ведь член бюро?!»

Нарком всё тем же непонятным тоном продолжает:

— Следовательно, я вас так понимаю, вы считаете Казакова товарищем? Отвечайте!

Костюков побелел и залепетал...

Нарком посмотрел на наручные часы, потом за кулисы глянул, и к нему тотчас же подскочил какой-то человек, не из наших. Нарком выслушал секундный доклад и объявил...

— Не понимаю, как вы можете себя так вести. Отказываюсь понимать... — Снова на часы глянул и добавил: — Враг народа Казаков арестован двадцать минут тому назад...

И случилось, если по нынешним временам измерять, совершенно невероятное: кто-то из сидящих в президиуме зааплодировал. Сначала робко подхватили, затем энергичнее. Чей-то бас крикнул:

— Нашему славному НКВД — ура!

И я кричал «ура». Сейчас что угодно можно говорить и думать о том периоде. Не знаю, как другие, но я кричал от всей души, искренне, верил, что Казаков действительно враг народа. После пленума с мыслями собрался, кое-что в хозяйстве области проанализировал и еще больше поверил — враг. Так настроен был, так мои душевные струны были подтянуты, что другие слова — «ошибка», «недосмотр», «неправильный расчет», «просто халатность» — на ум и не приходили, а только одно: «вражеская деятельность».

Костюков совсем раскис и, проямлив еще несколько слов, сошел с трибуны, под стук собственных каблуков. Больше его никто не видел — ушел за кулисы навсегда.

Нарком снова на часы посмотрел и всё тем же своим непонятным тоном обратился к секретарю по пропаганде:

— Может быть неудачного докладчика дополнишь?

Секретарь вышел на трибуну белый-белый, откашлялся для порядка и сравнительно бойко начал:

— Состояние агитационно-пропагандистской работы на селе не может не вызывать у нас законной тревоги... Как уже сообщил предыдущий оратор, уборку мы должны провести в более сжатые сроки... Правда, товарищ Костюков не отметил...

При этих словах нарком опять избочился и ехидно спросил:

— Костюков вам товарищ? Странно, очень странно... — Снова взгляд на часы и — как обухом по голове:

— Пособник врага народа Казакова последыш Костюков арестован пять минут тому назад...

Всё бюро обкома, весь президиум облисполкома минут за сорок подмели под метелку.

Нарком, о котором тут идет речь, это Ежов. Он еще не назван. Но случается уже, что его и прямо называют. В романе **Владимира Тендрякова** «Свидание с Нефертити» («Москва», декабрь 1964 г.) студент художественной школы Федор Матёрин в бессонную ночь, в период борьбы с «космополитами», вспоминает «давний случай»:

«В седьмом классе за одной партией с Федором сидел Игорь Гольцев. Отец его был секретарем райкома партии — большое начальство, ездил в газике, единственной в районе легковой машине... Однажды утром слух — арестован, а на другой день в полдень в школе — собрание. Сама директриса выступала: «Мы должны показать, что общественность нашей школы категорически осуждает презренного врага народа Гольцева. Мы будем требовать высшей меры наказания!» Раз враг народа — какой разговор... Федор вместе со всеми поднял руку. Игорь сидел рядом, через человека — поднял руку и он. И его еще заставили выступить; вытащили на трибуну, стоял, смотрел в пол, зеленый под глазами тени, пробубнил что-то про себя. А со всех сторон кричали: «Громче! Не слышно!» И наконец набрался сил, сказал, чтоб все слышали: «Отрекаюсь». А потом Федор нашел его в школьном сарае: забился за дрова, плакал. Стало жаль, пробовал успокоить: «Ты за сволочь эту, за отца, не ответчик...»

Игорь бросил школу, поступил слесарем в железнодорожную мастерскую, ходил в промасленном ватнике, в полувоенном отцовском картузе, и на него показывали пальцами:

— Эвон, был князь да попал в грязь.

А Игорь стал рано пить и однажды пьяным раскричался:

— Ежов-то — падло! Его самого запрятали! Отец мой безвишен! Он в гражданку полком командовал!»

Тут всё страшно. И полицейское усердие директрисы школы, и принуждение подростка «отречься» от собственного отца и требовать его расстрела, и продиктованная дружбой попытка его товарища утешить несчастного аргументом, что он «за эту сволочь, за отца» не отвечает. Это был жестокий быт.

И по всей стране, во всех учреждениях, предприятиях, воинских частях, учебных заведениях происходили собрания, где разоблачали, клеймили, затапывали в грязь, уничтожали, а иногда, — и это было особенно страшно, — состязались в доносительстве. В романе Григория Бакланова «Июль 1941 года» («Знамя», январь-февраль 1965 г.) начальник корпуса Щербатов, после полустолкновения с начальником особого отдела корпуса Шалаевым на заседании военного совета корпуса (на фронте), вспоминает 1937 год:

«Тогда собрания шли часто, и бывало так, что на одном собрании человек выступал с разоблачениями, а уже на следующем про него говорили: «Как мы оказались настолько политически близорукими, что смогли проглядеть врага, продолжительное время безнаказанно орудовавшего среди нас?» И вот на таком собрании капитан, один из его командиров рот, тихий, бесцветный человек, вдруг попросил слова. И пока он шел по проходу, очень спокойный, обдерживая на себе гимнастерку, все что-то почувствовали. Закрытый по грудь трибуной — только плечи и голова его поднимались над ней, — он прокашлялся в кулак, показав свою плешивую макушку.

— Товарищи!

И с этим словом, положив обе руки на трибуну, он прочно утвердился на ней.

— Политический момент, который переживает сейчас наша страна, титаническая борьба, которую ведет наша партия под руководством верного продолжателя дела Ленина, гениального вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина (он первый заплодировал, высоко подымая руки над трибуной, как бы показывая их, и в зале и в президиуме заплодировали, многие с восторгом), эта борьба, товарищи, требует от каждого из нас не только бдительности, но и партийной принципиальности.

Он говорил глуховато, званием он был младше многих, но с тем, что он говорил на этой трибуне, он как бы поднялся над всеми. И каждый вслушивался, чувствуя, что сейчас должно что-то произойти.

— Давайте спросим себя, как коммунист коммуниста, спросим положе руку на сердце: «Всегда ли мы искренни перед партией? Всегда ли мы оказываемся способны стать выше личных, приятельских отношений?»

И, положе руку на сердце, выслушав себя с закрытыми глазами, капитан отрицательно покачал головой:

— Нет, товарищи! Вот среди нас сидит полковник... Вон там в углу сидит полковник Масенко.

И весь зал обернулся туда, куда указал палец с трибуны, и каждый, кто знал Масенко и кто не знал его в лицо, сразу увидел его: белый, пригвожденный, сидел он, чем-то незримым сразу отделившись от всех.

— А ведь вы неискренни перед партией, товарищ Масенко! Я бы на вашем месте вышел сюда, — в тишине раздался четкий стук

косяшек пальцев по доске трибуны, — и рассказал присутствующим коммунистам... В двадцать седьмом году, помните, вы присутствовали на собрании троцкистов? Зачем скрывать от нас такой факт своей биографии?..

А по проходу уже шел, почти бежал пожилой полковник Масенко, рукой тянулся к президиуму, делал негодующие, отрицательные жесты. После смертной бледности кровь кинулась ему в лицо, его прошиб пот, он шел, утираясь, задыхающийся, всем своим видом подтверждая только что прозвучавшее обвинение; перед ним отводили глаза.

— Я скажу... скажу!.. — кричал он еще снизу. Споткнувшись от поспешности на ступеньках, едва не упав, он взобрался на трибуну, где еще стоял капитан: — Я скажу-у!

Но в зале нарастал шум. То, что чувствовал каждый сейчас, Щербатов чувствовал в себе. Подумать, Масенко!.. Приятный, скромный человек с боевой биографией. Троцкист!.. Вот уж невозможно было предположить. День, час назад спросили бы Щербатова, и он поручился бы за него. Ай-я-яй!..

— А Масенко на трибуне непримиримо, угрожающе тряс щеками, и постепенно из общего шума пораженных тем, что перед ними открылось, людей стал всё-таки слышен его голос:

— Я был. Да. Я был послан... Я по заданию партии... А вы, голубчик?.. Вы как же? Вы почему меня видели там? Как вы там были? И я еще скажу. Я сам хотел сказать... выйти. Я назову.

Щурясь с яркого света сцены в зал слепыми от волнения глазами, он кого-то искал и не мог разглядеть.

— Я назову...

Зал постепенно начал затихать.

— Вот... вот, пожалуйста... Капитан Городецкий был тогда... посещал. И полковник Фомин.

Тишина была полной. И над этой тишиной, над головами всё выше подымался трясущийся палец Масенко. Слепо щурясь, он выбирал кого-то еще.

— Вот... Сейчас... Вот...»

Такое публичное обвинение, как правило, в ту же ночь вызывало арест и очень скоро начало соответственной обработки арестованного. О жестоком характере допросов арестованных давно хорошо известно. Но стоит отметить сейчас документальное и авторитетное свидетельство об этом в советской печати. В «Новом Мире» за прошлый год было напечатано несколько глав из воспоминаний **А. В. Горбатова** «Годы и войны». Автор — заслуженный советский генерал, сам прошедший в 1938-1941 годах крестный путь «врага народа». Его последней должностью перед арестом была должность заместителя командующего 6 кавказским корпусом при командире корпуса Г. К. Жукове. Осенью 1938 года он неожиданно и без его об этом прошении был уволен в запас и вскоре арестован. Достав-

ленный на Лубянку, он был посажен в общую камеру; его сокамерники, «культурные и серьезные люди, в прошлом ответственные работники», все без исключения уже подписали на допросах признания в самых чудовищных и частью нелепейших преступлениях. Они не допускали даже и мысли, что он поступит иначе.

Вскоре его вызвали на допрос и следователь в угрожающей и грубой форме — на «ты» — потребовал, чтобы он написал о своих преступлениях. После его отказа на двух допросах на Лубянке он был перевезен в Лефортовскую тюрьму, славившуюся жестокостями и пытками, которым здесь подвергались арестованные. Следователь прямо сказал здесь Горбатову: «Напиши. У нас не было и не будет таких, которые не пишут!» После этого следователь перешел к «допросу с пристрастием»:

«Когда я с трудом добрался до своей камеры, мои товарищи в один голос сказали: вот! А это только начало.

Допросов с пристрастием было пять с промежутком по двое-трое суток; были случаи, когда я возвращался в камеру с посторонней помощью. Затем дней двадцать мне дали отдышаться...

Но вскоре меня стали опять вызывать на допросы, и их было тоже пять. Во время одного из них я случайно узнал, что фамилия моего изверга-следователя Столбунский... Кроме следователя в допросах принимали участие два дюжих палача. И сейчас в моих ушах, когда меня, обессиленного и обескровленного, уносили, звучит злобеще шипящий голос Столбунского: 'Подпишешь, подпишешь'. Выдержал я эту муку и во время второго курса допросов. Но когда началась третья серия допросов, как захотелось мне умереть».

После трехмесячного перерыва, 8-го мая 1939 года, Горбатов предстал пред судом военной коллегии, которая через 4-5 минут вынесла ему приговор: 15 лет заключения в тюрьме и лагере плюс 5 лет поражения в правах. Суд вынес приговор на основании показаний «десяти человек, уже осужденных», которые не только не были вызваны в суд, но даже показания которых не были здесь оглашены и имена не были сообщены Горбатову. После суда Горбатов был увезен в Бутырскую тюрьму. Здесь в общей камере, в которую он был помещен, опять не было никого, кто бы не «подписал». «Были и такие, — пишет Горбатов, — что просто мне не верили», т. е. не верили, что он не «подписал».

Горбатов был отослан на Колыму и уже в июле работал на принске. Но жена его неутомимо хлопотала о пересмотре его дела (после падения Ежова женам осужденных «врагов народа» чаще случалось избегать репрессии), и 20-го марта 1940 года она получила сообщение, что Верховный суд постановил передать дело Горбатова на новое рассмотрение. Но еще только через пять месяцев Горбатов мог выехать — всё еще на положении заключенного — из поселка Ола, на Колыме, и еще че-

рез четыре месяца вернулся в Бутырскую тюрьму. Освобожден он был лишь в ночь на 5-го марта 1941 года и в тот же день был сердечно принят наркомом обороны Тимошенко. Два с половиной черных года оказались для него просто перечеркнутыми, повидимому, даже и субъективно.

Не всем реабилитированным это удавалось. На других пережитое оставляло глубокий след и оставалось лежать тяжелым гнетом. Бакланов в названном выше романе рассказывает, как комиссар корпуса Бровальский вспоминает в трудную минуту на фронте своего старшего брата, «брата не тех лет, когда тот был в почете, малодоступен и суров, а последних лет, когда уже с ним всё случилось и он из тюрьмы пришел к Бровальскому в холостяцкую квартиру». Арестованный в 1937 году и через два года реабилитированный, он вышел из тюрьмы другим человеком:

«Брат неожиданно вышел в отставку. Он читал газеты, слушал радио, был в курсе событий, но на всё происходящее в жизни смотрел сквозь что-то невидимое другим людям, и Бровальский чувствовал, что он весь *там*, он не вернулся *оттуда*... Брат почти никогда не говорил о том, что было с ним. А если рассказывал всё же, то не в связи с каким-то событием, напомнившим ему, а в связи со своим ходом мыслей, не прекращавшимся в нем. Так, однажды он рассказал, как уже после всего, когда их троих — его, комиссара и начальника штаба — оправдывали, председатель трибунала сказал начальнику штаба: «Как же вы сможете смотреть в глаза своим товарищам, которых оклеветали? Как вы с этим в душе останетесь жить?» И тот сед, стриженный и седой, и заплакал.

— Ты мне о нем не говори! — сказал Бровальский, покраснев. — Он сволочь, и его слезы — вода!

Но брат странно как-то посмотрел на него.

— Да? Ты так думаешь? Тогда я тебе расскажу, как он подпisał. Пока от него добивались показаний на комиссара и на меня, он держался. Но потом его привели на допрос, и он услышал в соседней комнате голос своей жены, услышал, как она кричит. И тогда он подписал всё. Кстати, полковник, который спросил его, как он теперь сможет с этим в душе жить, я его, этого полковника, встречал раньше. Только он тогда был майором и допрашивал меня. И ничего, смотрит людям в глаза, живет с «этим» в душе.

И брат улыбнулся своей тихой, страшной улыбкой».

Об этом сейчас пишут, как о пройденном этапе. До конца ли пройденном? И никто не решается поставить вопрос: а что же стало со всеми этими «следователями», — а их ведь были тысячи и тысячи, — с теми «судьями», которые после 4-5-минутного судебного заседания выносили приговоры, часто смертные? Вот Бакланов осторожно намекнул: как, мол, может «смотреть людям в глаза», «жить с «этим» в душе» такой бывший (а, может быть, и сейчас действующий) следователь? И Гор-

батов элегически замечает, вспоминая своего «изверга-следователя» Столбунского «Не знаю, где он сейчас. Если жив, то я хотел бы, чтобы он мог прочитать эти строки и почувствовать мое презрение к нему не только теперь, но и тогда, когда я был в его руках». — А ведь есть совсем недавние исторические прецеденты; преследование гитлеровских преступников. И как раз в отношении их советские публицисты проявляют чрезвычайную горячность. Не без основания. Но тогда тем тягостнее поражает «христианское» всепрощение по отношению к собственным извергам. У кого-кого, а у старшего Бровальского уж наверно встает вопрос: неужели так и не наступит день, когда будет создан авторитетный орган для расследования чудовищных преступлений, совершенных под знаком чистки, и для привлечения к ответу хотя бы наиболее отличившихся извергов?

Но ведь есть и другая сторона в советской жизни в эти черные годы. Широкий слой работников был уничтожен. Но ведь им на смену очень скоро поднялся новый обширный слой, сложившийся и поднявшийся в обстановке чистки и благодаря ей. Литература сосредоточивает сейчас внимание преимущественно на военных, и это понятно, так как опустошительная чистка высшего и отчасти и среднего командного состава вооруженных сил в значительной степени обусловила пережитую страной в первые годы страны катастрофу. И это заслоняет всё. Но те же социальные процессы происходили во всей стране, происходили и в гражданском населении. Конечно, этот слой поднявшихся это частица в социальной структуре страны, но частица, которая многое определяет и формирование которой заслуживает внимания.

Об этом в применении к периоду большой чистки еще очень мало пишут. Но всё же и в этой области прорываются иногда интересные наблюдения. И опять Бакланов оказывается наблюдательнее и смелее многих. Он пристально всматривается, как в годы чистки и непосредственно вслед за нею быстро подымались люди сверх всех своих ожиданий и часто данных. Лапшин, командующий армией на Западном фронте, в которую входит корпус Щербатова, «в финскую войну еще был командиром батальона, под Выборгом получил полк, а потом за два года стремительно вырос до командующего армией» — и оказался на этом месте явно не на высоте. Вот Сорокин, начальник штаба в корпусе Щербатова: «большую часть жизни своей Сорокин истратил на то, чтобы повышаясь постепенно, не бойко, пройдя все ступени и ступени, дорости до начальника штаба полка... И вдруг, когда он уже был не молод и уже не был честолюбив, в какие-нибудь три года он из начальника штаба полка вырос до начальника штаба корпуса и генерал-майора». — В особенности когда чистка несколько схлынула и жизнь начала входить в берега, в среде благополучно и успешно ее переживших начали складываться какие-то новые, бодрые настроения.

Это складывался **новый быт**. Бакланов и по этому вопросу приводит интересный материал.

Щербатов уже чувствовал, как замыкается круг вокруг него, когда случайно на маневрах он встретил старого товарища. «Он как-то не думал о нем последнее время. Был просто уверен, что его давно уже нет: тот был замечен и стоял на виду. И вдруг Сергачев приехал на маневры в роли инспектирующего и они встретились. И обрадовались, как только можно обрадоваться, заново воскресив друг друга»:

«Они расстались, уговорившись, что в самое короткое время Щербатова затребует Москва.

Он и верил и боялся преждевременно спугнуть свою так неожиданно замерцавшую счастливую звезду. Но одно ощутил он ясно: он как бы поднялся и стал вдруг недостижим для тех, в чьих руках до сих пор полагал свою судьбу, всё свое незащищенное будущее. Теперь он был не в их ведении. Это сразу почувствовали все...

Он долго смотрел на жизнь глазами человека, которому логикой событий предстояло из нее уйти. Сейчас он оставался жить. И масса фактов, которых он прежде не замечал, открылась ему. Да, многое меняется к лучшему. Передавали шепотом, что до Сталина дошли всё же некоторые сведения и он запросил, что происходит. И когда ему доложили, сколько посажено, Сталин рассердился и сказал: «Хватит!» После Щербатов с великим стыдом вспоминал, как он слушал это и радовался, и сам передавал... Но в тот момент он увидел в этом факте только одно: наступает пора смягчения...

Тот подъем, который Щербатов ощущал в себе, он чувствовал сейчас во всех людях. Страна строила небывалыми темпами, встречала полярников, славila своих героев. День начинался бодрой музыкой. Гремели марши, песни Дунаевского сами вливались в кровь. Под них легче дышалось, веселей было ступать на земле. А вскоре через всю страну Щербатов ехал на Дальний Восток к новому месту службы...

Соседями его по купе были три полковника, все милые люди, тоже, как и он, получившие новые назначения... И во всем вагоне, где по коридору, по мягким ковровым дорожкам мягко прогуливались пассажиры, покачиваясь в такт рессорам, останавливались у окон покутить перед мелькающими за стеклом телеграфными столбами и медленно поворачивающимися бесконечными пространствами, а матери вели умыть нарядных детей, опекая их по дороге и гордясь, — во всем этом вагоне вместе с запахами еды, одеколона и дорогих папирос стоял дух довольства, вежливости и благополучия.

Поезд дальнего следования в потоке жизни нес Щербатова через страну, укачивая все тревоги на своих мягких рессорах, в тепле и чистоте, и то самое ощущение прочности бытия, которое поражало в других, по каждой жилочке вливалось ему в кровь, наполняя уверенностью».

Но как осязательно чувствуется, что этот вагон со своими

благополучными пассажирами это какой-то островок в огромном море человеческого унижения, нужды и горя:

«На маленькой сибирской станции посреди тайги Щербатов выскочил купить что-либо. Одна-единственная баба, прячась за вагонами, продавала курицу. Пока он рассчитывался, баба, закутанная в три платка, всё озиралась быстрыми глазами, не идет ли милиционер, и это казалось почему-то смешно. Хлопьями отвесно падал снег, по ту сторону путей к приходу поезда играла музыка. Разогретый вином, выскочивший из тепла в одной гимнастерке, не чувствуя мороза, Щербатов обогнул последний вагон и с горячей, капающей бульоном и жиром курицей в руке, которую он держал за ножки, чтоб не обкапать себя, представляя заранее, какое оживление попутчиков вызовет сейчас, побежал по перрону вдоль поезда. Он не сразу понял, что происходит впереди. На столбе репродуктор передавал вальс Штрауса, а перед ним по всему дощатому перрону, на снегу, словно на молитве, стояли на коленях люди в арестантской одежде и без шапок. Вокруг них возвышалась охрана с винтовками, считая по головам. Щербатов увидел лицо ближнего к нему пожилого арестанта, на которого он чуть не наскочил. Снег падал на его желтый высокий лоб со втянутыми висками, на остриженную и неровно отросшую сединой голову. Подняв худое лицо с большими черными, влажными глазами, он слушал музыку и целый исчезнувший мир был сейчас в его никого не видящих глазах.

На Щербатова, хрупая валенками по снегу, надвинулся конвоир в дубленом полушубке. Между бараньим мехом воротника и мехом ушанки — молодое красное, дышащее паром свирепое на службе лицо:

— Пройдите, товарищ полковник. Не скапливайтесь. Запрещено.

Щербатова оттеснили на край платформы, и радостный зимний день с мягким светом солнца и хлопьями падающим снегом померк. Много раз после Щербатов вспоминал эту платформу и людей и с мучительным стыдом видел себя, хорошо поевшего, красного от вина, счастливого с горячей курицей в руке набежавшего на них».

Начало германско-советской войны

О неподготовленности Советского Союза к войне ко времени нападения гитлеровских войск на Советский Союз в ночь на 22-ое июня 1941 года писалось много. Но только в последние годы в широких кругах культурных советских людей начало всё отчетливее складываться сознание, что неподготовленность эта вызывалась отнюдь не прямой недостаточностью сил в стране, а глубокими недостатками в организации этих сил, вызванными двумя причинами: отсутствием сколько-нибудь достаточных опытных офицерских кадров (непосредственный результат «большой чистки») и порочной политической концепцией коммунистического руководства, которая привела формально к пакту дружбы и фактически к полусоюзу гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза.

В роман Григория Бакланова «Июль 1941 года» («Знамя», январь и февраль 1965 г.), посвященный в основном полным драматизма событиям июля 1941 года и прежде всего героической и в какой-то момент успешной попытке одного из корпусов на Западном фронте оказать решительное сопротивление немецкому наступлению (такой случай действительно имел место), вплетены яркие картины и документированные сообщения о июньских днях непосредственно перед началом немецкого наступления и в его самом начале. К началу войны корпус был расположен близ границы. Во главе его стоял генерал Щербатов (имя, конечно, условно).

«За три недели до начала войны среди местного населения уже упорно шли слухи, что немцы со дня на день начнут войну. Слухи эти пресекали со всей решительностью, но на базарах, в очередях люди поговаривали открыто. Однажды после какого-то совещания Щербатова позвал к себе командир погранзаставы и в бинокль показал ему немецкие артиллерийские батареи на той стороне, замаскированные плохо, стоявшие почти что открыто.

— Они у меня все по числам отмечены, — сказал он. — Вот эту третьего дня установили...

— Ты наверх сообщил? — спросил Щербатов, хотя об этом и спрашивать-то не надо было.

— Как же, каждый раз сообщаем.

— Ну?

— Наша главная задача — не поддаваться на провокацию.

И совсем уж доверительно рассказал, что два дня назад ночью они задержали перебежчика. Коммунист. Немец. Перебежал, чтобы предупредить, что скоро начнется война.

— У нас интересоваться не полагается. Знаю только, что отправлен дальше под усиленным конвоем. Но слышать пришлось, будто про-вокатор».

Щербатов уехал в смутном настроении. На границе особенно ощутительно пахнуло на него тревожной близостью войны. И многие факты, вдали от границы, казалось, имевшие какой-то смысл, здесь теряли всякую видимость смысла:

«...Вдруг начали переоборудовать аэродромы. Для новых типов самолетов нужно было увеличить взлетные полосы. Самолеты эти пока что редко кому из летчиков удалось повидать, они прибывали считанными экземплярами, но аэродромы в их округе стали переоборудовать сразу все. Работы были поручены войскам НКВД, велись они широким фронтом, и закончить могли их только глубокой осенью. А пока что авиацию согнали на немногочисленные аэродромы мирного времени, придвинутые близко к границе. И там она стояла скученная, не защищенная от бомбового удара.

Чем больше думалось, тем необъяснимей, непостижимей казался каждый факт. А они вспоминались десятками. Командир авиационного истребительного полка рассказывал Щербатову, как на их аэродров сел вдруг немецкий бомбардировщик: «Вы б поглядели на них, какие они вышли из самолета. По морде каждого видно — фашист. Держатся нагло, вот так на нас глядят! Ни черта они никакую ориентировку не потеряли. Но куда там! Наехало высокое начальство, как по тревоге, любезностей им полные руки отвесили, накормили в командирской столовой, только что пирогов на дорогу не завернули. Нельзя, друзья!..

Слепому иной раз легче, чем зрячему. Он не видит, он может не знать. Но Щербатов на беду свою не был слепым. По одному полку от каждой его дивизии работало на строительстве укреплений. Их строили вдоль новой государственной границы, до завершения было еще очень далеко, а тем временем в тылу, там, где была старая граница, уже разрушали прежние укрепления. С них сняли вооружение, готовые доты засыпали землей. Не построив новые укрепления, разрушать старые — этого нормальный ум понять не мог.

Он решил поехать к командующему армией, убедить его, что ждать нельзя, надо действовать, пока еще время есть».

Командующий армией Лапшин принял его дружелюбно, но в нем не было и тени тревоги:

«Лапшин слушал, накручивая на палец бровь. Потом откинулся на спинку стула, охватил ее руками позади себя и смотрел на Щербатова, чуть-чуть улыбаясь, как человек, который знает гораздо больше того, что ему хотят сообщить, больше того, что он сам имеет право сказать, и потому вынужден только слушать и поражаться наивности и легковесности суждений. Он сидел не сомневающийся, что всё, что нужно, делается, и враг, когда придет время, будет отброшен и разбит — малой кровью, могучим ударом.

— Эх, Щербатов, Щербатов! Какой же ты оказался политически незрелый человек! А ведь командир корпуса! Ай-я-яй! «Укрепления

демонтируют в тылу, оружие снято с них...» Так это где? За сотнями километров от границ. Ты что, отступить собрался? Немцев на нашу землю хочешь пустить? Встречать их думаешь там? Знаешь, как такие настроения называются? Это называется — боязнь врага. Это у тебя пораженческие настроения. Негоже! Мы врага будем бить здесь, если он посмеет посягнуть на священные рубежи нашей родины. И здесь его разобьем!»

Через несколько дней рано утром Щербатова вызвали к телефону:

«В трубке он услышал веселый голос Лапшина:

— Щербатов? Газеты сегодня читал? Не получил еще? Ну вот получишь, прочти внимательно. Там на твой счет тоже имеется. Понял? А когда прочтешь, выпей перед обедом сто грамм. Разрешаю. А за кого выпить — сам догадаешься.

Щербатов с трудом дождался газет. Но еще раньше, чем они пришли, он услышал по радио сообщение ТАСС. Потом прочел его своими глазами. *За восемь дней до начала войны* он читал:

«...По данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия Советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям...»

«Такое не могли сообщать, не располагая проверенными данными. Значит, видят, знают, отдают себе отчет. И вот предупреждают народ сохранять спокойствие, не верить слухам».

В тот же день Лапшин еще раз вызвал Щербатова к телефону и приказал немедленно приехать, как оказалось, на обед. Собралось высшее офицерство армии. Было шумно, много выпили. «Пили за него. За того, кто сквозь бури и грозы, сквозь любые политические штормы твердой рукой ведет корабль вперед, глядя вдаль всевидящим орлиным взором. За его великое мужество и силу духа, за его беспримерную прозорливость, позволяющую ему вести народ от победы к победе. За великого рулевого нашей эпохи». Щербатов заразился общим настроением и тоже много пил и что-то говорил. «А среди ночи, проснувшись от головной боли, он вспомнил это с мучительным стыдом»:

«Ночью всё предстало в ином свете. Он пытался собрать уверенность, которая была у него днем, и не мог. Сейчас это не удавалось. А может, просто все обрадовались возможности зажмуриться? Зажмуриться и не видеть опасности? Ты не видишь — и ее уже нет. Он заново перечитал сообщение ТАСС, и теперь всё в нем казалось неубедительным...»

Щербатов знал, что командующий соседней армией писал лично

Сталину, предупреждая об опасности, пытался посоветовать ряд срочных мер и за это по личному распоряжению Сталина был снят и отозван, обвиненный в трусости и пораженческих настроениях. Об этом шепнул ему вчера Лапшин и, отстранившись, прищурясь хитро, погрозил пальцем. Мол, учти и помни, что мог я с тобой сделать и не сделал».

Армия в пограничной полосе не могла не ощущать, как в окружающем ее населении нарастает острое чувство тревоги. Но в ней искусственно создавались настроения полного спокойствия:

«А армия, как будто ничего не менялось, продолжала жить по распорядку мирного времени. Артиллерия проводила учения на полигонах; танки, многие из них разобранные, стояли в ремонте, и по всем подразделениям готовились к вечерам художественной самодеятельности. После Щербатову об этом было дико вспоминать. Но это было так. На 22 июня, на воскресенье, были назначены спортивные соревнования и игры, этим соревнованиям придавалось большое значение, и подготовка к ним шла полным ходом».

Тем оглушительнее был удар, нанесенный немцами в роковую ночь на 22-ое июня. Ранним утром они разбомбили и город, в котором находился штаб корпуса, разбомбили и самый штаб:

«...Полуоглушенный взрывом Щербатов стоял среди улицы, глядя вверх. Самолеты кружились над вокзалом, низко проходили над крышами домов, сбрасывали бомбы и снова заходили на круг, планомерно и методично. И было во всем этом что-то неестественное. Они кружились в чистом небе, освещенные снизу восходящим солнцем, и никто по ним не стрелял. Ни один зенитный разрыв не потревожил их. А там, в районе вокзала, стоял отдельный зенитный дивизион. Щербатов знал это.

Он вскочил на подножку машины, рукой держась за дверцу, крикнул шоферу:

— Давай туда! Скорей!

Когда он примчался к зенитчикам, вокзал уже горел. И горел на путях пассажирский поезд, только что прибывший из Москвы.

Но то, что Щербатов увидел рядом с вокзалом, было еще страшней. Он увидел целые приведенные к бою зенитные орудия и ни одной воронки вблизи них. Расчеты стояли у расчехленных орудий, смотрели в небо и не стреляли.

— Командира дивизиона ко мне!

К нему выскочил майор. Щербатов смотрел на него, онемев.

— Ты... Ты живой? И не стреляешь?

Майор только вытягивался перед ним, дрожа челюстью. А над ними в дыму носились немецкие самолеты, и бомбили, и гонялись за людьми, хлынувшими от вагонов в поле.

— Товарищ генерал, мне приказано не стрелять! Не отвечать на провокацию!

Не владея собой, Щербатов потянулся за пистолетом. В этот мо-

мент он не думал, не способен был думать о том, что перед ним стоит не виновник, а результат — бледный, изо всех сил тянувшийся по стойке «смирно» майор, готовый вот так принять смерть, но уже неспособный понимать что-либо.

Когда сбили первый самолет и привели выбросившихся на парашютах летчиков, Щербатов здесь же, на батарее, коротко допросил их. И старший из летчиков, рослый, с обгорелыми волосами, в прожженном до тела обмундировании, на вопрос, почему они не бомбили зенитные орудия, сказал, презрительно усмехнувшись в глаза:

— Мы знали, что им дан приказ не стрелять».

Позже, уже в окружении, Щербатов своими глазами прочел директиву наркома обороны, отданную **22-го июня в семь часов утра**. В ней, среди прочего, приказывалось:

«Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземным войскам границу не переходить».

«Щербатова особенно поразили эти слова: «Впредь до особого распоряжения наземным войскам границу не переходить». Неужели еще в тот момент опасались раздражить фашистов, надеялись задобрить их?

Там, в директиве, был и такой пункт:

«Разведывательной и боевой авиации установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск...»

Но уже не было самолетов, способных выполнить это. Они погибли под бомбами на своих аэродромах, не успев взлететь, и раньше, чем был подписан для них этот приказ.

Щербатов прочел эту директиву много дней спустя, потому что 22 июня в 7 часов утра, когда она была отдана, уже не существовало средств связи, которые могли бы передать ее войскам. Ее случайно нашли в лесу, в бумагах разбомбленного штаба в зеленом сундучке, на котором, словно закрыв его своим телом, лежал убитый командир».

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

С. ШВАРЦ

К истории формирования меньшевизма и большевизма

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ
В 1904—1905 ГОДАХ

(Статья третья)

Социалдемократия в «дни свободы»

«Дни свободы» — короткий период от 17-го октября до первых дней декабря — ознаменовались выходом социалдемократии из подполья, т. е. открытым ее существованием, «явочным порядком», почти повсеместно начавшейся перестройкой партийных организаций на демократических началах и огромной — почти стихийной — тягой к партийному единству. Тяга к демократизации и к объединению партийных организаций прорвалась в дни свободы с тем большей силой, что еще с весны 1905 года в партийных низах — если не повсеместно, то во всяком случае очень широко — отчетливо проявлялась потребность в перестройке партийных организаций на демократических началах и одновременно потребность в преодолении раскола. Заслуживает внимания, что то и другое в сознании широких слоев примыкающих к партии рабочих тесно переплеталось.

Настроения эти были настолько сильны, что они оказывали влияние и на партийные центры, которые очень скоро оказались вынужденными идти в намечавшихся ими организационных планах значительно дальше, чем это предусматривалось в решениях не только большевистского «съезда», но и меньшевистской «конференции». На этом стоит вкратце остановиться.

Сейчас же после окончания «съезда» и «конференции» в Женеве имели место переговоры между избранным «съездом» ЦК и избранной «конференцией» Организационной Комиссией о возможности объединения; но они ни к чему не привели, так

как представители ЦК добивались признания их «съезда» съездом партии, их ЦК Центральным Комитетом партии в целом и предлагали представителям ОК кооптировать представителей меньшевиков в ЦК и в редакцию ЦО и в таком же порядке провести объединение на местах «на тех организационных основах, которые даны III съездом». Это было бесплодное начало, определившее и на ближайшие месяцы — временами при кажущемся сближении точек зрения — фактически полное бесплодие дальнейших переговоров. И только в «дни свободы» произошли, наконец, значительные изменения.

Опубликование манифеста 17-го октября ознаменовалось немедленным формированием Петербургского Федеративного Объединенного Совета организаций большевиков и меньшевиков. Уже в № 2 «Известий Совета Рабочих Депутатов» от 18-го октября (№ вышел, вероятно, к концу дня) было напечатано обращение «От Федеративного Совета», в котором сообщалось, что

«Петербургский Комитет и Петербургская Группа РСДРП решили, несмотря на наличность тактических и организационных разногласий, образовать Федеративный Объединенный Совет для совместного руководства политическими выступлениями петербургского пролетариата в предстоящих событиях.

В задачи этого Федеративного Совета будет входить объединение и планомерное регулирование устной и литературной агитации и всех публичных выступлений пролетариата, равно как и сношения по техническим боевым вопросам со всеми остальными революционными организациями Петербурга».

Подчеркивание в этом обращении, что Федеративный Совет образован «несмотря на наличность тактических и организационных разногласий» между федерирующимися организациями, было данью антиобъединительным настроениям, частью еще не изжитым на партийных верхах.

В этом же обращении сообщалось, что «в состав Федеративного Совета, кроме представителей Петербургского Комитета и Петербургской Группы, входят представители Центрального Комитета и Организационной Комиссии». Федеративного Совета, объединявшего ЦК и ОК, образовано не было и Петербургский Федеративный Совет выполнял задачи и общепартийного объединяющего центра.

За образованием Петербургского Федеративного Совета последовало образование такого же Совета и в Москве (но уже без участия в нем представителей ЦК и ОК) и кое где в провинции. Но основная тенденция вела почти всюду не к федерированию, а к прямому слиянию организаций, а где и создавались на местах федеративные органы, они то ли с самого начала, то ли очень скоро ставили себе непосредственной задачей скорейшее организованное проведение полного слияния.

Образование Петербургского Федеративного Совета было

как бы внезапным прорывом к партийному единству, нашедшим живой отклик и почти единодушное одобрение в широких кругах партии и толкнувшим и партийное руководство к новой постановке вопроса об объединении партии. Большевики трудно переживали отказ от концепции, что 3-ий съезд был съездом партии, как таковой, что меньшевики это отколовшаяся часть партии, для которой речь может быть разве лишь о возвращении ее в партию, а отнюдь не о федерировании с тем, что является партией.¹ И еще труднее большевистское руководство принимало мысль, что федерирование это лишь короткий период развития, который должен вскоре завершиться действительным растворением организованных фракций в единой партии. Организационные планы большевиков после образования Федеративного Совета сводились поэтому в основном к тому, чтобы по возможности задержать превращение федеративного объединения партии в действительное единство. Это нашло свое отчетливое отражение в планах созыва нового «объединительного» партийного съезда. В том, что после того, как раскол в партии зашел так далеко, как это случилось весной 1905 года, — с организацией большевистского «съезда» и меньшевистской «конференции» и образованием двух партийных центров (ЦК и ОК), — объединение партии не может быть прочным без созыва нового партийного съезда, отдавали себе отчет и большевики и меньшевики. Но, как сейчас будет показано, большевики пытались отстоять «федеративный» принцип и в самой организации съезда, меньшевики же стремились преодолеть раскол до конца еще до съезда и сделать съезд учредительным съездом действительно единой партии.

Рядовой (А. Богданов), в этот период один из наиболее влиятельных членов большевистского ЦК, писал в статье «К

¹ Характерна в этом отношении резолюция Иваново-Вознесенского Комитета, напечатанная в № 5 «Новой Жизни» от 1-го ноября. «Обсудив положение дел в партии и ознакомившись с ходом переговоров между ЦК РСДРП и ОК отколовшейся ее части, Иваново-Вознесенский Комитет находит, ... что объединение в высшей степени желательно, ... но при этом заявляет, что объединение возможно лишь на основе постановлений III съезда или же осуществимо путем созыва внеочередного объединительного съезда». (Подчеркнуто мною. — С. Ш.). При этом даже и эта резолюция принята была лишь голосами 8 членов комитета против четырех, которые шли еще дальше: «Четыре товарища принимают эту резолюцию, кроме слов: 'или же осуществимо путем созыва внеочередного объединительного съезда'. Они находят, что объединение должно состояться *только* на основе постановлений III съезда». — «Эта же резолюция, — сообщает тут же «Новая Жизнь», — была предложена конференции районных комитетов и после долгого обсуждения была принята 26 голосами против 4 при 7 воздержавшихся».

делу объединения» в № 5 «Новой Жизни» (от 1-го ноября ст. ст.):

«Чтобы съезд мог надежнее и легче достигнуть своей цели, необходимы две предпосылки: равенство сторон на самом съезде и устранение их конкуренции на выборах делегатов. А для этого надо, чтобы обе стороны получили на общем съезде по равному числу решающих голосов и чтобы выборы устраивались каждой стороной отдельно.

Словом, 'большинство' и 'меньшинство' должны одновременно и в одном месте созвать свои отдельные съезды, а затем они, придя к соглашению относительно порядка общей работы, сливаются в один съезд, на котором право решающего голоса дается определенному одинаковому числу делегатов той и другой стороны, кому именно — решает заранее каждая сторона отдельно».

И чтобы всё было ясно, автор тут же решительно высказывается против «прямых совместных выборов на общий 'учредительный' съезд».

10-го ноября ЦК опубликовал в № 9 «Новой Жизни» воззвание «К созыву IV съезда РСДРП». Согласно этому воззванию, «Четвертый съезд партии» созывался «на основах устава III съезда» и не каким-либо «федеративным» органом, а избранным на Третьем съезде большевистским ЦК¹ и с участием в нем только большевистской части партии (что это только «часть» партии уже прямо признавалось). Это должно было означать «сохранение преемственной связи со всей предыдущей идейной и организационной работой партии». За этим следовало подробное изложение плана параллельного созыва «съездов обеих частей партии», как он был намечен в статье Рядового, причем созываемый Центральным Комитетом «IV очередной съезд партии» оказывался уже «частью объединительного съезда».

Воззвание ЦК отмечало, правда, что «план этот пока еще не принят товарищами из другой части партии; их центр, Организационная Комиссия, предлагает другой план: по ее плану съезды или конференции обеих частей партии только договариваются между собой о способе выборов на новый 'учредительный' съезд и создают общий избирательный аппарат, который и выполняет затем дело созыва 'учредительного' съезда». Но «мы позволяем себе выразить надежду, что другая половина партии не откажется созвать новую конференцию или съезд одновременно с нашим съездом», что позволит «избежать излишней волокиты» при решении «наболевшего вопроса об объединении».

В самой большевистской фракции план этот явно не вызывал больших надежд. И это понятно: процесс преодоления раскола путем прямого слияния местных организаций развивался с такой силой, что уже самая мысль о созыве параллельно

двух съездов — «большинства» и «меньшинства» — оказывалась уродливой: многие организации — уже единые — должны были бы либо вовсе не участвовать ни в том, ни в другом из съездов фракций, либо послать делегатов на оба. Показательно, что «Новая Жизнь» в своей обширной хронике почти не отметила случаев положительного отклика местных организаций на обращение ЦК. Не проявили готовности принять этот дуализм и меньшевики. Мартов в статье «Задачи объединения» в № 8 «Начала» (от 23-го ноября) «настаивал» на «возможном сокращении или даже полном миновании тех стадий 'федеративного' сближения фракций, которые еще отстаиваются некоторыми нашими товарищами... Дело объединения достаточно назрело, чтобы не задерживаться на этой промежуточной стадии. Если на предстоящих съездах обеих фракций будет принят план слияния, на котором заранее сталкиваются наши центры, то через короткое время после них сможет собраться съезд **единой партии**, на который слившиеся на местах организации пошлют уже делегатов не фракционных, а партийных».

Развитие событий в полной мере оправдало этот оптимизм в отношении психологической подготовленности партийных организаций к слиянию. Не прошло и двух недель со времени опубликования «федералистского» обращения ЦК, и Петербургский Комитет, оплот большевистского «твердого» курса, неожиданно сдал в вопросе об объединении все позиции. В № 19 «Новой Жизни» (от 23-го ноября ст. ст.), под заголовком «К объединению партии», появилось сообщение, что ПК 22-го ноября, по предложению Федеративного Совета, принял следующие «резолюции»:

«1) ПК для возможно быстрого слияния партии по всей линии настаивает на немедленном слиянии партийных центров.

2) ПК постановил немедленно приступить к полному слиянию своей организации и организации Петербургской Группы, не ожидая ни съезда, ни конференции, ни слияния центров.

3) ПК для проведения слияния в жизнь избирает со своей стороны членов в Организационный Комитет, состоящий из равного числа членов от П. К. и П. Гр. Организационный Комитет должен выработать согласованный устав, основанный на проведении выборного начала снизу доверху. Устав должен быть утвержден на общем собрании Комитета, Группы и всех районных комитетов. Решения этого собрания обязательны для обеих организаций».

В тот же день в № 8 «Начала» был напечатан меньшевистский «проект слияния фракций большинства и меньшинства, выработанный Организационной Комиссией», намечавший немедленное слияние организаций обеих фракций снизу доверху:

«1) Организационная Комиссия вступает в переговоры с Ц. К-том о формах партийной реорганизации и о немедленном слиянии обеих фракций...

2) Необходимым условием слияния Организационная Комиссия ставит признание обеими сторонами демократического принципа организации... и проведение на всех ступенях партийной организации строго-выборного начала.

3) Организационная Комиссия и Центральный Комитет составляют Комитет объединения партии... Результатом слияния является единый избранный центр. Объединение партии завершается созывом партийного съезда, на основе демократического представительства, избранного пропорционально числу организованных рабочих».

В эти же дни — около 22-23 ноября — для проведения в жизнь слияния организаций Петербургского Комитета и Петербургской Группы и для политического руководства движением до выбора нового единого Петербургского Комитета был образован временный Организационный Комитет «по равному числу представителей Петербургского Комитета и Петербургской Группы», немедленно приступивший к работе и уже 27-го ноября опубликовавший (в № 12 «Начала» и № 23 «Новой Жизни») проект устава Петербургской Организации РСДРП. Проект этот был построен на демократических принципах с одним существенным ограничением, явившимся очевидной уступкой большевикам. В состав заводских, подрайонных и районных «собраний», которые должны были составлять основу всей партии, принимать решения и избирать соответственно руководящие органы, должны были входить с решающим голосом не все члены партии, а лишь члены партии, «ведущие социалдемократическую работу» на заводе, в подрайоне или районе.

После окончательного слияния всех низовых и районных организаций временный Организационный Комитет должен был прекратить свое существование и его должен был заменить новый Петербургский Комитет единой организации.

* * *

В течение полутора месяца, когда социалдемократия жила открытой жизнью, она начала создавать новые формы организации, которые должны были отвечать требованиям открытого и широкого рабочего движения. Формы эти не были заранее намечены и продуманы и стали возникать эмпирически. К середине ноября в Петербурге и почти тотчас в провинции начали возникать социалдемократические «политические союзы» и социалдемократические или просто рабочие «клубы». Политические союзы должны были стать основной формой партийной организации. Введением термина «союзы» подчеркивалась перестройка организации на демократических началах. Старые партийные руководящие органы («комитеты») еще сохранялись (часто уже как объединенные органы большеви-

ков и меньшевиков), но в близкой перспективе намечалась замена их новыми выборными комитетами, выросшими из системы политических «союзов».

Рабочие или социалдемократические рабочие клубы возникали, как правило, как широкие непартийные организации, даже и не стремящиеся стать формально партийными и преследующие в основном политико-просветительные и культурно-просветительные цели.

Движение в пользу создания политических союзов и клубов началось в сущности лишь в середине ноября; в первые недели периода «дней свободы» общественные работники как бы осматривались. В основном инициаторами и носителями этого движения были рабочие-меньшевики или близкие к меньшевикам. Не случайно информация «Начала» (и меньшевистской же маленькой «Русской Газеты») о политических союзах и клубах была гораздо богаче, чем информация «Новой Жизни». Но большевики сейчас же подхватили мысль о создании этих нового типа организаций; что их в этом деле отличало — это энергичное подчеркивание необходимости, наряду с созданием новых организаций, сохранять на неопределенный срок старый конспиративный партийный аппарат. При непрочности завоеванной свободы это требование в принципе было правильно, если речь шла о сохранении на черный день на три четверти свернутого нелегального аппарата. Но на практике этим часто преследовалось другое — сохранение конспиративного аппарата, как основного аппарата партии, сведение системы новых организаций к роли вспомогательного аппарата при конспиративном аппарате.

В статье «О реорганизации партии» («Новая Жизнь» №№ 9, 13 и 14 от 10, 15 и 16 ноября), первой статье Ленина после возвращения его в начале ноября в Россию, мысль о сохранении конспиративного аппарата партии, как основного аппарата партии, нашла свое отчетливое выражение:

«...Конспиративный аппарат партии должен быть сохранен.

Но вместе с тем безусловно необходимо использовать самый широкий образ теперешний сравнительно более широкий простор. Безусловно необходимо наряду с конспиративным аппаратом создавать новые и новые, открытые и полукрытые, партийные (и примыкающие к партии) организации. Без этой последней работы приспособить нашу деятельность к новым условиям, оказаться в состоянии решить новые задачи, немислимо». («Сочинения», т. 10, стр. 12).

Новые организации необходимо создавать спешно, но они должны существовать параллельно существующим «учреждениям партии» и под их постоянной опекой:

«...Немедленно будет поставлен на всех собраниях вопрос о создании союзов, организаций, групп партии. Каждый союз, организация, группа тотчас выберет себе бюро или правление

или распорядительную комиссию, одним словом, центральное и постоянное учреждение для ведения дел организации, для сношения с местными учреждениями партий, для получения и распространения партийной литературы, для сбора взносов на партийную работу, для устройства собраний, лекций, рефератов, наконец, для подготовки выборов делегатов на партийный съезд. Комитеты партии позаботятся, конечно, о помощи каждой такой организации, о снабжении ее материалом для ознакомления с тем, что такое РСДРП, какова ее история и ее теперешние великие задачи». (Там же, стр. 17-18).

Выборы на предстоящий IV съезд партии, продолжает Ленин, должны производиться согласно уставу (т. е. уставу, принятому III съездом) и делегаты с решающим голосом должны быть избраны местными комитетами; но ЦК, пользуясь своим правом приглашать на съезд лиц с совещательным голосом, призывает новые организации провести широкие выборы на съезд (по числу членов этих организаций), а съезд на первом же своем заседании должен будет вынести постановление о предоставлении этим делегатам с совещательным голосом права участия в съезде с решающим голосом.

Ленин подчеркивает в своей статье, что за проведение этого плана еще придется вести «борьбу» с собственными консерваторами, которые увидят в этом плане «опасность для социалдемократии», — но призывает «не преувеличивать этой опасности», и защищается против своих собственных верных учеников аргументами, неожиданными в устах автора «учения о стихийности и сознательности»:

«Рабочий класс инстинктивно, стихийно социалдемократичен, а более чем десятилетняя работа социалдемократии очень и очень немало сделала для превращения этой стихийности в сознательность. Не стройте себе воображаемых ужасов, товарищи!» (Там же, стр. 15).

Это был один из характерных в эти годы для Ленина «зигзагов», какие отмечались уже не раз в этой работе, сопровождавшихся сознательным «перегибанием палки в другую сторону». Вопросы о том, как должны сложиться после съезда отношения между старыми руководящими органами партии и новыми органами, которые будут созданы на съезде, в частности вопроса о сохранении после объединения большевистского конспиративного аппарата, — Ленин в этой статье не ставит. Может быть, еще не ставил в это время и для себя. Но в каком направлении развивалась мысль Ленина, свидетельствует вся дальнейшая история партии — и после Стокгольмского съезда весной 1906 года, на котором меньшевики оказались в большинстве, и, что особенно показательно, после Лондонского съезда весной 1907 года, на котором Ленин и его сторонники победили и Ленин всё же создал внутри пар-

тии тайный большевистский центр — тайный и от основной массы большевиков.

* * *

Наметившееся было развитие в сторону превращения социалдемократии в широкое, открытое, свободно организованное движение в первую неделю декабря было насильственно оборвано. «Дни свободы» кончились. Петербургский Совет Рабочих Депутатов был арестован. Прекратили свое существование и Советы в Москве и провинции. Социалдемократические газеты были закрыты. Социалдемократические и множество других открытых рабочих организаций сметены шквалом восторжествовавшей реакции. Социалдемократия вернулась к исходному положению до «дней свободы». И хотя весной 1906 года объединительный съезд — в общем по меньшевистскому плану — всё же состоялся (в Стокгольме), борьба внутри партии между меньшевиками и большевиками продолжалась с возрастающей остротой.

Но опыт 1905 года не прошел даром ни для меньшевиков, ни для большевиков. С этого времени на всю меньшевистскую практику всё отчетливее оказывает влияние мысль о необходимости разрыва с «заговорщической» традицией, как она навязывалась партии всей обстановкой до революции, о выходе, если и не партии формально, то социал-демократии в широком смысле на открытую общественно-политическую арену, о создании таким образом элементов действительной широкой социалдемократической партии будущего. И одновременно у большевиков происходило развитие в противоположном направлении: усиление тенденции к превращению партии в строго централизованную организацию с усилением в ней авторитарного руководства, с превращением социалдемократии в «партию нового типа». В 1911/1912 годах произошел уже и окончательный формальный разрыв между обеими частями партии и формальное образование двух партий — РСДРП-меньшевиков и РСДРП-большевиков. Большевики еще до своего 7-го съезда в марте 1918 года сохраняли это название, когда они переименовались в коммунистическую партию большевиков, позже просто в коммунистическую партию. Но фактически уже к началу 1917 года меньшевистская РСДРП была социалдемократической партией, большевистская РСДРП коммунистической партией в современном смысле этих слов.

И соответственно меньшевистская РСДРП играла значительную роль в первой, демократической, фазе революции — с февраля по октябрь (или, по новому стилю, с марта по ноябрь) 1917 года — и большевистская партия пришла к власти после организованного ею и оборвавшего демократическое развитие революции октябрьского переворота.

Клара Калнин

(24 февраля 1874 — 21 ноября 1964)

21 ноября 1964 г., в Стокгольме, после долгой и тяжелой болезни ушла из жизни Клара Ивановна Калнин, одна из первых пионерок соц.-дем. движения в Латвии, всю свою жизнь отдавшая на служение делу рабочего класса.

Родом из культурной и прогрессивной крестьянской семьи, она уже в 1892 г., 18-летней гимназисткой, впервые вошла в подпольный социалистический кружок, — один из тех первых кружков, которые строили первые латвийские социал-демократы. Этот шаг определил весь ее жизненный путь.

Особенно значительную роль ей пришлось сыграть в период реакции 1907-12 гг., когда она, в качестве члена ЦК партии и одного из редакторов центрального партийного органа «Циня» («Борьба»), несла на себе значительную долю ответственной центральной партийной работы. Еще в период 1905 г., вместе со своим мужем, П. Калниным, примкнувшим к меньшевистскому крылу партии, она сыграла значительную роль в пропаганде меньшевистских идей и в борьбе с большевистскими настроениями.

В 1918 г. она входила в состав того народного Совета Латвии, который провозгласил независимость страны, и в 1920 г. была выбрана в Национальное Собрание, а также в рижскую городскую думу. В течение всего периода существования свободной Латвии К. И. стояла во главе партийной женской организации, а также принимала активное участие в профессиональном движении. Начиная с 1923 г., и по 1957 она участвовала в конгрессах Социалистического Интернационала в Международных Социалист. Женских конференциях.

В годы Второй мировой войны, она была активной участницей демократического движения сопротивления сначала против советской, а затем против гитлеровской оккупации. В 1945 г. ей удалось выехать в Швецию, где она с самого начала стала активной работницей латышской соц.-демократии в изгнании. В 1963 г. она опубликовала книгу своих воспоминаний, которая является ценным вкладом в историческую литературу.

После ее смерти латышская с.-д. колония в Стокгольме получила из Риги след. телеграмму: «Скорбим об уходе из жизни Клары Калнин, большого человека, верного друга и мужественного борца за свободу. Ее жизнь, заполненная борьбой за дело демократического социализма обеспечит ей почетную память». Телеграмма эта, от имени старых друзей в числе других подписана др. Ф. Мендерсом, который был последним председателем ЦК с.-д. партии Латвии, и К. Лоренцом, членом того же ЦК; оба они при Сталине провели много лет в концлагерях и ссылке, — а теперь живут под Ригой под надзором полиции.

Б. Н-ский.

Цена 1 долл. 25 цент.

Адрес редакции и конторы:

THE SOCIALIST COURIER

7 East 15th Street, Room 407
New York 3, N. Y.